

РАЗВЕДКА ► И ◀ КОНТРАЗВЕДКА

ГОРДОН БРУК-ШЕФЕРД

ПЕРЕБЕЖЧИКИ ИЗ РАЗВЕДКИ

**ИЗМЕНИВШИЕ ХОД
«ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»**

Annotation

Перебежчики из разведки (советской и западной) сыграли важную роль в послевоенной истории. Например, полковник ГРУ Олег Пеньковский передал на Запад 5,5 тыс. документов, которые «определили планирование в западном альянсе на годы, а в некоторых вопросах – на десятилетия».

Сотрудник британской разведки Ким Филби сообщил в Москву обо всех операциях ЦРУ против СССР. О том, какое влияние оказали перебежчики на ход «холодной войны», рассказал автор, который беседовал со многими из них.

- [Гордон Брук-Шеферд](#)
 -
 - [Предисловие переводчика](#)
 - [От автора](#)
 - [Искры войны](#)
 - [Встреча в Чеккерсе](#)
 - [Шифровальщик](#)
 - [Профессор](#)
 - [Разрушитель](#)
 - [Квинтет](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Токио](#)
 - [Вена](#)
 - [Франкфурт-на-Майне](#)
 - [Канберра](#)
 - [Кризис и замешательство](#)
 - [Пеньковский – от первого контакта до провала](#)
 - [Мрачный вестник](#)
 - [«Кость в горле»](#)
 - [Колесо крутится](#)
 - [Плюс и минусы](#)
 - [Заместитель Генерального секретаря](#)
 - [Идеальный солдат](#)

- [«Активные мероприятия»](#)
- [Полный цикл](#)
 - [На службе Франции](#)
 - [Резидент](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)

- [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
-

**Гордон Брук-Шеферд
Перебежчики из разведки. Изменившие
ход «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»**

* * *

Предисловие переводчика

Книга принадлежит перу британского историка и писателя – автора нескольких книг по европейской истории XIX и начала XX веков. Однажды он заинтересовался советскими перебежчиками довоенного времени. Работа была непростой, потому что большинство из них уже к тому времени ушли в небытие, и многие не без посторонней помощи. И Гордон Брук-Шеферд выпустил в 1977 году книгу на эту тему под названием «The Storm Petrels», что в буквальном переводе означает «Буревестники». В русском языке – это название птицы, а у английского словосочетания есть другое образное значение – предвестники неприятностей, мнимых или реальных. Действительно, перебежчики часто оказываются предвестниками зреющих или следствием происходящих кризисов в какой-то стране или в международных, как минимум двусторонних, отношениях. Эта книга («Перебежчики из разведки. Изменившие ход «холодной войны» – прим. ред.) носит синонимичное название – «The Storm Birds» – и повествует о беглецах периода от войны до перестройки. Вышла она в 1988 году, а работал над ней автор, как явствует из следующего далее предисловия автора, четыре года.

В книгах о работе спецслужб нередко имеет место прямое или косвенное участие последних. В зависимости от политического режима в данной стране это может быть и прямой контроль, и выгодное подправление, и «помощь» архивными материалами и просто информацией, выгодно оттеняющей работу заинтересованных спецслужб и, соответственно, невыгодно – другую сторону. И эта книга, написанная в период холодной войны, представляет собой отнюдь не лишнее предвзятости исследование. Автор стоит не над событиями, а с одной стороны событий. Так что, читая эту книгу, вы получите представление не о том, что и как произошло, а о том, что и как подается. О том, как это видят и подают на Западе.

Следует заметить, что в ней есть сведения, весьма расходящиеся с тем, что издано «с нашей стороны». В частности, в главе «Разрушитель» говорится о несколько иной роли известного советского агента, англичанина Кима Филби (поскольку в нашем

звучании слова «агент» есть нечто уничижительное, у нас обычно говорят «советского разведчика»), в деле одного несостоявшегося перебежчика, причем автор утверждает, что эти сведения публикуются впервые.

Хотелось бы особо отметить один сомнительный мотив, проходящий через всю книгу. Часто переходы на другую сторону происходят по весьма банальным причинам психологического свойства. Скажем, человек попался на чем-то неблагоприятном и поддался шантажу, или не без оснований испугался неприятностей по возвращении домой, или психологически надломился на почве служебных и семейных неурядиц и завышенных амбиций, или совершил побег в результате беспринципности, цинизма, низменных привычек и побуждений, разрушения личности на почве злоупотребления алкоголем, в поисках задешево «сладкой жизни» и т. д. (собственно, автор сам перечисляет почти все эти причины в своем предисловии), а из него потом начинают лепить в западных СМИ образ «выбравшего свободу», «борца с режимом», и сам перебежчик уже по заведенной схеме говорит о том, что в нем давно зрела мысль о побеге, и он сам себя начинает выставлять борцом с режимом чуть ли не с младых ногтей (хотя из биографии видно, как будущий перебежчик, несмотря на обуревавшие его сомнения, делал карьеру, карабкался вверх по лестнице, используя любые благоприятные возможности). Это психологически понятно: западному общественному мнению приятнее, если человек давно зрел для приобщения к западным ценностям (и, стало быть, это человек достойный), а не импульсивно перебежал через условную границу, и порой по не красящим его причинам (хотя психология «сукин сын, но наш» работает тоже безотказно). В этом отношении книга не исключение, так что вы не всегда сможете составить мнение о подлинных причинах, толкнувших того или иного перебежчика на критический шаг. Вы скорее можете составить мнение о том, как совершен побег и как публично мотивирован – порой с задержкой в несколько лет, вплоть до двадцати, причем со временем задним числом объявляются всё новые мотивы. Скорее читателю самому на основе субъективных мотивов в изложении перебежчика и автора предстоит составить психологический портрет беглеца и психологию вызревания критического решения.

Вот возьмем Гордиевского^[1], которого автор выдает за одного из самых «идейных» перебежчиков. Он и вначале рассказывает, как тот зрел для борьбы с режимом и перехода на Запад, и заканчивает повествование в том же ключе. А в середине выпадает один важнейший элемент: вроде бы «созревший» Гордиевский должен был бы сам сделать шаг навстречу спецслужбам, однако именно англичане сделали первый шаг к нему навстречу. По каким признакам? И как всё началось? Что-то автор недоговаривает (или ему не сказали) о подлинных причинах перехода.

Однако на первое место у автора выходит не изложение подлинных или мнимых мотивов, а, как правило, перечисление того, что сумел выдать-продать живописуемый персонаж.

Правда, автор не всех персонажей выставляет в качестве «идейных перебежчиков», к тому же почти во всех мотивациях присутствует фактор манящего материального изобилия и перспективы личного благополучия в условиях этого изобилия.

В конце концов, достоинства «разлагающегося Запада» ощущали многие, так же как и многих смущала наша вера в светлое будущее при хронически неустроенном настоящем, однако из десятков тысяч работников наших зарубежных учреждений меняли родину на блага лишь десятки. Даже после того, как у нас исчезли жестокие карательные меры против родственников перебежчиков (скажем, типа «А.Л.Ж.И.Р. а» – Акмолинского лагеря жен изменников родины^[2]). Однако во всех случаях перебежчики доставляли более или менее крупные неприятности своим родителям, родственникам, друзьям, бывшим коллегам – и они отдавали себе отчет в этом, и автор местами не обходит стороной этот фактор. Например, Носенко^[3] (папа – знаменитый в те времена министр морского флота, который был похоронен в Кремлевской стене^[4], обеспеченное детство и юность в голодное время, МГИМО, КГБ, побег без видимых психологических оснований) никогда не узнал, как там живут оставшиеся в Советском Союзе жена, две дочери, мать, брат, которым он, безусловно, испортил жизнь. Или Шевченко изображает трогательную заботу о семье вплоть до последнего взгляда на спящую жену (бедные западные женщины, надо думать, всплакнули, если прочли об этом), – а потом забыл всех и сразу же обзавелся новыми узами...

И ещё одна нравственная сторона вопроса. Мало того что многие уносят с собой на ту сторону секреты. В конце концов, секреты не вечны и не должны быть вечными, и в сформировавшихся обществах по истечении определенного периода – скажем, через тридцать или больше лет – раскрываются, хотя при этом иногда проливается и неблагоприятный свет на данное государство. Но перебежчики из спецслужб стараются выложить и всю известную им агентуру. А это означает долгие годы тюремного заключения и даже казни в демократических странах, а в странах с авторитарными режимами – непереносимые казни, вплоть до массовых, «до седьмого колена».

В такого рода книгах, где бы они ни издавались, трудно рассчитывать на объективный подход. Так же и здесь. Автор сочувственно относится к перебежчикам с Востока на Запад, принимая на веру все их (или приписанные им) живописания насчет побудительных причин и в основном избегая неприятных ярлыков в отношении их (слово «предательство» мелькнуло где-то по рассеянности один раз), но навешивает ярлыки «предателей» на своих соотечественников, хотя у тех из них, про которых он пишет, побудительные мотивы скорее идеалистов, не ведавших о довоенных реалиях в нашей стране, но никак не искателей «сладкой жизни» и длинного доллара (или фунта стерлингов). 28 июня 2001 года легендарный агент советской внешней разведки Джордж Блейк^[5], выступая на пресс-конференции по случаю выхода в Москве книги «Письма из тюрьмы её величества», сказал, как бы оправдывая свою жизненную позицию, такие слова: «Мы очень сожалели, что не увидели коммунизма при нашей жизни»... Даже если считать, что эти люди ошибались, то ошибались, согласитесь, красиво. Надо сказать, что и автор в предисловии отдает дань уважения британцам из высоких слоев общества, пленившимся коммунистическими идеями. Позже, дает он понять, на службу Советскому Союзу шли за деньги или под воздействием шантажа. За коммунизм уже не работали.

Противоречивые чувства охватывают нашего человека, привыкшего к некоторым штампам насчет «кто есть кто», когда читаешь такие истории, как биографию Хохлова^[6]. Он прошел славный, если всё изложенное верно, военный путь, принимал участие в уничтожении немецкого гауляйтера Кубе в Минске, участвовал в партизанских боях, был награжден высокими военными наградами, но

отказался пойти на убийство человека, которого по «идейным» причинам приговорили к смерти с одобрения наших высоких инстанций.

А вот в отношении Пеньковского^[7], «солдата свободного мира», и у автора явно проглядывает брезгливость, когда он излагает его карьеру, его непомерное и неудовлетворенное тщеславие и низменные инстинкты. Но весьма доволен тем, что тот успел продать... Не жалуется автор комплиментами и некоторыми другими персонажами.

Есть и по-своему трогательные истории о дважды беглецах – вначале с Востока на Запад, а потом обратно, несмотря на понимание грозящей кары.

В переводе книга претерпела сокращения за счет порой слишком длинных биографических сведений, которые интересны западному читателю, но до оскомины знакомы российскому (советскому), а также за счет таких газетных штампов и передержек, что местами книга кажется сценарием на колхозную тему, написанным в Голливуде. Вот, например, в главе «Канберра» есть такой перл: приезжает новый посол и говорит центральному персонажу этой главы – с его же подачи, – что, дескать, «ЦК КПСС запрещает вашей собаке бегать по посольству». Самое смешное, что на Западе такому поверят. И вообще эта глава полна сплетен о внутривизитской жизни, и они опущены (хотя бы уже потому, что поданы обиженной стороной – собственно, как и почти вся аргументация книги). А вот политгеографическое открытие автора: «Киев – столица русской (можно перевести “русской”) Украины». И тому подобное...

Наконец, сокращена книга и за счет несколько развязной риторики и штампов времен холодной войны. Например, автор пишет о поездке советской делегации и непременно добавляет нечто типа «для ведения пропаганды» и т. п. Можно подумать, американские или британские официальные лица и тем более разведчики выезжают за рубеж бабочек ловить. Перевод книги делался, смею вас уверить, при достаточном знании предмета, посему откровенная чепуха выброшена. Но позицию автора, естественно, никто не правил, просто можно порекомендовать читателю относиться к его политическим оценкам с учетом его субъективности и времени холодной войны, когда была написана эта книга и тем более когда были написаны или произнесены цитируемые им фразы.

Кое-где мы не удержались от мелких возражений, но если бы всё делать по большому счету, то возникла бы параллельная книга. Например, автор посвящает одну главу научно-технической разведке (или, как чаще говорят, промышленному шпионажу) и приводит образцы нашей техники, якобы списанные с американской, однако если бы он смог со знанием дела сопоставить упоминаемые изделия, то понял бы, что нет смысла умыкать чертежи телеги для строительства автомобиля, тем более что реализация занимает годы. Промышленный шпионаж, как и разведка, выполняет определенную, осмелимся сказать, положительную роль, роль мониторинга – он делает прозрачными планы другой стороны и препятствует получению ею опасного преимущества. А в главе про Гордиевского автор пишет, что он был одним из советников Горбачева во время его неофициального визита в Великобританию в 1984 году – это заместитель-то резидента?^[8] В общем, ещё раз напоминаем, что эта книга не о том, как оно непременно есть, а о том, как оно видится автору.

Заранее приношу извинения за возможные искажения некоторых фамилий и названий, но англичане будут не англичанами, если не изуродуют в изданиях про Россию несколько русских имен собственных.

У читателя книга может породить некоторые недоуменные вопросы, на которые в 1988 году наверняка не рассчитывал автор. Если вы помните последние провалы западных шпионов – уже не в Советском Союзе, а в России, – то, возможно, вспомните и кампании на Западе насчет того, что, мол, русские берут невинных бизнесменов, не имеющих никакого отношения к разведкам. Обратите внимание, как невинных бизнесменов использовали, взять хотя бы дела Пеньковского или «Фэрвела»^[9] (единственный персонаж, которого почему-то автор не называет настоящим именем, хотя оно известно обеим сторонам).

Не всякий читатель заметит примечательный факт – мягкость наказаний и ценность человеческой жизни по британскому праву. Вот в результате бегства Гузенко^[10] (главы «Шифровальщик и «Профессор») в Канаде разоблачена шпионская сеть из девяти человек, все попадают в тюрьму, а «самому видному из них» (члену парламента от компартии) дают... шесть лет. В Великобритании по следу Гузенко судят «самого опасного из агентов» – ученого-атомщика

– и приговаривают его к десяти годам тюрьмы, причем выпускают за три с половиной года до истечения срока «за примерное поведение». Жена его тем временем спокойно работает в Кембридже. Сравните с Соединенными Штатами, где за это давали электрический стул, или с нашими славными тридцатыми, когда расстреливали и «врага народа», а заодно и его жену, и сына, а то и мать. Да и 1985 года тоже обычной нормой был расстрел за ущерб гораздо меньший и в не столь острое время...

Нельзя не обратить внимания на такой факт, не красящий порядки (хочется надеяться, бывшие) в наших спецслужбах, когда перебежчик сообщает сведения, особенно об агентуре, о которых он, казалось бы, по своему рангу и полной, казалось бы, непричастности к конкретному предмету и видом не должен был видеть и слыхом не слыхивать. А всё болтовня. Единственное утешение, что на перебежчиков могли списать часть сведений, которые были получены по иным каналам и которые поэтому нельзя было раскрывать. Но разве только часть...

И последнее: если книгу прочтет человек, которому есть что прокомментировать по существу того или иного дела или персонажа, был бы признателен за отклик. Электронная версия тем и хороша, что никогда не поздно добавить в неё что-то или подправить её.

Бехтин Ю. В.

От автора

Двенадцать лет назад я отложил в сторону свое занятие европейской историей XIX и начала XX века, чтобы заняться пионером из пионеров – первым советским перебежчиком, который был жив и здоров и жил в Париже, человеком, годившимся в герои романа. Борис Баянов (Бажанов) был не только первым, но и самым важным из перебежчиков того времени: прежде чем укрыться в 1928 году в Британской Индии, он был одним из секретарей Сталина. За тридцать с лишним часов беседы с ним я узнал многое о последующих беглецах. Моя книга «The Storm Petrels» («Буревестники»), которая вышла в 1977 году и охватывала период до 1941 года, явилась предшественницей настоящей – «The Storm Birds» (тоже «Буревестники»), темой которой являются советские перебежчики беглецах периода с 1945 года до горбачевской эры.

Главное различие в поиске материалов для этой книги по сравнению с той состояло в наличии большого числа главных персонажей, которые жили и которых можно было увидеть. Другие умерли естественной смертью или были убиты. При работе над этой книгой мне удалось о многом поговорить в Америке и Европе не менее чем с восемью советскими перебежчиками. У меня создалось впечатление, что в этом Запад добивался все больших и больших успехов, что, однако, привлекло к себе куда меньше внимания, чем провалы Запада.

На этой сцене доминируют три гиганта. Гигантом я определяю советского перебежчика из разведки (они – главный объект моего внимания), которые сыграли важную стратегическую роль в послевоенной истории.

В эту категорию я без колебаний отнес только троих. Первый – Олег Пеньковский, разоблачения которого вышли далеко за пределы кубинского ракетного кризиса 1962 года. 5500 секретных и совершенно секретных документов, которые он сумел переснять и передать Западу, имели настолько большое военное значение, что определили планирование в западном альянсе на годы, а в некоторых вопросах – на десятилетия.

Второй гигант – это потрясающий случай с «Фэрвелом», работавшим на Францию. Его главный вклад за восемь лихорадочных месяцев работы, пока он сам не сломал себе жизнь, носил научно-технический характер. Но масштаб его разоблачений возрастает в связи с тем фактом, что, когда его материалы были предъявлены другим странам НАТО, это привело к более тесному сближению Франции при президенте Миттеране с западным альянсом. Как и в случае с Пеньковским, подлинная история его провала, рассказанная здесь впервые, затмевает всякие шпионские романы.

Третий гигант – это Олег Гордиевский, который в качестве без пяти минут резидента в Великобритании был самым старшим офицером советской разведки из когда-либо работавших на Запад. Он также единственный из тройки, кому удалось выжить. Его стратегическая значимость лежит в основном в политической области. Он был первым, кто показал, как реально действует кремлевский механизм в начале 80-х годов, и насторожил свою аудиторию насчет опасных параноических тенденций в Кремле. Одним из важнейших его разоблачений явилось то, что в результате таких тенденций Запад, сам того не подозревая, мог вплотную подойти в ноябре 1983 года к опасности ядерной конфронтации с Советским Союзом. Предупреждения Гордиевского были услышаны, на них обратили внимание на самом высоком уровне. Подробнее об этом будет рассказано дальше.

Но переданная этими перебежчиками информация, будь они гигантами или среднего «роста», – это только часть истории каждого. Я пытался развить здесь и другую сторону. Показать, что они представляли из себя как индивидуумы и какие мотивы двигали ими, когда решали отвернуться от режима, при котором находились в привилегированном положении. В отдельных случаях, включающих прежде всего Гордиевского и «Фэрвела», импульс был исключительно идеологического свойства – нравственное неприятие коммунизма из-за коррупции, обмана и террора, на которых они выросли.

В большинстве других случаев действует более сложная мотивация. Великий Пеньковский, например, действовал отчасти из-за крушения карьеры, а отчасти – из-за болезненного тщеславия. Его также тянуло на Запад, как почти всех других, магнитом более полной и свободной жизни, чем та, которую мог предложить Советский Союз,

даже если человек состоял в спецслужбах. Например, один из первых послевоенных перебежчиков – Юрий Растворов – был любителем веселой жизни, для которого эта самая лучшая жизнь (плюс перспектива сбежать от нелюбимой жены) явилась доминирующим мотивом. Он влюбился в эту жизнь, будучи единственным советским членом токийского теннисного клуба, и переметнулся на Запад, можно сказать перепрыгнув через сетку (спустя более чем тридцать лет он по-прежнему любил эту игру, живя в Соединенных Штатах).

Семейная ситуация и отсутствие или наличие любви на стороне – другой фактор, который всегда надо учитывать. Еще более сильный фактор – боязнь за свою жизнь, особенно страх быть уничтоженным во время повторявшихся сталинских и ранних послесталинских чисток в советских спецслужбах. В конечном счете именно этот страх подтолкнул молодого шифровальщика Игоря Гузенко прихватить с собой шифры и бороться за свою жизнь на улицах Оттавы в сентябре 1945 года. Он же заставил супругов Петровых (оба – офицеры КГБ) предоставить себя в Канберре в руки австралийских властей девять лет спустя (так получилось, что Петровы – единственные, о ком эта книга не предлагает ничего нового; в случае с женой, однако, история её бегства, вышедшая на первые полосы газет всего мира, до сих пор остается уникальной человеческой драмой в этом жанре).

Хотя у меня в голове не было никакой циклической темы, но одна появилась за четыре года работы над книгой. Она выражена заголовком последней части – «Полный цикл». В техническом смысле слова вся история послевоенного шпионажа между Востоком и Западом двигалась по кругу от одной точки к другой, контрастной по отношению к первой, и эта вторая точка Гордиевский – высший западный агент своего времени, занявший в 1981 году почти такой же пост в подразделении КГБ по Великобритании, какой занимал за 40 лет до этого в британской спецслужбе по Советскому Союзу Ким Филби, в то время самый важный советский агент.

Но колесо крутится куда размашистее. В послевоенный период британский истеблишмент лишился своих весьма привилегированных фигур. Такие люди как Бёрджесс, Маклин и Блант, перешли на сторону Советского Союза из идеологического убеждения, что коммунизм – это та единственная дорога, по которой должно идти человечество. Русские, переходившие на Запад в то время, были фигурами не из

элиты, можно сказать из рабочих, они сбежали по личным мотивам или из страха за собственную жизнь. Но к концу 70-х и в начале 80-х появились перебежчики из советского истеблишмента, которые совершили переход, потому что отвергали режим, и идеология явилась их главным импульсом. Кремль получает взамен агентов, которые, несмотря на их профессиональные достоинства, являются человеческими субъектами, попавшими в советские сети из-за жадности или других изъянов в характере. Типичные экземпляры – Джеффри Прайм^[11] в Британии и Рональд Пелтон^[12] или Эдвард Ли Ховард^[13] в Соединенных Штатах. Очевидно, в ту и другую стороны движутся и исключения. И все же правило состоит в том, что к Западу обращаются лучшие русские и из лучших побуждений.

Мое внимание привлекали перебежчики из советской разведки (Аркадий Шевченко, одно время заместитель Генерального секретаря ООН, представляет здесь исключение, и я вставил его сюда из-за его личной и политической значимости). Время от времени я касался и западных перебежчиков. И здесь читатель найдет кое-что новое. Так, глава про Волковых, несчастную пару, которую в 1945 году «выловил» Филби и которая была немедленно уничтожена в КГБ, заканчивается первой вдумчивой «оценкой ущерба», нанесенного предательством Филби, в ней также много новых деталей по делу Волкова.

Что касается главных из числа лиц, подозреваемых на Западе в сотрудничестве с советской разведкой, то дело Пеньковского разбивает тезис о виновности сэра Роджера Холлиса. Холлис, в свое время глава Ми5 (британская контрразведка. – Прим. ред.), был из числа немногих в этой организации, кто по оперативным требованиям обязан был знать о личности полковника и его значимости ещё до визита того в Лондон. Ни один секретный агент не удержался бы от уведомления Кремля об опасности, тем более после того, как ему стали бы известны масштабы и важность материалов Пеньковского. Важно, что все те авторы, пишущие про шпионаж, которые полагают Холлиса советским шпионом, бросают тень и на достоверность верительных грамот Пеньковского, иначе их уравнение просто не сходится. Надеюсь, в будущем нам придется читать меньше таких алгебраических упражнений.

В заключение я хочу поблагодарить всех тех, и особенно советских перебежчиков, кто уделил мне так много своего времени за

последние несколько лет, и всегда, я могу сказать, охотно и с желанием помочь. На меня произвели впечатление откровенность перебежчиков в изложении их историй, их хладнокровие и смелость. Запад перед ними в значительном долгу. Но моя благодарность им носит личный характер, и оттого она ещё теплее.

Искры войны

Встреча в Чеккерсе

Воскресным полднем 7 октября 1945 года британский океанский лайнер «Куин Мэри» после шестидневного плавания из Нью-Йорка пришвартовался в Саутгемптоне. Из сотен пассажиров, что пересекли Атлантику на её борту, наиболее примечательной личностью был премьер-министр Канады Уильям Лайон Маккензи Кинг. И примечательной не из-за каких-то особых его личных достоинств. Проницательный, лишенный всякой щепетильности политик, Кинг умудрился продержаться в своей вотчине у власти вместе со своей Либеральной партией Канады более восемнадцати лет. Однако за пределами своей вотчины он держался нервно и неуверенно и был в некотором роде пигмеем в компании гигантов, приведших западных союзников к победе над нацистской Германией и её сателлитами. Его значение состояло в том, что, как лидер военного времени, он был все ещё там, на заре мирного времени.

Двое из тех гигантов, в тени которых он пребывал, уже ушли из большой политики. Весной победного года не стало американского президента Франклина Делано Рузвельта. Его преемник Гарри Трумэн пока ещё прилаживался к рычагам власти в Белом доме, которую он потом станет осуществлять с неожиданной твердостью. Другого гиганта, Уинстона Черчилля, в разгар лета бесстыдно столкнули со сцены его собственные избиратели (что сильно удивило Сталина, не говоря о бесчисленных наблюдателях, и, должно быть, сделало диктатора тем более удовлетворенным тем, как вершится его политика, политика по-советски). Новый премьер-министр Великобритании, лидер лейбористской партии Клемент Эттли, был отнюдь не новичком в мировой политике, поскольку в качестве заместителя Черчилля большую часть войны он был причастен ко всем трагедиям и триумфам того мирового конфликта. Однако и он пока ещё только нащупывал свою линию поведения на вершине власти и, во всяком случае, был по своей натуре ровно настолько же сдержанным, насколько бойким был его предшественник. Третьему западному гиганту военного времени, лидеру «Свободной Франции» генералу Шарлю де Голлю, ещё нужно было закрепить свою власть во Франции

мирного времени. Так что репортеры окружили высадившегося премьер-министра Канады скорее как одного из символов недавней победы, чем как самостоятельную политическую величину.

– У меня нет никакой собственной программы, – заявил он журналистам. – Я только хочу спокойно поговорить о делах с возможно большим кругом лиц.

В качестве акции по дезинформации это внешне ничем не примечательное заявление находилось вполне на уровне той пропаганды, которой все упражнялись во время войны.

Маккензи Кинг прямо с пристани направился в официальную загородную резиденцию британского премьер-министра в Чеккерсе. И вовсе не за тем, чтобы перевести неторопливый взгляд с мирных пейзажей Букингемшира на мировую арену. Они с Эттли провели и весь оставшийся день, и вечер, и утро следующего дня, обсуждая событие, которое Кинг только перед этим обсуждал в Вашингтоне с президентом Трумэнном – событие, которое не могло не потрясти. 7 сентября, ровно месяц назад, шифровальщик, сбежавший двумя днями раньше из советского посольства в Оттаве с массой рассказов сверхсекретного разведывательного содержания в голове и битком набитыми карманами официальных документов, подтверждающих его рассказы, после ряда приключений, от которых встают дыбом волосы, вступил в конце концов в контакт с канадскими службами безопасности. Одна история, подтверждаемая оригиналами телеграмм его посольства, стояла по своей значимости над всеми прочими. Среди названных им шпионов на Западе, работавших на русских во время войны, был, по его словам, один британский ученый, который участвовал в самой секретной программе военного времени – «проекте Манхэттен, то есть проекте создания Западом атомной бомбы. Как казалось, оставалось немного секретов производства этого важнейшего, стратегически решающего оружия, относительно которых Кремль был в неведении.

Для трех Западных лидеров, с самого начала вовлеченных в эти разоблачения, удар пришелся на трех уровнях. Во-первых, это был шок: как это вообще могли привилегированные и высокообразованные представители западного общества, подобно британскому профессору и многим разоблаченным канадцам, предать свои страны, не говоря уж о том, что они сделали это скорее по идеологическим убеждениям, чем

из-за боязни шантажа или жадности до денег? В этом отношении Запад, и особенно Британию, ожидали впереди ещё более неприятные сюрпризы.

Важнее этого отталкивающего факта было беспокоящее доказательство того, что во время войны Россия шпионила за своими союзниками как за вражескими разведывательными объектами. Это вело к столь же неприятному выводу: союзники военного времени, как лидеры капиталистического мира, никогда не теряли в глазах Кремля образа врага. Конечно, к осени 1945 было уже очевидно, что великий союз, который опрокинул Гитлера, быстро разваливался на почве разногласий по поводу устройства освобожденной Европы и деления её на два соперничающих силовых блока. Острая борьба между Россией и Западом вокруг послевоенного режима, который должен быть установлен в Польше – борьба, в конечном счете без особого труда выигранная Сталиным, явилась срезом общего конфликта. Но одно дело – ссориться по поводу раздела военной добычи – вещь привычная и недолговечная среди союзников по сражениям, а другое – ощущать смертельный и, похоже, нескончаемый вызов, исходящий от Востока в момент, когда в воздухе ещё стоит звон победных колоколов. Ведь ещё только 2 сентября этого же года Япония, сопротивление которой рассыпалось в прах через месяц после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, подписала акт о капитуляции на борту американского линкора «Миссури». Таким образом, прошло менее недели после окончательной победы над державами «Оси» и, значит, установления мира на земле, когда бомба другого порядка взорвалась в Оттаве, но её взрыв все ещё приглушали, а о её существовании знала лишь горстка западных министров и должностных лиц.

Наконец, следует особо сказать об ущербе, причиненном тем британским ученым западному лагерю. Пока Запад был единственным обладателем самого мощного оружия разрушения, в его руках была угроза, нависавшая с воздуха и способная противостоять подавляющему советскому военному преимуществу на земле. В конце концов, Россия и сама создала бы это оружие, поскольку в науке нет устойчивых барьеров. На Западе это понимали и, пока союзнические отношения переживали период расцвета, там напряженно размышляли над тем, каким образом можно было бы поделиться ядерной

информацией с Москвой. К мысли об открытом подходе к русским то и дело возвращался президент Трумэн, когда вдруг бегство шифровальщика показало, как много русские уже знали и каким путем они получали информацию. Подозрения насчет ядерного и другого шпионажа русских в военное время и без того давно существовали, но теперь появились доказательства этого, и это способствовало тому, что и Трумэн, и Эттли окончательно освободились от иллюзий в отношении Москвы (на Кинга, человека неопытного в иностранных делах, утрата иллюзий нашла позднее).

Для американцев сложность проблемы состояла не в переоценке бывшего соратника по войне, а в потере решающего стратегического преимущества над союзником. После окончания войны СССР стал превращаться в соперника, и весьма враждебного. За два месяца до того, как первая атомная бомба была сброшена на Японию, президент Трумэн в беседе со своим министром обороны Генри Стимсоном высказывал мысль о том, что обладание атомным оружием позволит Соединенным Штатам навязывать свою волю Советскому Союзу по всему фронту противоречий между Западом и Востоком, от Польши до Манчжурии. Эту идею подсказал Трумэну государственный секретарь Джеймс Бирнс в апреле, когда новый президент только занял свой пост. Теперь важное американское преимущество стало тревожно таять. Ранее оценки западных ядерных экспертов насчет того, сколько времени потребуется русским, чтобы без посторонней помощи создать собственную атомную бомбу, колебались в пределах от пяти лет до жизни одного поколения. С обнаружением того факта, что они работают отнюдь не без посторонней помощи, даже минимальные оценки длительности американского лидерства приходилось ещё более уменьшать.

Русские возобновили работу над своими собственными программами ядерных исследований, которые они было положили под сукно, в какой-то период 1943 года и, предположительно, под влиянием первых сообщений своих агентов с Запада о «проекте Манхэттен». Но в их усилиях не чувствовалось особой горячки даже после того, как президент Трумэн как бы походя упомянул Сталина на Потсдамской конференции в июле 1945 года, что, мол, Запад закончил работу над «очень мощным взрывчатым веществом», с помощью которого вполне можно положить конец войне с Японией. Сталин

воспринял это сообщение так же походя, как оно было подано – то ли потому, что он решил не выдавать своей тревоги, то ли потому, что искренне не подозревал, насколько мощным покажет себя новое оружие. После того как через месяц это оружие стерло с лица земли два японских города, любые сомнения в голове Сталина рассеялись.

Спустя двадцать лет его дочь написала, как в день взрыва в Хиросиме она приехала к нему на дачу и застала диктатора настолько поглощенным мыслями о бомбе, что он еле-еле выкроил для неё время, хотя она только что подарила ему нового внука. Когда речь заходила о ядерной проблеме, советские лидеры продолжали демонстрировать прежнюю безмятежность, но в действительности они уже начали бешеную гонку с целью перегнать Запад любыми средствами и в кратчайшее время. Во все советские разведывательные точки на Западе полетели срочные и совершенно секретные телеграммы с приказами поставить на первый план работу по получению документальной информации о новом оружии. Текст одной такой телеграммы из Москвы, направленной 22 августа 1945 года, оказался среди оригинальных документов, которые принес с собой русский шифровальщик спустя две недели после его отправки.

Вот в таком, если кратко говорить, международном контексте состоялся визит Маккензи Кинга. Но стоит упомянуть ещё о двух фигурах второго плана, которые принимали участие в этой драме. В то время они были ничем не примечательными, но каждой из них предстояло сыграть чрезвычайно важную роль позднее. Сотрудником британской контрразведки, который в тот день, 7 октября, поднимался на борт «Куин Мэри», чтобы известить канадского премьер-министра о последних новостях в развитии шпионского скандала, был не кто иной, как Роджер Холлис, позже выросший до главы британской службы контрразведки Ми5 и при жизни подозревавшийся, а после смерти открыто обвиненный в том, что был суперагентом Кремля. А британский коллега, который преподнес всю эту «канадскую проблему» Роджеру Холлису, был не кто иной, как Харольд Адриан Рассел Филби – человек, который, как выяснится через двадцать лет, был у русских – это несомненно и общепризнанно – наиболее ценным из всех их известных послевоенных агентов, работавших на Западе. По иронии судьбы, в силу другого совпадения, Филби было необходимо прикрыть свою спину от внезапной опасности оказаться

разоблаченным другим перебежчиком, который сбежал в иной части света и в необычной манере.

Это любопытное стечение шпионских обстоятельств будет описано в следующей главе. А здесь достаточно сказать, что события, вошедшие в историю как «дело Гузенко», вовсю начали раскручиваться.

Шифровальщик

Мысль о побеге зародилась в голове Игоря Сергеевича Гузенко еще, может быть, до того, как колеса самолета, в котором он летел из Москвы в июне 1943 года со своим шефом, полковником Николаем Заботиным, коснулись посадочной полосы аэродрома в Оттаве. Самолет летел полярным маршрутом, и в полете над Канадой Гузенко увидел десятки городов и деревень, пересекаемых длинными улицами и покрытых полукругами домов, самые маленькие из которых наверняка насчитывали по пять-шесть комнат, а возле домов располагались сады и гаражи. Это, говорили ему канадцы, сопровождавшие русских, были дома простых людей, большей частью рабочих. Поначалу Гузенко не верил. Но само число этих домов убедило молодого шифровальщика, впервые выехавшего за границу, что хозяева говорят правду. Да, в России, чтобы жить в таком доме, нужно было входить или в иерархию компартии, или в число высоких госчиновников – в привилегированную номенклатуру. Простой смертный счастлив был получить двухкомнатную квартиру и жить там со всеми домочадцами.

Первое впечатление от знакомства с Западом вселяло неуверенность. Неужели это и есть «эксплуатация трудящихся», про которую ему долбили с детства?

Второе и третье впечатления укрепляли мысли о контрасте между жизнью здесь и в Советском Союзе и множили сомнения. Гузенко тогда было 24 года, он был женат, жена его, Анна, ждала ребенка, и ей разрешили присоединиться к нему попозже, морем. Здешней жизнью она была изумлена не меньше мужа, а магазины канадской столицы после московских прилавков напоминали ей пещеру Аладдина. Но не только материальная сторона жизни привлекла пару, чей первый сын, Андрей, родился вскоре после их прибытия на канадскую землю. Им говорили, что их ожидает здесь враждебность и кислые лица идеологических противников, а этого не было. Рабочие в аэропорту поинтересовались у Гузенко и его коллег насчет их грозного вождя в шуточной манере: «Как там поживает дядя Джо?» – и эта манера не изменяла окружающим и в последующие месяцы. Они столкнулись с

человеческими существами, дружески настроенными, к тому же державшимися раскованно и в обществе, и наедине, не ведавшими запретов на выражение своих чувств и потому никого не опасавшимися. Эти люди казались существами с другой планеты молодой паре, приехавшей из государственной системы, построенной на страхе, пропитанной подозрительностью, скрытностью и недоверием.

У некоторых из окружения Гузенко шок был особенно сильным. Он-то был основательно вымуштрованным продуктом системы, на увековечение которой было направлено все его воспитание. В коммунистической партии он не состоял (это пришло бы само собой, пойдя он по карьерной лестнице), но в семнадцать лет он членом комсомола. Четыре года спустя Гитлер напал на Россию, и Гузенко, к тому времени выпускник технического вуза, оказался среди молодых людей, отобранных для работы в военной разведке. Он прошел тщательную подготовку по шифровальной специальности и после пятимесячной проверки со стороны НКВД был взят на службу в военную разведку, в её московский штаб. Оттуда он был направлен в действующую армию, и уже на фронте его начальники решили, что он хорошо знает свою работу и вполне надежен и его можно направить для работы за границей. Снова последовала проверка на благонадежность. Окончательное разрешение на поездку давал шеф международного отдела партии, или это делалось его именем. И Гузенко, отборный продукт советской системы, был направлен в качестве гражданского служащего, хотя в действительности был лейтенантом Главного разведывательного управления генштаба, – был, можно сказать, прямым ходом направлен летом 1943 года с фронта войны с Гитлером в тихую Оттаву.

Работа, которой стал заниматься Гузенко, явилась для него объяснением – если у Гузенко вообще была потребность в объяснениях, – почему его столь скрупулезно проверяли под микроскопом спецслужб. Его шеф, полковник Заботин, исполнял официальные функции военного атташе в огромном здании из красного кирпича на Шарлотт-стрит, 285, где год назад, после установления дипотношений между Оттавой и Москвой, было открыто советское посольство. Но, как Гузенко прекрасно знал, Заботин был помимо этого и прежде всего главой секретных операций ГРУ против

Запада в Канаде. Заботин имел оперативный псевдоним «Грант» (у Гузенко был псевдоним «Кларк» – вполне невинный, если учесть характер его обязанностей). Он также знал, что у НКВД есть своя параллельная шпионская сеть, совершенно отдельная, а её контрразведывательная служба следила за всеми в посольстве, включая и «Гранта», и его команду из четырнадцати человек. Если учесть секретную часть посольства и «обычную», всего под крышей дома 285 по Шарлотт-стрит работали пять отдельных сетей, и они на своих шифрах посылали сообщения в пять центров в Москве и получали оттуда указания^[14]. Номинальный глава всех этих подразделений, посол Георгий Зарубин, не имел детального представления о том, что происходит в разведывательных подразделениях, и не нес никакой ответственности за их деятельность. Это было к его же благу: его не касалось, если в одном из этих подразделений случалась неприятность. На дипломатической карьере Зарубина никак не сказалась история с Гузенко: в 1945 году, так и не зная ни слова по-английски, он был советским послом в Лондоне и в Вашингтоне.

У Гузенко была комната под номером 12, одна из восьми на втором этаже посольства, и вся эта секция закрывалась на двойную стальную дверь и железные засовы, а на ночь стальными ставнями закрывались и все окна. С внешней стороны у дверей находилась скрытая кнопка замка, по звонку с внутренней стороны разглядывали в глазок посетителя и только после этого впускали его. В своей келье, нагонявшей клаустрофобию, молодой лейтенант проработал пятнадцать месяцев, зашифровывая и расшифровывая все телеграммы ГРУ в Москву и из Москвы. Хотя в основном он знал лишь псевдонимы, а не настоящие имена агентов Заботина (которых полковник в основном принял по наследству от своего предшественника майора Соколова), Гузенко или знал, или мог узнать о прочих подробностях деятельности агентурной сети. В сейфе 12-й комнаты находились секретные дневники полковника, данные на агентуру и прочие ключевые документы операций ГРУ. Действующие шифры и свежие телеграммы в Москву и из Москвы хранились по ночам в опечатанной коробке и передавались человеку из охраны для хранения в сейфе.

Личная жизнь Игоря Гузенко проходила в полном контрасте с его напряженным существованием за семью запорами внутри посольского здания и среди своих коллег. Это уже потом случится, и отчасти из-за действий Гузенко, что все шифровальщики во всех советских представительствах за границей будут размещаться вместе со своими семьями только в официальных зданиях представительств, а выходить из них будут только в сопровождении. Но пока что все только начиналось, да и Канада считалась союзницей. При открытии посольства в Оттаве Кремлю было неловко требовать строительства отдельного советского анклава, да на это не было и времени. Так что большая часть персонала оказалась расселенной по частным квартирам по всему городу. У полковника Заботина был дом на Рейндж-роуд, 14, где проходила немалая часть его работы. Гузенко жил с женой и маленьким сыном в комфортабельной квартире в здании на Сомерсет-стрит, 511, в предместье столицы. Со всех сторон за стенами жили обычные канадцы.

Как Гузенко неоднократно утверждал позднее, оказавшись в безопасности на Западе, он убежал бы рано или поздно, не возникни чрезвычайная ситуация. Болезненным препятствием его действиям всегда были мысли о «заложниках» его родственниках в России. Его мать и сестра оставались там. У жены Анны оставались там оба родителя, а также сестра и брат. Он мог быть уверенным, что кто-то из родственников или все они будут репрессированы или даже ликвидированы сталинским полицейским государством, если Гузенко отвернется от него или нанесет ему какой-либо ущерб. И, несмотря на это, тяга жить в таком благополучном и открытом обществе, какого он не знал дома и не ожидал увидеть за границей, все больше и больше овладевала им и побуждала его к бегству. И чем больше он отождествлял себя с этим обществом, тем большее отвращение он испытывал к своей работе, посредством которой он помогал шпионажу против этого общества и нанесению ему ущерба. Но на решительный шаг перейти невидимую линию раздела его подтолкнул страх.

Перед его отъездом из Москвы ему было сказано, что он пробудет на этой работе два-три года. В сентябре 1944 года, когда за спиной были только пятнадцать месяцев работы в Оттаве, его вызвал к себе полковник Заботин и сказал ему, что пришла телеграмма из Москвы, в которой шифровальщику с семьей предписывалось немедленно

выехать домой. Причины столь раннего отзыва не приводились. Такого неожиданного отзыва боялся любой советский работник за рубежом. Под страхом такого отзыва жил и сам полковник Заботин, и вздохнул он с облегчением, только когда из Москвы ему сообщили о награждении его за хорошую работу орденами Красного Знамени и Красной Звезды. «Теперь, – открыто говорил военный атташе в своем кругу, – можно и не бояться возвращения в Москву». Бедняге же Гузенко оставалось со страхом – и, как выяснится позже, обоснованным – ждать отъезда в Москву. Но осенью 1944 года престиж и влияние полковника Заботина были на достаточно высоком уровне, и он сумел убедить Москву изменить мнение и дать Гузенко ещё поработать ввиду большого объема работы и недостатка квалифицированного персонала. То ли подозрения служб безопасности удалось рассеять, то ли опасность, как считала жена Гузенко, отступила на время, но этот случай заставил пару просить убежища в Канаде – «когда придет время».

Настало лето. Однажды вечером Гузенко, уйдя с работы домой, по небрежности оставил на своем рабочем секретный документ, оказавшийся в ворохе других, маловажных, бумаг. К его облегчению, оплошность осталась незамеченной, и он утром обнаружил документ. Но оплошность была-таки замечена – уборщицей, которая состояла в службе безопасности здания. Она сообщила об этом не военному атташе и не послу, а своему начальнику Виталию Павлову, который под прикрытием второго секретаря посольства возглавлял резидентуру НКВД в посольстве, а тот, в свою очередь, сообщил об этом по своим каналам своему руководству в Москве. Реакция последовала через неделю. Полковник Заботин (который в личном порядке сделал Гузенко выговор, когда узнал об оплошности последнего), получил нагоняй за то, что проинформировал Центр о столь тяжком проступке своего подчиненного. Самого виновника отзывали в Москву, теперь уже вполне определенно. Это был приказ, не подлежавший обсуждению, но выполнять который было опасно. За такие оплошности шифровальщики не просто получали выговоры, а подвергались смертной казни^[15]. Помимо страха был ещё один стимул к бегству. Жена сказала Гузенко, что ждет второго ребенка. И они решили, что второй ребенок должен не только родиться, как и первый,

на канадской земле, но и получить возможность прожить всю жизнь на ней.

Гузенко придумал образец, которому потом будут следовать почти все «подготовленные» беглецы – в противоположность «импульсивным». Он приготовил «приданое» из разведывательных материалов, чтобы представить его тем, кто будет решать его судьбу. За то короткое время, которое ему оставалось до тех пор, пока его не заменит некий лейтенант Кулаков, уже прибывший из Москвы, он внимательным взглядом прошелся по собранию документов, загнув углы более чем сотни тех, что он должен был в сжатое время изъять в нужное время. Отбор документов был весьма тщательным. Большое количество материалов представляло непосредственный интерес для канадских властей, в чьи руки он вручал свое будущее. Но среди них было и несколько документов, жизненно важных для всего Запада, а один из них вкуче с устными свидетельствами Гузенко содержал, как мы видели, взрывчатый материал.

В самом способе бегства была также известная продуманность, но с долей наивности и с ещё большей долей путаницы. Гузенко выбрал вечер, когда лейтенант Кулаков работал в доме полковника Заботина и когда сам полковник, человек веселый, с широкими связями в обществе, находился на каком-то приеме. Гузенко точно знал, что многих его коллег в тот вечер не будет в посольстве, поскольку они будут присутствовать на показе кинофильма в городе. Это был день 5 сентября 1945 года.

Он был ошеломлен, когда, отмечая в журнале регистрации свой приход, увидел, что в посольстве все ещё болтается шеф резидентуры НКВД Виталий Павлов. Но под предлогом «обработать пару телеграмм» он прошел через стальные двери в свою комнату. Он действительно, чтобы не навлекать на себя немедленных подозрений, зашифровал, как положено, две телеграммы, затем набил в карманы и за пазуху уже намеченные к изъятию документы. Он передал дежурному по резидентуре подготовленные телеграммы вместе с запечатанной коробкой, где хранились шифры военного атташе, для помещения на ночь в сейф. Когда он спускался вниз, то все выглядело как надо, не считая его раздувшихся карманов. К счастью, дежурный на выходе, ещё один сотрудник НКВД, не заметил ничего странного. И

опять же к счастью, ненавистный Павлов покинул здание. Пошел девятый час вечера, когда Гузенко вышел на Шарлотт-стрит.

Что произошло потом, мы сможем понять, если вспомним, что Гузенко был первым из послевоенных перебежчиков. Даже само слово «бегство» было новым. Оно по-прежнему имело незнакомый, а для некоторых на Западе и неприятный ореол. Начать хотя бы с того, что известный русский, который менее чем за двадцать лет до этого проложил дорогу бегства на Запад, рассматривался уже как ренегат – речь идет о Борисе Бажанове, одном из помощников Сталина, который в 1928 году нашел убежище в Британской Вест-Индии^[16]. Такая атмосфера неприятия перебежчиков отчасти сохранялась и в 1945 году, когда после войны Советский Союз воспринимался не иначе как великий и славный союзник. Что касается Гузенко, ему не было на кого равняться. И он действовал инстинктивно, и эти инстинкты были заложены в нем ещё тоталитарным обществом. Несмотря на все, что Гузенко видел вокруг себя и приветствовал в свободном западном обществе (а только этим летом вокруг него проходило впечатляющее зрелище по-настоящему свободных выборов в Канаде), он не мог заставить себя поверить, что полиция – это люди, которые стоят на твоей стороне. Однако он сумел поверить в независимость канадской прессы. Так что, вместо того чтобы идти прямо к властям, он сел в трамвай и направился в редакцию «Оттава джорнел» – самой солидной и наиболее консервативной из двух ежедневных столичных газет, чтобы изложить там свое дело.

При первом посещении смелость изменила ему в тот момент, когда он уже собирался постучать в дверь с табличкой «Издатель». Он изменил свое решение и побежал домой к Анне, чтобы успокоить её нервы и подсушить свои драгоценные документы, некоторые из которых намочили от его собственного пота. Когда он вернулся в «Оттава джорнел», издатель уже ушел, а вечерний персонал, занятый подготовкой завтрашнего номера, не имел ни времени, ни способности понять, что это за странный тип, который размахивает кипой бумаг на непонятном языке и взволнованно говорит о советском шпионаже и предательстве в Канаде. Тем не менее они наставили его на верный путь, убедив пойти в Королевскую канадскую конную полицию и рассказать свою историю там. Но первый контакт с официальным лицом Гузенко установил уже за полночь, подойдя к полицейскому,

дежурившему у входа в Министерство юстиции. Тот ему сказал, чтобы он пришел на другой день. Делать было нечего, кроме как пойти со своими документами, которые начинали становиться скорее опасными, чем ценными, к себе домой на Сомерсет-стрит и переночевать там. Его отсутствие на службе и нехватку документов обнаружат при нормальном развитии событий не раньше какого-то времени завтра утром. Так что у него было несколько часов в запасе.

Следующее утро 6 сентября вылилось для беглеца в настоящий кошмар. Супруги Гузенко решили придать своей вылазке семейный характер – частично затем, чтобы никому не оставаться дома, а частично – чтобы придать больший вес своему обращению о предоставлении убежища. И Анна на восьмом месяце беременности, вместе с двухлетним сыном Андреем отправилась вместе с мужем в Министерство юстиции. В чрезвычайной обстановке Анна проявила свою незаурядность, настояв на том, чтобы документы несла она – на случай, если их выследят сотрудники НКВД, и тогда она улизнала бы с сыном и вещественными доказательствами. Но злой судьбе было угодно, чтобы в этот день в 11 часов утра началась сессия нового парламента, почему ни одного министра не было на своем рабочем месте. Однако они произвели достаточное впечатление на секретаря в Министерстве юстиции в их первом «порту захода», и секретарь отвез их в резиденцию парламента. Там они снова просили в какой-то из приемных, чтобы их выслушали и дали возможность показать документы лично министру юстиции Луи Сен-Лорану, но после несколько телефонных звонков им ответили, что министр не сможет принять их... Позже министр скажет в парламенте, что он был «не готов принять официальное лицо из дружественного посольства, рассказывающее немислимые истории». Чопорность и наивность реакции показывает, с чем сталкивались Гузенко и любой другой, старавшиеся в 1945 году сказать правду о сталинском режиме.

Супруги снова поплелись в прежнюю гавань – в газету «Оттава джорнел». На сей раз им удалось представить свои документы издателю, но им их вернули со словами, что «они не подходят». Даже эта консервативная газета не хотела, чтобы про неё говорили, будто она нападает на Советский Союз сразу после такой победы союзников. Гузенко оказались в незавидном положении, но единственное, что благожелательные люди из газеты смогли им предложить, это

попытаться получить канадские документы на натурализацию, с тем чтобы обезопасить себя. А какая-нибудь защита им была позарез необходима. Утро прошло. Посольство и его спецслужбы уже переполошились по поводу отсутствия семьи Гузенко. Теперь за ними началась охота.

Перекусив, они наконец установили контакт с нужной службой – канцелярией Королевского прокурора на Николас-стрит. Но здесь возникли новые барьеры – бюрократические. Их обращение должно было пройти через определенные стадии, хоть кричи о помощи. Их попросили заполнить некоторые формы и снова прийти с фотографиями на следующий день. Принимавший их служащий и представления не имел о том, может ли быть предоставлено канадское гражданство и когда. Единственное, что он смог сказать, так это что процедура займет месяцы. Выдержка Анны впервые сдала, и она разрыдалась. Лучшего она сделать не могла. Секретарем была весьма чувствительная женщина – миссис Фернан Жубарн, рабочий стол которой находился в том же помещении. Она с сочувствием выслушала рассказ супругов и, как им показалось, оказалась первым человеком на всю Оттаву, который воспринял их рассказ со всей серьезностью. Но и миссис Жубарн не могла предоставить им моментальную защиту, не говоря уж о немедленном предоставлении гражданства. Все, что она могла сделать – это пообещать, что сделает для них всё. Подавленная и напуганная, пара вернулась на Сомерсет-стрит, войдя в дом через черный ход, чтобы забрать Андрея, которого они оставили у соседей на время завтрака.

Едва они забежали к себе домой, как пришла ожидаемая опасность. В парадную дверь внизу начали громко стучать. Гузенко услышал свое имя и приказ на русском языке открыть дверь. Он сразу узнал голос шофера полковника Заботина. А за несколько минут до этого, глянув в окно, Гузенко увидел на лавке через улицу двух мужчин, взгляды которых были прикованы к его квартире. Похоже, что НКВД явился во всеоружии, чтобы забрать его.

Ему ничего не оставалось, как обратиться за помощью к соседям. К счастью для семьи Гузенко, в соседней квартире номер 5, балкон которой был рядом с их балконом, жили сержант канадских королевских ВВС с женой. Сержант Мэйн сразу же отложил газету и вечернюю трубку, когда услышал от русского соседа, что его русские

хозяева приехали, чтобы, возможно, убить его вместе с женой; и не присмотрит ли кто-нибудь в этом случае за их ребенком? Сержант поразмышлял с миг над этим волнующим сообщением и сразу же решил, что должен помочь людям. Тут же появилась ещё одна соседка, и состоялись целые переговоры. Согласились на том, что все трое Гузенко переберутся в её квартиру 6, а сержант Мэйн сел на свой велосипед и поехал за местной полицией.

Между половиной двенадцатого ночи и полночью на лестничной площадке появился сам Виталий Павлов вместе с одетым в мундир подполковником Роговым, помощником военного атташе, и ещё двумя подручными. Они стали спрашивать, где Гузенко. Добрый сержант ответил им, что представления не имеет, и захлопнул перед ними дверь. Тогда те вломились в квартиру 4. Они копались в пустых комнатах, когда им помешали прибывшие констебли Уолш и Маккаллок из муниципальной полиции. Это их ранее всполошил сержант Мэйн, они успели переговорить с супругами Гузенко в их убежище и решили взять дом под наблюдение. Состоялась вполне спокойная дискуссия между налетчиками, которые попытались объяснить полицейским, что просто проверяют наличие советской собственности с разрешения отсутствующих хозяев, а полицейские указали им на явные следы незаконного вторжения. Потом атмосфера стала накаляться. Русские велели констеблям уйти. Констебли отказались сделать это до приезда своего начальника. Наконец, русские растворились, когда появился, как и положено, полицейский инспектор и заявил, что ему надо провести «дальнейшее расследование».

Во время этой сцены Игорь с семьей находились всего в нескольких метрах от них, в квартире 6. Но их тревоги были позади. Уже не было и тени сомнений ни в том, что над этой парой нависла серьезная опасность, окажись она в руках соотечественников, ни в том, что сам Гузенко является важной персоной. Семья провела в убежище всю ночь, но уже под полицейской охраной. Ночью был слышен стук в дверь квартиры 4; не услышав ответа, стучавший удалился.

На следующее утро после завтрака прибыл ещё один полицейский инспектор, на сей раз чтобы взять с собой беглецов для беседы с представителями канадских служб безопасности – в здании Министерства юстиции, которое они днем раньше так тщетно

осаждали. Супруги покинули Сомерсет-стрит и благополучно расстались с опекой со стороны НКВД.

В течение прошедшей ночи они на самом деле не были настолько беззащитны, как они полагали. Те два мужчины, которых Гузенко видел сквозь занавески на парковой скамейке напротив дома, были вовсе не русскими, а людьми из канадской службы безопасности. А поздним визитером в квартиру 4, который вежливо постучался и исчез в ночи, была одна из самых заметных фигур в мире шпионажа по ту сторону Атлантики – сэр Уильям Стивенсон, координировавший разведывательные и контрразведывательные операции западных спецслужб из своего офиса в Нью-Йорке. Случилось так, что на этом посту оказался канадец, и это, может быть, подогрело его интерес к происшествию. Но самым большим подарком судьбы для Гузенко оказалось то, что Стивенсон выбрал подходящий момент для короткого делового визита в Оттаву. По приезде он сразу связался с Норманом Робертсоном, постоянным заместителем министра^[17] в канадском Министерстве иностранных дел, что было в его обычной практике. Ему тут же сообщили о необычной новости насчет вроде бы советского перебежчика, скитающегося по Оттаве с кипой документов в карманах, которые он хочет поменять на убежище. Самого Робертсона насторожили убоившиеся ответственности сотрудники Министерства юстиции, которых оба Гузенко умоляли выслушать их. Славная миссис Жубарн также сыграла свою роль. Но именно счастливый приезд в Оттаву Стивенсона (у него был оперативный псевдоним «Intrepid» – «Бесстрашный», потому что в юные годы, во время Первой мировой войны, он служил летчиком-истребителем) расшевелил неуверенно действовавший механизм канадской службы безопасности и заставил его работать на полных оборотах. Эксперты сразу признали в Гузенко манну, упавшую с небес куда надо.

Что интересного и даже уникального было в деле Гузенко, так это реакция официальных лиц, противоречившая всяким инстинктам, и особенно первые решения политических лидеров. О прямом отказе принять разведывательную информацию и удовлетворить личные просьбы супругов Гузенко уже было сказано. Но ещё более примечательной оказалась первоначальная реакция самого премьер-министра. Когда Робертсон сказал ему, что, мол, какой-то сотрудник советского посольства бродит по Оттаве в поисках убежища и

покончит, вероятно, с собой, если не получит его, то Маккензи Кинг был почти настроен в пользу самоубийства – только бы не представать перед мировой общественностью в необычном свете. «Если бы самоубийство произошло, – писал он в своем дневнике, – то пусть городская полиция брала бы на себя это дело и разбиралась с документами, но нам ни в коем случае не следовало брать инициативу на себя». Что же до ценности документов, то Кинг заметил, что не верил рассказам Гузенко.

Поистине необычной была реакция этого человека, который был уже видным канадским политиком^[18] в начале 30-х годов, когда консервативное правительство Р. Б. Беннета запретило крошечную, но ядовитую Компартию и посадило в тюрьму некоторых её лидеров по доказанному обвинению в подрывной деятельности, направлявшейся и финансирувавшейся из Москвы. Правда, Либеральная партия Маккензи Кинга потом, в 1936 году, отменила этот запрет – чтобы восстановить его в 1940 по той причине, что на первой фазе борьбы Запада с Гитлером оставался в силе нацистско-советский пакт 1939 года (Канада объявила войну Германии 10 сентября 1939 года, ровно через неделю после Великобритании и Франции). Кто-то может подумать, что, несмотря на вторую фазу борьбы, в течение которой Советский Союз выступал союзником западных демократий, для Кинга не должно было бы быть большим сюрпризом, что Россия не оставила своих старых дурных привычек. И, несмотря на это, из него пришлось вырывать необходимость действовать, как зуб мудрости.

Даже когда ему утром 7 сентября сказали, что происходило на Сомерсет-стрит накануне вечером и ночью, премьер-министр Канады продолжал оставаться осторожным, как кролик. Он ещё продолжал думать, а не отдать ли обратно в посольство документы, которые принес Гузенко – разве что сняв фотокопии. Вот как он позже старался объяснить свои действия:

«Я чувствовал, что в ситуации, с которой мы столкнулись, лишняя осмотрительность не помешает. Я считал, что нам надо было удостовериться, что из себя представлял Гузенко и какие мотивы подтолкнули его к действиям. Надо думать и о других странах, а не только о своей, когда делаешь шаг, который может оказаться преждевременным».

И именно участие других стран заставило Кинга вылезти из своего кроличьего садка. Одного внимательного взгляда на материалы, которые принес Гузенко, было достаточно, чтобы службы безопасности убедились: беглец был слишком прав, когда говорил о масштабах и глубине советского проникновения. В тот же день беглец вместе с женой и ребенком был с вооруженной охраной отправлен в безопасное место в тренировочном лагере по проведению спецопераций близ Ошава, на берегу озера Онтарио, в нескольких сотнях миль от Оттавы. Там и начались допросы. Кипа принесенных им документов осталась в Оттаве для перевода и оценки.

Круг канадских граждан, разоблаченных на основании этих бумаг как агенты, поражал своим числом и связями, но не новизной некоторых имен. Основной массой были знакомые коммунистические личности, уже подвергавшиеся аресту за подрывную деятельность в 1930 году. Канадская полиция, естественно, начала с этих предателей, разоблаченных Гузенко, таких как Сэм Карр, оргсекретарь Канадской компартии с января 1937 года, который до этого был ненадолго заключен в порядке превентивной меры безопасности в 1942 году; Фред Роуз, другой видный коммунист, который, хотя в отношении него существовали длительные подозрения, был в 1943 году избран в канадский парламент и переизбран на выборах в июне 1945. Оба были евреями-эмигрантами 20-х годов. Важнее район, из которого они эмигрировали. Настоящим именем Карра было Шмиль Коган, родился на Советской Украине. Роуз был сыном Якова Розенберга из польского Люблина. Несколько их коллег или помощников, разоблаченных по документам Гузенко, имели сходное происхождение: Самуил Герсон, хотя и родился в Канаде, был сыном эмигранта из Киева; у Эммы Войкиной родители также были из Советского Союза; у Изадоры Готтейль отец был из Польши, а мать из Советского Союза. Это было первым уроком для западных спецслужб, что тяга к дому может перепрыгнуть и через поколение, жившее за рубежом.

Более беспокоящим фактом явилось наличие в бумагах из кабинета полковника Заботина чистокровных канадцев или англосаксов с зашифрованными именами. Дэвид Гордон Лунан, например, который возглавлял маленькую шпионскую группу, приехал в Канаду из чисто шотландских мест. Хотя он был оправдан по главному обвинению в шпионаже, позднее он был заключен в тюрьму

за отказ давать показания против Роуза. Мэттью Найтингейл, тоже служивший в Королевских канадских ВВС, был сыном канадских родителей, переехавших в Канаду из Алабамы. Агенты типа Лунана попали в шпионскую сеть ГРУ не из ностальгии по России, но из-за своей идеологической восторженности в отношении Советского Союза, которого они никогда не видели. В их вербовке не участвовали ни деньги, ни шантаж. Из всей компании только Эмма Войкина не была членом Коммунистической партии, но, как и другие, ставила интересы коммунизма выше канадских. Этот факт убил кучку канадских высокопоставленных деятелей, и особенно самого премьер-министра Кинга. Описывая то утро, когда Норман Робертсон пришел в парламент и впервые рассказал о деле Гузенко, Кинг записал в дневнике:

«Это ужасно и пугающе. Я вижу, что теперь и до конца моих дней мне придется заниматься, по всей вероятности, этой проблемой больше, чем какими-либо другими.

Когда я диктую эти записи, я думаю о русском посольстве, которое находится всего в нескольких домах отсюда, и о том, что оно является центром интриги. В этот период войны, когда Канада помогала России и делала все для укрепления канадско-русской дружбы, там было отделение русской службы, шпионившее против нас... и другое отделение для шпионажа за своими... Поразительно, что так много контактов было успешно налажено с людьми на ключевых позициях в правительстве и промышленных кругах...»

Однако по-настоящему взволнованный Кинг и его официальные лица начали задумываться над уязвимостью Канады только тогда, когда в дело вмешались союзники. Вот тогда-то линии связи раскалились докрасна. В одной из телеграмм «Гранту» из Москвы, переложенной с языка цифр его шифровальщиком, военному атташе давалось задание, которое действительно соответствовало его профилю и вкусу. Среди прочих разведывательных задач ему давалось задание «собирать информацию о переброске американских войск из Европы в Соединенные Штаты и на Тихий океан», а также о перемещениях двадцати специальных американских армейских формирований и их штабов. Телеграмма заканчивалась приказанием поторопиться. Помимо общей важности разоблачений Гузенко эта

телеграмма подсказывала Кингу, что первым лицом, с которым следует обсудить кризисную ситуацию, является его сосед – президент Трумэн.

Следы, которые вели прямо в Британию, вызывали ещё большую тревогу, поскольку речь шла не об указаниях из Москвы о необходимости сбора информации, а о совершенно секретной информации, которая уже выдавалась Москве в течение ряда лет.

Первым британским именем, которое извлекли из бумаг Гузенко, оказалась Кэтлин Мэри Уиллшер под псевдонимом «Элли», благонадежная сотрудница в канцелярии британского высокого комиссара в Оттаве^[19]. Ее падение – это история одинокой женщины, желавшей, чтобы в её жизни наконец случилось что-нибудь драматическое. Этот сюжет не раз потом повторится в шпионских играх между Западом и Востоком. Ее шеф – верховный комиссар Мэлком Макдональд – таким образом сказал о причинах её уязвимости:

«Это была уважаемая и довольно умная старая дева ближе к сорока, чем к тридцати годам. Внешне скорее приятная, чем простая, в очках, она, возможно, страдала от двойного чувства безысходности. Во-первых, она была одинока и без перспектив на замужество, и у неё не было и друга, она никогда не получала удовлетворения своих романтических инстинктов. Во-вторых, хотя она и оказалась весьма способным выпускником Лондонской школы экономики, она не смогла попасть на хорошую правительственную службу, в чем видела свое призвание. И в эмоциональной, и в интеллектуальной сферах она испытывала неудовлетворенность».

Чего не сказал высокий комиссар (сам сын идеологически весьма агрессивного лейбористского премьер-министра Рамсея Макдональда), так это того, что в Лондонской школе экономики, которая в 20-х годах была бастионом радикальных идей, Кэтлин Уиллшер начала впитывать в себя свои левые взгляды. Потом эти взгляды трансформировались в коммунистические, когда в 1936 году, шесть лет спустя после прибытия в Оттаву, она стала членом Рабочей прогрессивной партии Канады – так себя тогда именовали канадские коммунисты. В то время она была просто стенографистка, но и этого было достаточно члену парламента, коммунисту Фреду Роузу, который ещё за год до этого убеждал её передавать ему информацию – внешне для партии и ради дела солидарности с русскими коммунистами.

Время, проведенное с Роузом и его товарищами, взаимные симпатии сделали свое дело. В 1939 году мисс Уиллшер была переведена в отдел регистрации документации, где получала доступ ко многим секретным документам, хранившимся там. В 1944 году её назначили помощником регистратора, и в её обязанности уже входила работа с документами. Вот так и получилось, что благодаря личным комплексам британской старой девы вначале Фред Роуз, а затем шпион полковник Зарубин, а значит и Москва, получили доступ к сведениям о политических целях своих военных союзников.

Несчастливая женщина, конечно, представления не имела, что превратилась в прямое орудие советской разведки. Но было бы слишком легковверным считать, будто она никогда не задавалась вопросом: а только ли для себя собирают её товарищи по компартии эту информацию? Когда на следствии её спросили, не чувствовала ли она конфликта между лояльностью короне и её политическими убеждениями, она ответила откровенно: «Да, это была борьба. Это всегда борьба».

Канадские специалисты засели за изучение документов Гузенко 6 сентября, в четверг, и уже в начале вечера они пригласили Макдональда и сделали ему краткое сообщение. Оно было сделано в общих чертах, но имя мисс Уиллшер было упомянуто. Верховного комиссара попросили сразу же совершенно секретной телеграммой уведомить своего премьер-министра, а тем временем, не вызывая сомнений, принять меры к недопущению этой женщины к секретной информации.

По иронии случая Макдональд явился прямо с приема в своем саду по случаю первого мирного месяца на земле. Среди гостей был и советский посол с переводчиком – тем самым «вторым секретарем» Виталием Павловым. Зная, что Зарубин был страстным рыбаком, и видя его усталые глаза, Макдональд, ещё не ведая о землетрясении, потрясшем советское посольство, пошутил, что, мол, его гость выглядит так, словно «всю ночь ловил рыбу», но ответа не получил. Позже он узнал, что люди Павлова действительно обыскивали на заре берега реки Оттавы, желая проверить, не бросился ли их шифровальщик в воду или не выбросил ли документы.

Макдональд был сильно озабочен, но не потрясен сообщением, что его сотрудница передает русским информацию. И в Лондоне его

телеграмма не произвела оглушительного эффекта. Следующее сообщение по этому вопросу было направлено 9 сентября Норманом Робертсоном, канадским Постоянным заместителем министра иностранных дел, своему британскому коллеге, сэру Александру Кэдогену, но и это сообщение ненамного подняло температуру в лондонских офисах. Гузенко в этом сообщении был также упомянут, но не по имени, а как сотрудник советского посольства, а из всех разоблачений было упомянуто только то, что русские «имеют определенный доступ к содержанию секретных телеграмм между Лондоном и Оттавой».

Но на следующий день, 10 сентября, эта поистине убийственная новость дошла до Лондона, перебежчика теперь назвали уже как шифровальщика, что даже для человека с начальными знаниями из области разведки означало: его информация была из золота в 22 карата. Более того, хотя самого Гузенко пока ещё не называли, но зато сообщили, что один из советских агентов, которого Гузенко назвал А. Н. Мэй, является доктором физики Кембриджского университета и работает на русских в Канаде под псевдонимом «Алек». Лондону не надо было пояснять, в какого рода операциях участвует профессор. Не нужно было ему и напоминать, как некстати сделали канадцы, что проверка благонадежности британских ученых, направленных в Канаду по любым совместным проектам, возложена на Великобританию.

Мэй был отнюдь не ординарным ученым и направлен был отнюдь не по ординарному совместному проекту. Доктор Аллен Нанн Мэй был ядерным физиком. Более того, с января 1945 года он возглавлял группу, которая под руководством его кембриджского преподавателя профессора Джона Коккрофта работала вместе с объединенной командой в Канадской национальной научно-исследовательской лаборатории в Монреале над созданием атомной бомбы. Русские пронюхали про этот проект через других агентов ещё до переезда проекта в Канаду. Они знали, что западные ученые (особенно в Британии, Германии, Франции и Соединенных Штатах) развернули работы в атомной физике ещё до войны и ряд из них являются высокими специалистами в этой области. Они могли легко прийти к выводу, что исследования военного времени будут сосредоточены в Канаде не только потому, что там достаточно мест вне радиуса

действия бомбардировщиков Люфтваффе, но также и потому, что Канада располагает ураном у Большого Медвежьего озера и урановой лабораторией. Но Запад всегда считал, что знания русских об их действиях носят чисто общий характер. Там считали, что о масштабах западной программы, затраченных на нее миллиардов долларов, наконец об успешных испытаниях первого устройства в пустыне Нью-Мексико в июле 1945 года – знала лишь немногочисленная группа британских, канадских и американских ученых, офицеров и государственных деятелей.

К этому последнему году войны борьба за преобладание в Европе уже обрела очертания, и было очевидно, что об атомном проекте Запада русские хотели бы узнать в первую очередь. И вдруг выяснилось, что в течение всех месяцев доведения атомной бомбы до совершенства и развертывания её русские получали все новости из самых высоких источников, размещенных в самом сердце западных экспериментов. Так западные державы столкнулись с первым значительным вызовом в области послевоенного шпионажа.

Профессор

Много споров и определенное замешательство последовали по поводу того, как ответить на вызов. Запад засуетился. Но Гузенко знал только псевдоним Мэя и род его деятельности. Но зато в одной из телеграмм, которую принес с собой Гузенко, содержались данные, наводившие на коллег «Алека». В телеграмме, посланной полковником в Центр в первых числах августа, говорилось:

«Мы выработали условия встречи с “Алеком” в Лондоне. “Алек” будет работать в королевском колледже, в Стренде. Его можно будет легко найти там по телефонной книге... Он не может оставаться в Канаде. В начале сентября он должен улететь в Лондон. Перед его отъездом он пойдет на урановый завод в округе Петавава, где будет находиться около двух недель... Мы передали ему 500 долларов».

Далее следовало многословие об условиях связи.

Получалось, что был только один человек, который в сентябре должен был покинуть союзническую группу, чтобы читать лекции в «Кингс колледж», и этим человеком был доктор Нанн Мэй. Прояви Заботин повышенную профессиональную осторожность, он по крайней мере разделит бы информацию на две телеграммы, оставив ключевой момент, касающийся новой работы «Алека», для последнего сообщения. Но, когда он отослал эту информацию в Москву, ГРУ настолько же мало подозревало, что имеет в своей среде предателя, насколько и Запад – что русские имеют атомного шпиона высокого уровня в своем собственном сокровенном научном кругу.

Теперь «кошка выскочила из мешка» – даже целых двадцать, включая Мисс Уилшер и основную группу канадцев, указанных Гузенко и его материалами. Теперь надо было решить, как и когда их ловить, по отдельности или вместе, придать ли скандалу публичный характер и если да, то когда, как вести себя в кризисе с Советским Союзом и как – между самими западными правительствами. Последний пункт был не менее деликатным. Канадцы, например, сразу же решили, что поскольку Мэй был британским изменником, то британцы и должны поставить в известность об этом американского госсекретаря Джеймса Бирнса.

Две линии западной политики в этом вопросе прослеживались в течение целых недель и месяцев. Ситуация не упрощалась от того, что они время от времени переплетались. С профессиональной стороны был быстрый ответ со стороны Британии. Питер Двайер, весьма способный глава резидентуры Миб в Вашингтоне, который занимался и вопросами Ми5, сразу улетел в Оттаву, как только стало известно о бегстве Гузенко. Он составил вместе с Уильямом Стивенсоном мощный дуэт советников по разбору ситуации. Для главных персонажей дела из Лондона сразу же пришли два британских псевдонима. Гузенко с этого времени должен был именоваться только как «Корби», а Мэй – «Примроуз»^[20]. Теперь задача состояла в том, как обмануть «Примулу».

Давайте начнем с реакции Кима Филби, кремлевского туза в области шпионажа на Западе, который в это время занимал ключевую позицию главы 9-го – русского – отдела Миб. Он получил два первых сообщения Двайера о Гузенко через обычные каналы 9 и 10 сентября. Следует подчеркнуть, что в этот острый момент Филби и не знал, что его собственное положение оказалось под серьезной угрозой со стороны другого, совсем не связанного с этим потенциального советского перебежчика. Он столкнулся лицом к лицу с этой опасной ситуацией только десять дней спустя, и об этом речь пойдет в следующей главе. В деле же Гузенко Филби действовал с холодным профессионализмом, который характеризовал всю его двойную деятельность.

Единственное, чего он хотел избежать, так это быть самому посланным в Оттаву, так как это отдалило бы его от лондонского Центра, где каждый шаг Запада на протяжении кризиса был бы известен ему и передан его советским связям. Человек Заботина, говорил он своим коллегам, был кладезем ценной информации, и из Лондона следовало бы послать настоящего эксперта, который помог бы расследованию на месте. Он предложил двух человек. Первым была Джейн Арчер, та ещё эксперт по советским делам, которая до войны однажды опрашивала советского беглеца Вальтера Кривицкого – и потом этого несчастного никто на Западе ни о чем не спрашивал^[21]. Но Филби подумал, что она совсем утратила нюх, и порекомендовал, чтобы вместо неё поехал его коллега по Миб Роджер Холлис^[22]. С этим согласились, и 16 сентября Холлис улетел в Канаду.

Филби менее повезло с другим предложением, которое он пытался пробить – что дело «Ворона» следовало бы изъять у МИДа и передать спецслужбам. Такой вариант идеально подошел бы ему и его советским хозяевам. Но этому не суждено было сбыться: дело касалось даже не министров иностранных дел, а президентов и премьер-министров. Здесь была замешана большая политика.

В Оттаве канадские власти и их союзные советники, ряды которых выросли с появлением Холлиса, должны были решить, что следовало сделать в короткий срок. По мере того как все больше и больше принесенных Гузенко сообщений переводилось, становилось ясно, что «Примула» не только рассказал Москве множество технических деталей испытательного взрыва в Нью-Мексико и бомбы, сброшенной на Японию, но даже сумел достать и передать образец ключевого материала изделий – «162 микрограмма урана-233 в виде окиси и в форме тонкой пластины», как говорилось в телеграмме полковника Заботина. Это был ответ полковника на требования Центра получить от агента максимум возможного перед его отъездом в Англию.

Была небольшая дискуссия по поводу того, надо ли ему позволять совершить эту поездку или нет. Один из аргументов против состоял в том, что советская тайная полиция может перехватить его по пути, а другой – в том, что поскольку его преступления были совершены в Канаде, то легче отдать его под суд там. Но победил профессиональный подход, а именно: как в других подобных случаях, когда полный масштаб заговора ещё не известен, ему надо позволить пересечь Атлантику – под пристальным наблюдением – в надежде, что в Лондоне его контакты позволят ещё больше узнать о советском проникновении.

В течение напряженной недели после бегства Гузенко, Мэя никак не беспокоили, чтобы не спугнуть, и так было, пока его не посадили 16 сентября на самолет. Забавный эпизод сопровождал вылет, назначенный на 11.00 из монреальского аэропорта Дорваль. Детектив – сержант Бэйфилд из канадской королевской конной полиции – был выделен сопровождающим на самолете, хотя, естественно, сидел он в стороне и одет был в штатском. Вовремя вспомнили, что британский полковник авиации, командир авиагруппы, летающей с этого же аэродрома, хорошо знал детектива. И если бы он обычного пассажира

поприветствовал по званию, Мэй испугался бы. Поэтому полковника пригласили в британский верховный комиссариат^[23] и там продержали за виски и дружеской беседой до тех пор, пока не сообщили по телефону, что самолет взлетел. После посадки в Прествиле за Мэем начали следить сотрудники британских спецслужб. Примулу» им указал неизвестный им Бэйфилд. Процесс опознания между Бэйфилдом и британским сотрудником оказался вычурным:

Британец: «Как вам нравится погода в наших измененных местах?»

Бэйфилд: «Я ещё не успел почувствовать, но, скорее всего, она такая же, как в нашей приморской провинции».

Десять дней спустя Мэй был принят в Лондоне главой Британского атомного совета Эйкерсом. Встреча была достаточно рутинной, но Эйкерса попросили выразить свои впечатления о новом рекруте в «Кингс-колледж». Он сообщил, что Мэй, кажется, совершенно спокоен.

В Оттаве советское посольство сразу же после исчезновения Гузенко начало акцию, которая станет потом стереотипной в случаях бегства из своих рядов. Посол потребовал вернуть шифровальщика на том основании, что тот, дескать, должен понести уголовную ответственность, так как выкрал деньги из сейфа посольства. Потом русские направили вторую ноту, требуя ареста Гузенко для его дальнейшей депортации. Оба требования не были выполнены. Ирония этой напряженной ситуации, которая возникла между западными союзниками, заключалась в том, что тот же посол Зарубин только что проинформировал Маккензи Кинга, что Сталин хотел бы наградить высокой советской наградой генерала Кререра, который командовал канадскими войсками в Европе в общей борьбе против Гитлера.

Тем временем самому Западу требовалось сплотить свои ряды. Любопытно, что американцам сообщили о шифровальщике, попавшем к канадцам и уже дающем «полезную информацию», только, кажется, 21 сентября. И ни слова о предательстве британского шпиона из союзнического атомного центра, основанного и финансируемого американцами. Только через девять дней после этого, 30 сентября, Маккензи Кинг улетел в Вашингтон на беседу по этому вопросу с президентом Трумэном, которого он раньше не встречал.

Во время беседы в Овальном зале Белого дома, которая длилась в то воскресное утро более двух часов, президент Трумэн наконец

получил полную информацию по делу Гузенко. Президенту, как и следовало ожидать, было важно выяснить американские аспекты этого дела – связи с советскими консульствами в таких местах, как Чикаго и Нью-Йорк, интерес русских к переброске американских сил из Европы. Никаких решений не появилось в результате этой встречи только потому, что Трумэн вначале хотел услышать мнение британского премьер-министра, перед тем как одобрить какие-либо шаги. Нельзя, подчеркнул он, предпринимать поспешных решений, следует действовать прежде всего согласованно.

Непосредственно перед этой встречей странные идеи носились с одного берега Атлантики на другой и обратно. Так, 26 сентября Мэлком Макдональд в Оттаве предложил три альтернативных варианта действия в данном вопросе, по-видимому, после обсуждения на месте с другими представителями союзников. Первый предложенный вариант – аккуратно вести работу по «Примуле», чтобы русские не узнали, что с ним происходит. Второй – предать гласности всю историю. Третий – компромиссный вариант между двумя первыми. Согласно третьему варианту президент Трумэн и премьер-министр Эттли совместно проинформировали бы Сталина и его упрямого министра иностранных дел Молотова о том, что случилось в Оттаве, и одновременно предложили бы замять эту историю во имя послевоенного сотрудничества между Россией и Западом. В качестве услуги за услугу русских попросили бы впредь отказаться от всякой шпионской деятельности против Запада. Этот третий вариант был рекомендован как оптимальный в данных обстоятельствах. Была выражена спасительная надежда, что если этот жест соединить с предложением поделиться с Россией некоторыми атомными секретами, то сердце Кремля совсем оттаяет (коллеги Мэя по работе в Канаде, включая Оппенгеймера и Ферми, считали, что русские все равно создадут бомбу к 1950 году; и действительно, Советский Союз произвел взрыв атомного устройства в августе 1949 года). Дрожащая рука Маккензи Кинга, полного добрых намерений, чувствовалась за всем этим. Но кто бы ни стоял за этим бессмысленным предложением, он явно не имел понятия, насколько каменным было сердце и тверды намерения тогдашнего босса Кремля Иосифа Сталина.

Кажется, это был Эрнест Бевин – министр иностранных дел, который первым решительно смахнул эту растущую паутину

компромиссов. Когда перед ним положили решение, предложенное Оттавой, он ответил, что кризис надо решать естественным путем. Если у Запада есть надлежащие доказательства против лиц, названных Гузенко, то они должны быть арестованы и привлечены к суду. Что касается влияния этих событий на отношения с Советским Союзом (по поводу которого Бевин был настроен, во всяком случае, пессимистично, успев не раз столкнуться с обструкционистской позицией Молотова), то британский министр иностранных дел был согласен на любые последствия. Он настойчиво попросил, чтобы до Маккензи Кинга довели эту его позицию. Этот прорыв здравого смысла установил характер союзнической политики на ближайшие недели и месяцы. Кинг сразу же сдался. Трумэна, хотя и имевшего основания повременить с полицейскими акциями, не нужно было долго убеждать. Сын британского шахтера и сын фермера из Индепенденса, штат Миссури, были сделаны из одной породы крепкого дерева.

В воскресенье 7 октября в 8 часов вечера возбужденный Маккензи Кинг сажился ужинать с обычно невозмутимым Клементом Эттли. Кинг увидел, что между британским премьер-министром и Трумэном царит полное согласие насчет линии поведения, а именно: пока союзники не нанесли совместный удар, они должны попытаться выяснить как можно больше о природе и глубине советского проникновения^[24]. Эттли, в отличие от канадцев, не испытывал никакого страха относительно политических последствий кризиса. Он понял, что настало самое время вскрыть карты в игре с Кремлем. Эттли также сказал своему гостю (последний отразил это в своем дневнике), что у русских абсолютно «нет верной концепции демократии». Запад и Восток «говорили о разных вещах, пользуясь одними и теми же словами».

Кинг провел в Британии месяц, проведя многочисленные переговоры с членами кабинета министров и руководителями спецслужб. В какой-то момент он предложил больше не ждать, а схватить всех подозреваемых 18 октября. Но чем больше времени изучался этот вопрос, тем более вырисовывался его в высшей степени политический характер, и решен он мог быть только на встрече западных лидеров. Она была назначена на середину ноября, и Кинг

спокойно вернулся в Америку морем, а Эттли полетел прямо в Вашингтон.

Очевидно, что ни в одном официальном сообщении об этой встрече в Белом доме не было никакого упоминания о кризисе вокруг «Ворона». Нет никаких записей об этой истории ни в воспоминаниях Трумэна, ни Эттли, а в дневнике Кинга – полезном, несмотря на все его субъективные недостатки – как раз перед началом встречи начинается шестинедельный перерыв в записях. Но похоже, что на ней Эттли и Кинг представили согласованную англо-канадскую программу американскому президенту: одновременные аресты в Великобритании, Соединенных Штатах и Канаде; создание в Канаде специальной комиссии; официальный протест Канады России и требование, в частности, отзыва полковника Заботина.

Влиятельный и амбициозный глава ФБР Эдгар Гувер всю склонял президента к жестким преследованиям, включая аресты и публичные разоблачения. Поэтому, возможно, наручники выдавались бы прямо на саммите, но была одна сложность. Элизабет Бенгли, благовоспитанная выпускница Вассарского колледжа, которая в 30-х годах очутилась в Коммунистической партии США, выбрала этот момент, чтобы самой сдать ФБР^[25]. Удивленный Эдгар Гувер теперь узнал, что во время войны она снабжала НКВД секретными данными из Министерства обороны США, ВВС, Организации военной промышленности и министерств финансов, сельского хозяйства и торговли, используя в качестве источников лиц, которые сочувствовали левым. В отличие от Гузенко она не принесла с собой никаких документальных материалов. Все, что она могла, это пообещать, что расскажет всё. И мисс Бенгли в самом деле было что рассказать, хотя это не наша тема (на процессе 1948 года Бенгли была ключевым свидетелем; тогда были осуждены несколько высокопоставленных американских чиновников, среди которых был Гарри Декстер Уайт, замминистра финансов^[26]).

Настало и прошло Рождество 1945 года, и 1946 год, первый год мира, начался в обстановке подозрений по обеим сторонам Атлантики. Прошло четыре месяца после бегства Гузенко. Одна ключевая фигура уже исчезла со сцены. Полковник Заботин был вывезен под охраной из Оттавы, при этом канадские власти, при которых он был аккредитован, даже не были уведомлены. Его доставили в Нью-Йорк, где

декабрьским вечером посажен на борт советского грузового судна «Александр Суворов». Никто на Западе определенно не знает, что случилось с этим полковником. Мэлком Макдональд вскоре после этого слышал, что полковник выпрыгнул за борт посреди океана, предпочтя смерть в глубинах камере МГБ. По другим сообщениям, Заботин достиг Москвы, но умер «от сердечной недостаточности» спустя четыре дня после прибытия. Так или иначе, ясно, что он заплатил своей жизнью за разоблачения шифровальщика^[27].

В конце концов утечка в средства массовой информации ускорила действия западных лидеров. Вечером 3 февраля 1946 года неразборчивый в средствах, зачастую грубый, но весьма влиятельный американский комментатор Дрю Пирсон вышел в эфир со своей еженедельной программой и объявил, что ноябрьский визит Маккензи Кинга в Вашингтон был предпринят с целью предупредить американского президента о раскрытии широкомасштабной советской подрывной деятельности. Вначале обозреватель сделал вид, что он «не хотел бы сообщать» о происшедшем, но дальше вошел во вкус:

«Советский агент сдался некоторое время назад канадским властям и сознался в существовании гигантской русской шпионской сети в Соединенных Штатах и Канаде... У них были карты этой страны, которая соседствует с Сибирью. Но, возможно, ещё важнее то, что этот русский рассказал канадским властям о серии агентов, внедренных в американское и канадское правительства и работающих на Советы... Все это подтверждает убеждение части высокопоставленных американских чиновников, что небольшая группа милитаристски настроенных людей, стоящих у верхушки власти в России, явно полна решимости захватить не только Иран, Турцию и Балканы, но и, возможно, овладеть и другими районами мира».

О том, что Пирсону стало известно о деле Гузенко, знала кучка официальных лиц в Вашингтоне за три недели до его выхода в эфир с приведенной выше информацией. 10 января ФБР получило сообщения, что комментатор знает о Гузенко и Бентли больше, чем ему следовало бы знать. Возник вопрос: откуда утечка? После этого информатором Пирсона назвали сэра Уильяма Стивенсона – того самого человека, который стучал в дверь шифровальщика в ту самую ночь, когда он дрожал в страхе за свою жизнь.

Другим источником этой утечки мог быть сам Гувер. Мы уже знаем, что в ноябре он давил на президента, чтобы тот придал скандалу публичный характер и заставил русских уйти в оборону перед мировым общественным мнением. Но дело не только в психологическом эффекте. Глава ФБР в этот момент боролся за расширение собственной власти, пытаясь получить контроль над всей внешней разведывательной деятельностью, равно как и сохранить контроль над вопросами безопасности внутри страны. Эту борьбу он проиграет в следующем году, когда ЦРУ стало отдельной организацией, работающей за границей. Но в начале 1946 года этот вопрос ещё далек был от решения, и Гувер, это чувствовалось, возможно, снабжал Дрю Персона информацией об истории, которую он в любом случае хотел сделать гласной, чтобы переманить влиятельного вашингтонского комментатора на свою сторону. Безусловно, субъективный стиль утечки, включая подчеркивание необходимости срочных оперативных мер в различных зарубежных районах, точно отражал амбиции Гувера.

Разоблачение вызвало относительно небольшой интерес в обществе. Канадское посольство в Вашингтоне, например, получило только несколько вопросов по радио. От этого можно было легко отмахнуться прямым ответом, что оно никогда не комментирует сообщения мистера Пирсона. Но в мире западной политики и разведки смотрели на это иначе. Продолжая свои разоблачения, комментатор мог бы предупредить об опасности некоторых информаторов. В любом случае он заставил активно действовать западных лидеров. И программа, согласованная между ними в ноябре, была, введена в действие.

Гузенко начал давать официальные показания в Королевской канадской конной полиции. Наконец, ранним утром 15 февраля были арестованы все 12 канадских подозреваемых и одна британка – Кэтлин Уилшер. Операция была назначена на 17-е, воскресенье, но убоялись, что кое-кто может не вернуться домой после уик-энда. Из первой передачи Дрю Пирсона они получили прозрачный намек, что их ждут большие неприятности.

В тот же день в Лондоне к д-ру Мэю на службу явился полковник Бёрт и спросил его, известно ли ему «об утечке из Канады информации по атомной энергии». Чтобы усилить эффект, Мэя спросили, не

сорвалась ли у него встреча «кое с кем в Лондоне». Мэй отрицал какие-либо нарушения со своей стороны и заверил Бёрта, что впервые слышит об утечке атомной информации и готов подписать письменное заявление о том, что он никогда не вступал в контакт ни с каким офицером русской разведки.

Спустя пять дней, когда ему представили более конкретные материалы из Оттавы, он внезапно поменял настрой и все тем же ровным тоном сообщил, что передал русским образцы урана. Он сделал так, поскольку считал, что Советский Союз «должен быть допущен к секрету». Надзор за ним усилился, но в тюрьму его заключили только 4 марта – в день, когда и в Канаде задержанным было предъявлено обвинение.

Услышав, что «Примула» признался, Маккензи Кинг сразу же подумал, что судить ученого надо на его родине, а не в Канаде, где преступление было. Кинг писал в своем дневнике 21 февраля 1945 года:

«Надо, чтобы не спихивали дело на канадцев. Когда его арестуют и будут судить, надо, чтобы стала ясной ответственность британцев, а это наверняка приведет и к большой ответственности американцев».

Это была крайне резкая реакция. Ее можно объяснить (если не считать узкоместнической природы самого Кинга) той духовной и политической изоляцией, в которой всё ещё находилась тогда послевоенная Канада, старавшаяся и держаться на расстоянии от Великобритании, и не попасть в руки Соединенных Штатов.

В своем письменном заявлении суду Мэй написал:

«Я много думал и пришел к выводу о правильности той точки зрения, что развитие атомной энергии не должно ограничиваться пределами США. Я принял болезненное решение, что необходимо передать общую информацию по атомной энергии и чтобы она была воспринята со всей серьезностью... Всё это очень болезненно для меня. И я решился на это только потому, что хотел обеспечить безопасность всего человечества». Я определенно не делал это с целью заработка»^[28].

Это был единственный довод, который можно было использовать в его защиту, и, когда 1 мая 1946 года начался суд над Мэем, его адвокат Джералд Гардинер всю использовал его. Ученые, говорил он, как врачи, которые могут встать на такую позицию, что если они

обнаружили нечто полезное для человечества, то чувствуют себя обязанными добиться, чтобы это использовалось в интересах человечества.

Но судья не разделял его мнения, в его глазах Мэй был бесчестным человеком, нарушившим клятву о сохранении тайны, в то время как продолжал получать деньги по контракту с его собственной страной. Мэю дали 10 лет тюрьмы (приговор был исключительно мягким, по обвинениям в измене обычно приговаривали к 14 годам). Мэй не стал подавать апелляцию. На самом деле он провел в тюрьме на три с половиной года меньше – был освобожден за примерное поведение. Однажды его в тюрьме посетили представители спецслужб, чтобы получить от него дополнительные сведения о его советских контактах, но он остался при прежних показаниях.

После освобождения этот лысеющий ученый с мягкими чертами лица вернулся к безвестности, из которой его неожиданно извлек Гузенко. Его жена, д-р Хильдегарде Брода (австрийки будут нередко упоминаться на Западе в шпионских делах), занимала медицинскую должность в Кембридже, и Мэй вернулся туда, чтобы жить с нею и их семилетним сыном. Он безуспешно подавал заявление на должность в Хартумском университете, но в 1962 году получил её в университете Ганы – ею стала бывшая британская колония Золотой Берег. Срок его контракта был потом продолжен частично потому, что молодому государству были весьма полезны медицинские знания его жены. Он совершенно исчез из вида после возвращения в Англию. Возможно, последний его след был замечен в 1982 году, когда в пекинском коммунистическом органе появилось небольшое письмо за подписью д-ра Мэя. Так что если автор письма был действительно когда-то советским агентом, то это письмо можно рассматривать как прощальный приветственный взмах руки.

Жизнь Игоря Гузенко пошла совсем по другой стезе. Он и члены его семьи жили в тайном месте и под другими фамилиями. Его фамилия вновь выплывала на первые полосы, когда появилась его автобиографическая повесть или когда к нему обращались за комментариями по поводу появления ещё большей, чем его собственная, шпионской сенсации.

Похоже на правду, что на написание своей автобиографии его вдохновило знакомство во время первых месяцев пребывания под

охраной канадских спецслужб мемуаров другого советского перебежчика. Виктор Кравченко не был офицером разведки, и его побег произошел во время войны – вот две причины, по которым его дело удостоивается лишь почетного упоминания в этой книге, и то лишь в связи с делом Гузенко. Однако дело Кравченко^[29] заслуживает быть приведенным хотя бы вкратце. 3 апреля 1944 года американская пресса сообщила, что «Виктор А. Кравченко, официальное лицо советской комиссии по закупкам в Вашингтоне, объявил вчера, что уходит со своего поста и отдает себя “под защиту американского народа”».

В апреле 1944 года до конца войны с Гитлером оставался ещё целый год. Еще не укоренилось разочарование в сталинской России, если не считать кучки западных государственных деятелей, которые на тайных переговорах с советским диктатором пытались определить послевоенное устройство мира. Для массовой западной публики русские, медленно отвоевывавшие свои территории у германских захватчиков, были героями дня. Вспомогательная атака на атлантический фланг оккупированной Гитлером Европы – англо-американская высадка в Нормандии – ещё не началась. Чувство благодарности России было как никогда велико в западном общественном мнении. Выбрав такой момент для бегства, Кравченко сталкивался с серьезным риском быть выданным советским властям. Вместо этого его защитила та Америка, которая, несмотря на свой долг перед Россией, не забыла и более глубокого и давнего долга перед индивидуальной свободой.

В самом жизнеописании Кравченко Гузенко не нашел ничего нового для себя: детство в условиях бед Первой мировой войны, падение царизма и приход большевиков, воспитание в комсомоле, вступление в партию – элиту новой России, первые разочарования, вызванные жестоким уничтожением крестьянства и сталинскими чистками, паника и триумф войны с Гитлером, понимание того, что русский патриотизм, а не советская идеология побеждали на войне, затем назначение в Соединенные Штаты, где его, как и Гузенко, привлек с первого взгляда и глотка воздуха свободный, лишенный страха мир «капиталистического противника».

Русские поспешили дискредитировать Кравченко, инспирировав появление материала во французском коммунистическом

еженедельнике «Леттр франсез» о том, что Кравченко не кто иной, как американский «агент-provokator». Кравченко подал в суд и не только обелил свое имя, но представил в свою защиту ещё больше свидетельств, обличающих советский режим; он опубликовал их позже в виде книги («Я выбрал свободу», Лондон, 1951 год).

Но бывший шифровальщик кое-чему научился на разоблачениях Кравченко, на том, что его соотечественник неплохо заработал как автор бестселлера американского рынка на новую тему. Собственная книга Гузенко называлась «Мой выбор», вышла в 1948 году и имела коммерческий успех, хотя значительная её часть уже публиковалась по частям. Более того, Гузенко даже перещеголял Кравченко, потому что фильм «Железный занавес» был основан на его мемуарах. Последующие его попытки писать романы о России не имели успеха.

Позже его жизнь была омрачена болезнью, денежными проблемами, безысходностью. Он болел диабетом и к концу жизни ослеп. Его западные гостеприимные хозяева ничего не смогли поделать, разве что давали ему необходимое медицинское обслуживание. Что касается денег, то 17 марта 1947 года в монреальской прессе появилось объявление о том, что безымянный канадец выделяет 25 долларов в месяц в течение 20 лет для Гузенко или его жены и двух детей, если он умрет. «Безымянным канадцем» вполне могло быть канадское правительство. Но если в 1947 году 25 долларов были вполне адекватной суммой, то потом из-за инфляции эта сумма становилась все более неадекватной.

Не смог Гузенко приспособиться и к жизни в обществе свободы после жизни в обществе регламентации, которое он отверг – и это случилось со многими последующими перебежчиками. Существенным недостатком для него была невозможность свободно действовать и перемещаться. У него были и психологические проблемы адаптации к совершенно незнакомому экономическому и социальному укладу. Здесь была свободная инициатива, которая вознаграждает человека пропорционально затраченным усилиям или везению, и неслучайно, что когда он попытался выйти за пределы своей профессии и заняться фермерством, то дело провалилось.

Он умер в июне 1982 года – как писали, «под Торонто» – ещё относительно нестарым – в 63 года, и среди всех его бед самой сильной было, возможно, чувство бессилия. Благодаря его показаниям

и горе документов удалось сделать многое. Подверглась удару и была разрушена мощная советская агентурная сеть в Канаде. Девять обвиняемых были упрятаны за решетку, а самая видная фигура – член парламента, коммунист Фред Роуз – получил шесть лет. В Соединенных Штатах «наводки» помогли, в частности, раскрыть шпионскую сеть Гольд – Грингласс – Розенберги, которая начала внедряться в западный атомный проект в 1944 году вне тех операций, которые проводил злосчастный полковник Заботин. Благодаря Гузенко был разоблачен самый опасный из агентов – Аллан Нанн Мэй, в признательность за что Гузенко и его семье было даровано британское подданство.

Всё это, можно подумать, бывший шифровальщик мог бы считать своими большими достижениями и чувствовать себя удовлетворенным. Однако Гузенко умер с горьким сознанием, что ему не дали нанести Кремлю последний удар – возможности разоблачить советского агента, который действовал в высших эшелонах британской секретной службы. Побег британского шпионского дуэта Бёрджесс – Маклин в Советский Союз в 1951 году побудил Гузенко к действиям, ибо возникли противоречивые суждения, не утихшие и до нынешнего дня, насчет того, кто их надоумил бежать. В мае 1952 года он составил меморандум для канадских властей, где указал, что во время войны, работая в московской штаб-квартире, узнал, читая телеграммы и по разговорам с коллегой-шифровальщиком из ГРУ, неким лейтенантом Любимовым^[30], что во время войны в британской контрразведке работал советский шпион. Согласно Любимову, «у этого человека было что-то русское в происхождении». В 1942–43 годах такое описание не подходило ни к одному из тех, кого потом стали подозревать в работе на Москву или которые, как Энтони Блант, сознались, что действительно работали на Москву.

Любопытно, что в своем заявлении 1952 года Гузенко не смог вспомнить кодовое имя шпиона, которого он в полной версии первых допросов, опубликованных в Оттаве примерно тридцать лет спустя, без колебаний назвал «Элли» – тем же кодовым именем, под которым действовала Кэтлин Уиллшер. Странно, что два британских шпиона проходили по московским книгам учета под одним именем, словно одноименные британские беговые лошади в реестре породы. Заключительный вклад Гузенко в разрешение тайны привел к тому, что

за год до своей смерти он помог кое-кому указать пальцем на Роджера Холлиса, сотрудника Ми5, который был направлен из Лондона допрашивать его и который впоследствии вырос до генерального директора Ми5 (1956–65). Холлис, утверждал Гузенко, возможно, и есть ещё один «Элли», потому что доклад Ми5 о допросе Гузенко в 1945 году, который был продемонстрирован перебежчику в 1970 году, показался ему искаженным.

Последнее показание Гузенко представляет собой неразрешимую загадку, видимо, потому, что он хотел вернуть былую популярность при замутненной уже памяти. Если бы Холлис фальсифицировал показания Гузенко (а никаких доказательств этому нет), он лишь навлек бы на себя подозрения. В 1945 году Гузенко давал показания и Холлису, и в Королевской канадской конной полиции, и весьма вьедливому сотруднику Ми5/Ми6 Питеру Двайеру. Грубое несоответствие в показаниях не могло бы не привлечь к себе внимания. Гузенко сделал многое, что ясно как день. Но в британский разброд по шпионским делам он внес свой вклад, добавив масла в огонь, за ярким пламенем которого так и не увидели четких образов.

И теперь мы переходим к самому могущественному шпиону-британцу, когда-либо работавшему на Москву, ибо следующий советский перебежчик, обратившийся к британской разведке, попал прямо на Кима Филби. Филби отделался сильным испугом, но последствия для беглеца оказались трагическими.

Разрушитель

В воспоминания, написанные после благополучного обоснования в Москве, Филби вставил невинную деталь, запутывающую драму Волкова. Его описание, как и вся книга, – это продолжение, теперь уже из вынужденной ссылки, войны, которую он всю жизнь вел против западной демократии. Как и многое другое из написанного им, это паутина лжи и полуправды, которой опутан скелет подлинных событий, причем и сам скелет событий местами подправлен. Ниже впервые приводится полная история дела Волкова, а основные выдумки Филби отмечены по ходу повествования.

Константин Петрович Волков приехал с женой Зоей в Стамбул из Москвы 19 мая 1945 года. Они ехали по советским дипломатическим паспортам номер 10408 и 10409, муж был назначен вице-консулом в советское генеральное консульство. На самом деле Волков, которому было чуть больше тридцати лет, являлся подполковником разведки НКВД, до этого работал в штаб-квартире НКВД в Москве и был направлен в Турцию в свою первую заграничную командировку. Из последующего ясно: он заранее решил для себя, что это будет его последняя командировка.

Хотя дело Волкова прогремело лишь пару недель спустя после дела Гузенко и должно располагаться по хронологии после него, на самом деле оно началось двенадцатью днями раньше, 27 августа 1945 года. В этот день мистер Пейдж, британский вице-консул в Стамбуле, то есть ровня Волкову в дипломатической иерархии, получил письмо от своего советского коллеги с просьбой принять его в 22 часа того же дня или на следующее утро «по срочному и важному делу». К письму Волков приложил визитную карточку и попросил, чтобы на встрече присутствовал переводчик, предпочтительно англичанин. В знак согласия Волков просил Пейджа прислать в советское генконсульство свою визитную карточку или позвонить и попросить сотрудника консульства, чтобы приехал кто-нибудь «для обсуждения вопроса об одном советском гражданине».

Чтобы понять слоновью тонкость этого подхода, нам нужно вернуться в атмосферу первых послевоенных месяцев. Бегство было

тогда в новинку как идея и как практика. Как Гузенко потратил часы на походы в редакцию газеты, так и Волков потратил несколько дней, когда послал свою визитную карточку непонятно для чего. Так, во всяком случае, воспринял его «послание» Пейдж. Он обсудил вопрос с генконсулом Л. С. Херстом, и оба пришли к выводу не отвечать.

И снова вернемся к обстановке того времени. Никто из этих двух чиновников не имел никакого отношения к британским спецслужбам, которые в 1945 году и сами не сталкивались с явлением бегства из другого лагеря. Последний советский офицер разведки, который просил в Британии политического убежища, был, видимо, Георгий Агабеков^[31]. Он в 1930 году пришел и обещал рассказать все, если Уайтхолл (улица в Лондоне, на которой находятся правительственные учреждения, синоним правительства. – Примеч. перев.) поможет ему жениться на английской девушке Исабель Стритер, в которую он безумно влюблен. В той истории тоже был турецкий элемент, потому что девушка была дочерью бывшего британского консула в Стамбуле. Но Херсту и Пейджу можно простить незнание той истории. Необычное дело Агабекова нельзя назвать прецедентом, ибо ничего такого в мире шпионажа не случалось ни после, ни до.

Итак, первая попытка подхода была проигнорирована. Русский напрасно прождал две недели, когда его терпение иссякло и он решил поднять уровень и ставок, и риска. 4 сентября он без предупреждения пришел в британское генконсульство. Нашелся и переводчик в лице сотрудника британского посольства Дж. Л. Рида, который неплохо говорил по-русски.

Когда Волков начал говорить, Пейдж сразу понял, что зря он не пошел навстречу Волкову в августе. Волков с порога заявил, что он не вице-консул, а заместитель резидента советской разведки в Турции и что у него есть важная информация для Британии, при условии что британское правительство соответственно вознаградит его за труды.

Он с самого начала предложил имена 314 советских агентов в Турции и не менее 250 – в Великобритании (эти имена, сказал он, заперты в чемоданчике, который находится в пустой квартире в Москве, что, если это правда, доказывало, что он готовился к своему шагу задолго). Двое из агентов в Британии, утверждал он, работают в Министерстве иностранных дел, ещё семь в британской разведывательной системе, и один из них «выполняет обязанности

главы отдела британской контрразведки в Лондоне» (двое в МИДе, как потом выяснилось, были Бёрджесс и Маклин, а сотрудником контрразведки – скорее всего Филби, хотя описание подходило и к Роджеру Холлису). В качестве дополнения Волков предложил рассказать подробно о московской штаб-квартире разведки и о нынешних операциях советской разведки на Ближнем Востоке и в Иране, а также предоставить образцы печатей, штампов и удостоверений личности.

Был ещё один сногсшибательный элемент в рассказе Волкова, и он сильно затруднял процесс заключения сделки. В последние два с половиной года, уверял Волков своих слушателей, русские читают все шифрограммы между британским посольством в Москве и Лондоном, как идущие по дипломатическим каналам, так и по линии спецслужб. (Эта информация не была впоследствии ни разу не подтверждена, но, учитывая службу Волкова в московском Центре, она была воспринята весьма серьезно. Это могло означать, например, что перед встречами в верхах в Тегеране, Ялте и Потсдаме Кремль мог заранее знать позицию Запада на переговорах.)

Возникшее затруднение состояло в том, что, зная об утечке шифра на линии Москва – Лондон, Волков опасался, что шифротелеграммы могут перехватываться и на линии между британским посольством в Стамбуле и Министерством иностранных дел в Лондоне. Поэтому он настаивал на том, чтобы его предложения были отправлены в Лондон медленным, но верным путем – диппочтой. Что же касается вознаграждения, то Волков требовал гарантию убежища в Великобритании и безопасности там. Он также требовал 50 тысяч фунтов стерлингов в качестве компенсации за потерянную работу (некоторые источники приводят совсем точную, но неправильную цифру в 27 500 фунтов). Хотя в нынешних ценах это составляло бы один миллион, товар стоил денег. Сделав свое предложение, которое он оставил письменно на русском языке, Волков весело удалился. Он сказал двум британцам, что придет через несколько дней. При этом он заверил их, что чувствует себя в полной безопасности, потому что только жена знает о его деле. В конечном итоге это оказалось катастрофической ошибкой, но в то время Волкова винить в этой ошибке было нельзя.

Совершенно очевидно, что в руках британского генконсульства оказалось нечто экстраординарное, и так же очевидно было, что следовало поторапливаться. Тогдашний посол в Турции сэр Морис Питерсон на тот момент был в отъезде, и консульские работники сообщили о случае советника и временного поверенного Александра Нокс-Хелма. То, что он сделал, было равным образом экстраординарно. Хотя британские спецслужбы имели свою резидентуру в Стамбуле, которую возглавлял Сирил Макрей, в посольстве и не подумали сообщить ему или посоветоваться с ним о случае чисто разведывательного характера. Вместо этого предложение Волкова направилось медленным путем, диппочтой, с сопроводительным письмом от Нокс-Хелма на имя Уильяма Мелвилла Кодрингтона, исполнявшего обязанности вице-секретаря в МИДе Великобритании. Дорога заняла примерно две недели, затем письмо было передано обычными каналами канцелярии постоянного замминистра тогдашнему главе Миб. Это состоялось не раньше 19 сентября (а не, как Филби утверждает, «августовским утром»). Сэр Стюарт Мензис вскрыл документ с предложением Волкова и немедленно послал за начальником русского отдела, чтобы проконсультироваться с ним.

Надо помнить, что, когда – лишь за девять дней до этого – стала очевидной вся серьезность последствий бегства Гузенко, Филби специально уклонился от поездки в Оттаву (сделав так, что вместо него поехал Роджер Холлис), чтобы остаться в центре событий в своем лондонском кабинете, откуда мог сообщать своим советским хозяевам, что сообщил шифровальщик и что в этой связи собирается предпринимать Запад. Гузенко назвал нескольких канадцев, британскую женщину из секретариата высокого комиссара и британского физика-атомщика – но никого из мира разведки. А вот снаряд, начиненный информацией Волкова, мог взорваться в совсем другом месте. Волков, как со всей очевидностью вытекало из бумаг на столе Мензиса, указывал как предателей высокопоставленных британских чиновников, и под эти описания мог подойти и сам Филби. Он также показывал пальцем в сторону двух агентов в МИДе. Филби было необходимо сделать две вещи: во-первых, срочно поднять тревогу в Москве, а во-вторых, во что бы то ни стало самому отправиться в Стамбул, чтобы предотвратить опасность на месте.

Бывают моменты, когда кажется, будто шпионов оберегает ангел-хранитель. Скорее, он один из свиты сатаны, тот же самый хранитель, который не дает пьяницам свалиться в реку или упасть под поезд. Во всяком случае, Филби оказался спасен чудесным образом. Надо же было фортуне так повернуться, что Мензис с неохотой, но согласился, чтобы Филби взял досье Волкова с собой домой – изучить его «на досуге» и «на утро дать рекомендации». Филби пишет: «В тот вечер я работал допоздна. Ситуация требовала срочных действий необычного содержания». О чем Филби не указывает, так это о мерах, которые он предпринял. На самом деле в этот вечер у него была одна из редких экстренных встреч с офицером из советского посольства, у которого он был на связи – теперь известно, что это был Борис Михайлович Кротов. Все детали дела Волкова в тот же вечер были направлены в Москву.

Еще бóльшая удача случилась при решении вопроса о том, кому ехать в Стамбул. Первоначальный выбор Мензиса пал на Дугласа Робертса, главу R5 службы контрразведки по Ближнему Востоку, который бегло говорил по-русски. Он приехал из командировки в отпуск, но Робертс в прошлом был летчиком, самолет его трижды падал, и, что бы ни сказал ему Мензис о важности стамбульского дела, ничто не заставило бы его снова забираться в самолет. Он собирался возвращаться к месту командировки морем. И Филби ничто теперь не мешало предложить для поездки себя. 22 сентября его шеф согласился, и четыре дня спустя (ввиду бюрократических проволочек) он вылетел через Каир в Стамбул. Он имел с собой рекомендательное письмо от сэра Александра Кэдогена, постоянного замминистра иностранных дел того времени, к Нокс-Хелму, где говорилось, что в Лондоне склонны считать Волкова искренним и способным передать информацию весьма важного значения. На самом деле хозяева Филби уже делали все, чтобы Волков ничего не смог передать.

В своих мемуарах Филби описывает предложенный им план действий следующими словами: «Следовало встретиться с Волковым, устроить его с женой в одном из наших надежных домов в Стамбуле, а затем вывести его при потворстве турок или без него на контролируемую британцами территорию в Египте». На самом деле Филби уже принял меры, чтобы «устроить» Волковых совсем иначе.

Позже выяснилось (к сожалению, гораздо позже, иначе обратная дорожка привела бы прямо к Филби), что уже через двое суток после получения тревожного сообщения из Лондона в Москве начали реализовывать энергичный план по предотвращению угрозы. 21 сентября 1945 года турецкое консульство в Москве выдало визы для двух советских «дипкурьеров» для следования в Стамбул. Согласно данным предъявленных ими паспортов их звали: Андрей Байко и Александр Данилов. Турки были озадачены, ибо ни один из названных не значился в списке регулярных дипкурьеров советского МИДа. И неудивительно. Оба были тайными заплечных дел мастерами. «Байко» на самом деле, возможно, был сам Андрей Михайлович Отрощенко (Отroschenko), начальник службы, занимавшейся убийствами и похищениями людей. Этот человек известен по некоторым скользким делам на Ближнем Востоке.

Четыре дня спустя, 25 сентября, эти два головореза прибыли на советском самолете типа DC-47 № 800 25640 рейсом через Болгарию в стамбульский аэропорт Йешилкой. С ними был высокопоставленный армейский представитель медслужбы некий полковник Петриных (Petriny). Самолет был военный, прилетел без предупреждения, и турки чуть не обстреляли его. На следующий день в 4.50 он улетел обратно. А до этого на борт на носилках внесли двух забинтованных человек. Волкова, несмотря на бинты, узнал Джон Беннетт, помощник советника по прессе британского посольства, случайно оказавшийся поблизости, потому что его самолет только что прибыл из Каира. Он хорошо знал советского вице-консула в лицо и был уверен, что мужчина на носилках был именно он. Беннетт почти не сомневался, что Волков, хотя и находился под действием седативных препаратов (работа того полковника от медицины), был ещё живой. Этого и следовало ожидать. Потом сталинская тайная полиция выбьет из него в Москве все, что он передал Лондону, а когда выжмет из него, то пустит в расход, вероятно вместе с женой.

Неизвестно, рискнули ли русские передать Филби, что ему теперь нечего бояться, но Филби продолжал свое дело как ни в чём не бывало, словно его задачей было и впрямь, как он пишет, «организовать безопасный уход Волкова». Он использовал все возможности потянуть время, занимаясь беседами с британским послом, с сотрудниками консульства и с коллегами из разведки в Стамбуле (ему задним числом

рассказали подробности дела). И вот числа 29-го, три дня спустя после того, как Волкова вывезли, британцы впервые навели справки о Волкове. По согласованию с Филби вице-консул Пейдж позвонил в советское генконсульство и попросил к телефону Волкова. Ему ответили, что «Волкова нет». Пейдж позвонил позже. Ему ответили по-английски с русским акцентом. Теперь Пейдж понял, что что-то тут не так. Ему ответили по-английски, а Волков по-английски не говорил. Через два дня, 1 октября, Пейджу ответили по телефону, что вице-консул Волков сейчас в Москве.

Изображая удивление и разочарование, Филби вернулся в Лондон, где составил отчет о «неудачной командировке». Волков, предположил он в отчете, мог выдать себя своей нервозностью, или его комната прослушивалась. Он мог также раскаться и признаться во всем. В его мемуарах отчет об этом заканчивается так:

«Другая гипотеза – что русских предупредили о подходе Волкова к британцам – не подкреплена серьезными свидетельствами, и её не стоило и включать в отчет».

Рассказ Филби о деле Волкова в лондонской «Санди Таймс» от 10 апреля 1988 года тоже лжив. Филби утверждает, что Волковых вывезли «несколько недель спустя после его возвращения в Лондон».

На самом деле начальство Филби заподозрило утечку информации сразу же в тот момент, когда узнало, что добыча исчезла, но о «серьезных свидетельствах» в виде молниеносной вылазки двух головорезов из Москвы тогда ещё не было известно. В августе 1951 года, когда Филби вернулся из Соединенных Штатов и был тогда уже под подозрением, снова всплыл призрак Волкова. Сколько человек, спрашивали себя британские следователи, знали о деле Волкова до прибытия Филби в Стамбул? Оказалось, что только трое: сэр Стюарт Мензис, его зам – полковник Вивиен и сам Филби. К несчастью, оставалась возможность того, что утечка могла произойти от одного-двух официальных лиц в Лондоне (не говоря уж, конечно, о людях из посольства в Стамбуле).

Но все это в будущем. А в октябре 1945 года Филби сумел убедить своего шефа, что Волков чем-то выдал себя. Следуя проторенным обманным путем, он скоро сумел, благодаря новому удачному стечению обстоятельств, ещё больше запутать дело. А случилось так, что 20 февраля 1945 года служба британского паспортного контроля

сообщила: в Вулвиче на борт советского судна «Якутск» сел советский гражданин Константин Волков и направлялся в Соединенные Штаты. Может, это пропавший? Филби прекрасно знал, что нет, но он тут же составил ориентировку в Вашингтон с просьбой взять этот след. Прошли целые месяцы, пока получили фотографии нового Волкова, потом их сравнили со снимками того Волкова. Наконец, не ранее июня 1948 года установили, что это совершенно разные люди. Более двух лет довольный Филби эксплуатировал эту ложную версию.

Лишь по одному вопросу точки зрения Филби и всех его коллег совпадали. Волынка с рассмотрением просьбы Волкова значительно увеличивала для Волкова степень риска. Потом, с течением лет, станет ясной необходимость решения таких вопросов в считанные часы или даже в течение часа.

Филби и Стамбул фигурируют и в истории с ещё одним советским перебежчиком, поэтому эта история и приводится здесь, хотя хронология у неё другая. Исмаил Ахмедов, подполковник ГРУ, прибыл в турецкую столицу в 1941 году. Это было для него лето кошмара. Он работал в Берлине – формально дружественном после заключения нацистско-советского пакта. А в воскресенье 22 июня, в день нападения Гитлера на Советский Союз, он был арестован Гестапо как «враждебный элемент» и помещен в лагерь военнопленных, причем там его, поскольку он прошел обрезание (как мусульманин), разместили вместе с евреями и назначили чистить туалет. Через неделю в его жизни произошла новая перемена. В лагерь пришли автобусы, и всех советских пленных собрали вместе: их предстояло обменять на нейтральной турецкой территории на равное число германских граждан, которые оказались в Советском Союзе в момент объявления войны. Оказавшись, однако, в Турции, Ахмедов не пересек вместе со всеми советскую границу. Из Москвы пришел приказ. Ахмедову поручалось остаться в Турции под именем Георгия Николаева – под именем, которым он уже пользовался, когда работал под прикрытием корреспондента ТАСС. Теперь он работал «под крышей» пресс-атташе советского посольства в Стамбуле, и в его задачу входило набирать французов, поляков, чехов, югославов и людей других национальностей, которых прибило к турецким берегам из оккупированной Европы, с целью военной подготовки и

дальнейшей переброски на оккупированные немцами территории для подпольной борьбы с ними.

Эта работа была ему по душе, так как он не любил нацистов. Но теперь Ахмедова, татарина и мусульманина, который был направлен в разведку в 1940 году скорее не по своей воле вскоре после окончания Военной академии генштаба (это уж чересчур натянуто. – Примеч. перев.), работа перестала увлекать его. Ему все труднее становилось сопротивляться радостям жизни в космополитическом Стамбуле, где его собратья по вере могли не только свободно и беспрепятственно веровать в свою религию, но и правили страной. В своих воспоминаниях он пишет, что два события разрушили его личные связи с Советским Союзом. Первое – это смерть находившейся в России жены Тамары. А второе, случившееся через неделю после первого, – вступление в декабре 1941 года в войну Соединенных Штатов. Через день после второго события, пишет Ахмедов, он пришел к генконсулу США в Стамбуле и выразил готовность служить где угодно и в любом звании в армии США. Неудивительно, что его экстраординарный шаг не принес результата, хотя можно не сомневаться, что его заприметили для других нужд.

Ахмедов, возможно, был вполне искренен, когда убеждал пожилого американского генконсула, что у него нет больше желания служить советскому режиму, потому что «Гитлер и Сталин оба диктаторы, а между Гестапо и НКВД нет существенной разницы», что, как верующий мусульманин и обладающий чувством собственного достоинства татарин, он инстинктивно антирусски настроен в религиозном и в этническом смысле и что, более того, как инженер и выпускник Академии Генштаба, он не тяготеет к работе в разведке.

Тем не менее к решению о бегстве его побудила боязнь за собственную голову. В мае 1942 года трения с руководством привели к тому, что ему пришел неприятный приказ вернуться в Москву. Было сообщено, что его будут сопровождать два советских дипкурьера (вряд ли все обстояло именно так, ибо захочешь напугать – лучше не придумаешь. – Примеч. перев.). Ахмедов растянул данные ему двое суток на пять, а затем сел в поезд, приехал в Анкару и связался со своим добрым другом Владимиром Петричем из югославской миссии, с которым был в контакте, когда работал по сбору кадров для партизанского движения. Петрич связал его с офицером британской

разведки, тот пожелал ему успехов, но убежища, похоже, не предлагал, да этого и не просили. Ахмедов тем не менее решил, в каком направлении надо бежать. Двумя днями позже уже в Стамбуле он навел порядок в своем рабочем столе, уладил до мелочей свои финансовые дела, написал два письма об отставке в Москву (где, в частности, отказывался от советского гражданства) и после этого поехал в полицейское управление просить убежища как верующий мусульманин чисто тюркских кровей. Шеф полиции, который знал и любил Ахмедова, сразу же спрятал его под надежной охраной на то время, пока в Анкаре будут улаживать формальности. Турецкие власти надежно охраняли его как политического беженца в течение восьми лет, пока ему не было предоставлено турецкое гражданство.

А до этого Ким Филби успел перебежать ему дорогу. Некоторое время в течение войны британские и американские службы получали копии материалов, которые Ахмедов передавал турецким властям, потом он исчез со сцены. В начале 1947 года интерес к нему оживился, но, к несчастью для Ахмедова и британской разведки, это время совпало с назначением Филби в феврале того же года в Анкару в качестве шефа резидентуры. Перед Филби встала задача помешать желанию Лондона выудить дополнительную информацию у Ахмедова. И он преуспел в своем намерении, мастерски воспользовавшись знанием бюрократической машины в Уайтхолле. Теперь известно, что Филби в первый раз поехал в Анкару, чтобы увидеть Ахмедова при содействии турок, в июне 1947 года. Несколько месяцев он хранил молчание об этой встрече, пока в октябре не признал, что встреча имела место и он послал о ней письменный отчет, но он где-то затерялся. Лучшего ответа у него не нашлось, ситуацию пришлось поправлять, и, наконец, в январе 1948 года (Филби оставался в Турции до сентября 1949 года) у него состоялся долгий допрос Ахмедова в Стамбуле, который длился целых девять дней. Филби был представлен Ахмедову местным начальником службы безопасности под своим именем и со всеми верительными грамотами – как глава британской секретной службы в Турции и сын известного ученого-арабиста, который сам принял ислам. Ахмедову сказали, что англичанин пожелал, чтобы беседы протекали без присутствия турецких представителей, и они, турки, согласились на это. Так что стоит ли

удивляться, что беглец не заподозрил этого англичанина, представленного в весьма лестных выражениях.

Через несколько лет, оглядываясь на эту встречу, Ахмедов упрекал себя за то, что не придал значения одному недосмотру в позиции допрашивающего. Вопреки сложившейся профессиональной практике, когда допрос начинается с долгих и подробных расспросов о семье, учебе, служебной карьере, Филби проявил лишь беглый интерес к этим темам. Ведь эти вопросы были хорошо известны его московским хозяевам. Русским было важно знать, как много Ахмедов сумел сообщить Западу. Филби интересовали вопросы по советскому верховному командованию, по генштабу, военным школам и академиям, научно-исследовательским организациям, их ведущим сотрудникам и т. д. Подобный опросный лист был подготовлен Филби и по прежней службе Ахмедова ГРУ, и по родственной организации – политической разведке. Задача Филби состояла в том, чтобы выяснить, сколько же тайн вытряхнул Ахмедов из своего багажа на Западе.

Филби также часто как бы невзначай ввертывал вопросы, которые касались лично его. «Как там относятся к двойным агентам?» – внезапно поинтересовался Филби на одном из допросов. Позже он вернулся к этой теме: «Скажите, пожалуйста, ещё раз, как русские относятся к иностранцам, работающим на них?» Вряд ли Москва просила его поставить такие вопросы перед Ахмедовым.

Когда все закончилось, Филби с удовольствием узнал, что Ахмедов никогда не подвергался столь всеобъемлющему допросу со стороны турок, которые не проявили заметного интереса ни к чему, что выходило за их сферу деятельности. А это означало, что только что проведенный девятидневный допрос является единственным в своем роде и его невозможно будет проверить другими материалами. И это радовало Филби. Он мог представить отчет, как того сам пожелает. В результате он отправил отчет теперь после долгой, почти полугодовой, проволочки. Появился он в июне 1949 года, записанный стенографисткой, которую Филби привез с собой. Девять дней непрерывных допросов уместились на 39 страницах. Как всегда осторожный, он застраховал себя от возможных расспросов примечанием о том, что масса сырого материала опущена. Можно полагать, что Москва получила всё, без пропусков.

При прощании Ахмедов проявил интерес к тому, чтобы переехать из Турции (помните выше тезис о «правоверном мусульманине» и т. п.? – Примеч. перев.), и Филби пришлось убедить его в нецелесообразности переезда в Англию, где Ахмедов мог бы быть бомбой замедленного действия. Переезд в Англию, заявил Филби, «невозможен», и Турция – самое подходящее место. А чтобы его слова звучали убедительнее, он передал Ахмедову сумму в пятьсот долларов – в турецких лирах.

Дело Ахмедова высвечивает весьма недооцениваемый аспект ущерба, который Филби нанес Западу. Обычно всё внимание сосредоточивают на проваленных им операциях и агентах, выданных им или с его помощью, а также на потоке разведывательной информации из самых верхов, которую он в течение многих лет передавал Москве. Тот ущерб, про который говорится здесь, также, несомненно, значителен. Выдача Волкова – это один общеизвестный эпизод. Но вне разведывательного сообщества малоизвестен другой случай, происшедший на следующий год с лейтенантом Владимиром Александровичем Скрипкиным. Это был молодой офицер ГРУ, владевший английским языком. Он был направлен в начале 1946 года в советскую военную миссию в Токио. Его служебные обязанности отчасти не составляли секрета – помогать в наблюдении за демилитаризацией Японии, но отчасти были и тайными – вести военно-разведывательные операции против западных стран. Он не стал тратить много времени на выполнение этих задач, а обратил свою энергию на решение другой задачи.

9 мая 1946 года он тайком пришел в британское посольство, где имел беседу с британским морским офицером. Он оставил странное впечатление: и сотрудничать хотел, и твердых обязательств не давал. Одновременно он стал прощупывать подходы и к всемогущим тогда в Японии американским оккупационным властям и на встрече 17 мая все выложил: он «сыт по горло» сталинским режимом в Советском Союзе и только ждет приезда жены, чтобы попросить убежища в Соединенных Штатах для неё и себя. Состоялся и третий его контакт с западными представителями: в 9 часов утра 19 мая он снова пришел в британское посольство, находясь в состоянии некоторого возбуждения, и сообщил, что жене не разрешили приехать в Токио, а самого его отзывают в Москву, и он должен уехать не далее как на следующий

день. Он хотел бы, заявил он, предоставить себя в распоряжение британской разведки и пообещал войти в контакт с её представителями, как только получит новое назначение за границу уже вместе с женой. Только из-за неё он и возвращается. Он оставил свой московский адрес на случай необходимости установить с ним контакт там.

После этого о лейтенанте Скрипкине никто не слышал, потому что его схватили сразу же по приезде в Москву. Два более поздних перебежчика, Растворов и Голицын (о них далее), сообщили, что о предложении Скрипкиным своих услуг русские узнали от источника в британской разведке. Весьма похоже, что Филби, который имел доступ к сообщениям о Скрипкине как глава 5-го отдела Миб, и был тем источником.

Выдача Филби оперативных секретов началась по-серьезному в сентябре 1941 года, через три месяца после германского вторжения в Советский Союз, когда он был назначен в 5-й отдел. Считается, что он сообщил русским всё что мог об операции британцев против Абвера, германской разведки, включая детали совершенно секретного плана «Double Cross system» – перевербовки германских агентов, схваченных в Великобритании, и доведения через них дезинформации до немцев. Хотя СССР и Британия были уже союзниками в войне, такую информацию Лондон никогда не передал бы Москве.

После войны Филби сумел выдать своим советским хозяевам целый ряд операций. Так, используя свои возможности резидента разведки в Стамбуле, он передавал русским информацию об операциях против них по всему Ближнему Востоку. В частности, он сообщил им об «альпинистах» – так называли западных агентов, проникших в Советский Союз через горы Кавказа. Только два таких случая остались нераскрытыми русскими в течение 1948–49 годов.

Позже, когда Филби был назначен в Вашингтон, его оперативные возможности расширились. Он поддерживал тесный контакт с неоперившимся ЦРУ, некоторые из руководителей которого, как, например, Джеймс Энглтон, замороженно заглядывали Филби в рот, будучи во время войны в Лондоне в составе миссии Управления стратегических служб (создано во время войны, в 1947 году переформировано в ЦРУ. – Примеч. перев.). Их доверие к Филби было полным и давало тому возможности контролировать все американские

послевоенные операции против советского блока. Сюда включается и попытка американцев дестабилизировать только что основанный в Албании коммунистический режим Энвера Ходжи, однако фиаско подготовленной ЦРУ группы парашютистов, которые почти все были сброшены прямо под огонь ожидавших их людей с взведенными затворами, нельзя целиком возложить на Филби. Антикоммунистические группы в этой несчастной горной стране во многом сами выдали себя, прежде всего из-за обыкновенного неумения держать язык за зубами.

Наконец, Филби, безусловно, мог нанести ущерб радиоразведке. Одному из наиболее значительных успехов, достигнутых против русских на этом фронте, начало было положено буквально накануне прибытия Филби в Вашингтон. Мередиту Гарднеру, американскому специалисту по шифрам, который стал легендарным в своей профессии, удалось разгадать шифры советской разведки из книги шифров Красной армии с фронтов финской войны. Эта англо-американская операция получила название «Венона». Прорыва в шифры КГБ не получилось, но небольшая толика телеграфных сообщений была прочитана. Однако и этого оказалось достаточно, чтобы узнать о британском предателе Маклине, а также Клаусе Фуксе и Розенбергах как части советского ядерного шпионажа в Соединенных Штатах. Весь этот материал, видимо, прошел через кабинет Филби в вашингтонском посольстве, хотя работа Мередита Гарднера была, скорее всего, представлена как результат деятельности некоего двойного агента, тогда пользовавшегося псевдонимом Уильям Вайсбанд.

Но весь этот список доказанного или предполагаемого ущерба, нанесенного Западу со стороны Филби, не идет ни в какое сравнение с предательством, про которое Филби не сказал ни слова, но которое было раскрыто его бывшими коллегами. Речь идет о совершенно секретной разведывательной информации, потенциально весьма опасной для советской стороны, но которую он сумел остановить на пути в Уайтхолл.

Дело касалось поистине в высшей степени важных свидетельств, касавшихся намерений русских после победы в войне. К 1944 году накопилось немало материалов из самых разных британских разведывательных источников, свидетельствовавших о том, что

Советский Союз готовится захватить как можно большую часть Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, невзирая на договоренности с союзниками. Более того, сведения показывали, что Кремль решил навсегда насадить на этой территории с помощью Красной армии марионеточные коммунистические режимы, независимо от последствий для отношений с Западом. Был подготовлен документ для передачи премьер-министру, в котором излагались эти позиции и факты в подтверждение их. Но дальше кабинета Филби документ не прошел. Снова используя свое знание менталитета чиновников и бюрократической машины Уайтхолла, Филби отнюдь не стал принижать значимость документа, но сказал, что он заслуживает более пристального внимания. Настолько пристального, что он предложил собрать дополнительные сведения в нескольких ключевых регионах, чтобы затем уж с полной уверенностью доложить расширенный и дополненный документ политическому руководству. Этот трюк принес свои плоды. Документ, который всплыл на поверхность только спустя двадцать лет, так и не дошел до премьер-министра.

Однако 1943–44 годы были периодом, когда Черчилль, чувствуя именно такую угрозу, убеждал президента Рузвельта быть менее покладистым со Сталиным и выступал за высадку союзных войск на «мягком подбрюшье» оккупированной Европы (на Балканах. – Примеч. перев.) и устремиться к Вене, Будапешту и Праге раньше Красной армии. Видимо, ничто не могло уже вселить здравый смысл в большой мозг президента и сбалансировать союзническую стратегию на заключительном этапе войны. Но определенно британский премьер-министр смог бы представить свою позицию более убедительно, имея он на руках такой документ собственной разведки. Бывшие коллеги Филби утверждают, что, преградив путь этому документу, Филби нанес самый страшный единичный удар по Западу. Неудивительно, что ему не разрешили похвастаться этим. Это разоблачило бы неприкрытые империалистические планы Советского Союза.

Квинтет

Предисловие

Десятилетие, прошедшее после драматического побега Гузенко в Оттаве и трагической попытки Волкова в Стамбуле, представляет собой контрастную картину отлива и бурного прилива. В течение девяти лет после этих двух случаев список беглецов оставался почти пустым. Только два советских малоценных (для западных спецслужб) офицера разведки совершили побег в это время (Анатолий Грановский из МГБ прибыл в 1946 году в США из Швеции, и ещё один из МГБ Борис Иванович Бакланов – бежал в Соединенное Королевство из Австрии в 1947 году). И вот зимой 1954 года случилось беспрецедентное – в течение трех месяцев сразу пятеро в разных концах мира совершили переход границы.

В последующих главах все они будут представлены по отдельности. Однако полезно сделать краткое вступление и отметить, не упоминая здесь имен, чего между членами этого квинтета 1954 года было общего и что их различало. Все они, вначале на закрытых допросах, а затем и для прессы, говорили, что причиной их бегства было разочарование в советском коммунизме. Нельзя сказать, что это была дань пропаганде времен холодной войны и что этих заявлений ожидали от них хозяева. Разочарование (разной степени интенсивности), безусловно, сыграло свою роль в решении каждого. Это разочарование носило и материальную, и духовную окраску. Не только личные свободы манили их, но и тот высокий уровень жизни, который они почувствовали на своей работе за рубежом. Только в одном из пяти случаев отвращение к работе было доминирующей силой – но тому человеку предстояло заниматься действительно куда более грязной работой, чем другим.

Семейные отношения играли разную роль. Одному перебежчику удалось, хотя и с большими трудностями, убедить жену последовать его примеру. Другой откровенно говорил, что почти ненавидит жену, которая отказалась поехать с ним за границу, и больше не хочет видеть её. Третий, оставивший жену и маленькую дочь, признался, что его брак разваливается. А вот один из этой колоды, тот самый, которого именно совесть заставила сделать выбор, постарался горы сдвинуть,

чтобы перетащить любимую жену и ребенка на Запад, но его старания оказались напрасными.

Никого из пятерки не подкупали, чтобы он совершил побег. Никто из них (вопреки утверждениям коммунистов) не совершал уголовного преступления и не прихватывал с собой кассу. И все пятеро были в добром здравии, телесном и душевном.

Самым важным элементом, объединявшим всех пятерых, было время, которое они выбрали для побега. Это были первые месяцы 1954 года. Перед этим, 23 декабря 1953 года, в Москве официально объявили, что глава сталинской тайной полиции Лаврентий Берия, под началом которого они служили, и ряд его высокопоставленных подручных были казнены за измену. Это событие произошло на пике чисток, которые шли в спецслужбах в течение девяти месяцев после смерти Сталина в марте 1953 года. Даже те из пятерки, которые не боялись быть арестованными по возвращении домой, опасались за дальнейшую перспективу. Издалека Москва казалась погруженной в грозный хаос. Трудно было поручиться за собственную карьеру, жизнь или свободу, причем даже членам коммунистической элиты. Самый мощный фактор, который объединял всю эту пятерку, был обыкновенный инстинкт самосохранения, пробужденный у кого беспокойством, а у кого и полной паникой.

Токио

29 января 1954 года в западной прессе начали появляться сообщения о том, что исчез 2-й секретарь советской миссии в Токио. Одной из первых оказалась лондонская «Таймс». Газета неправильно подала имя этого человека («Растзоров»), но правильно сообщила, что советские представители обратились к японской полиции с просьбой помочь разыскать человека, который, по утверждениям русских, «начал страдать душевным расстройством». В начале февраля продолжала коверкать его имя (новая версия была «Растворов»), но история стала обрастать мясом. С. И. Рунов, представитель советской миссии, открыто обвинял «американские шпионские органы» в похищении коллеги «с целью устроить провокацию против Советского Союза». Западные газеты начали писать, что в Токио «множатся слухи», будто советский сотрудник попросил политического убежища в Соединенных Штатах и уже может находиться на Окинаве, главной американской военной базе на Тихом океане, в семистах милях к югу от японской столицы. Другие источники добавляли, что это «34-летний сотрудник советской миссии, отличный теннисист» и что он исчез накануне отъезда в Москву, к чему, по утверждениям русских, он очень стремился.

Правительство США некоторое время придерживалось уклончивой позиции (президент Эйзенхауэр 3 февраля сказал, что у него нет никаких сведений по этому вопросу, но он надеется получить должную информацию). А 5 февраля американца заявили во всеуслышание, что этот таинственный человек действительно находится у них и что более того – он является «главным агентом по шпионажу в Японии», а потому его бегство является большим американским триумфом. Один американский источник сравнил даже с историческими победами во Второй мировой войне: «В разведке это эквивалентно Мидуэю^[32] или Нормандии».

Это уж слишком, хотя подполковник МГБ Юрий Алексеевич Растворов (вернем ему его настоящее имя и положение) оказался важным трофеем. Однако, если быть точным, он не был американским трофеем, хотя так считается до сих пор. Тридцать лет спустя он сказал,

что первоначально вышел на британскую разведку, чьи сотрудники старательно работали с ним несколько месяцев. Тогда же составили план операции по выводу его из страны исключительно с использованием британских каналов. План провалился в тот самый вечер, когда было намечено пустить его в ход – по игре случая, который нельзя было ни предвидеть, ни предотвратить.

Прежде чем перейти к захватывающему повествованию о его побеге из Токио, посмотрим, что это был за человек. По пролетарским стандартам, происхождения Растворов был весьма смешанного. Родился он 11 июля 1921 года в Дмитровске под Орлом. Отец его был ветераном революции, красноармейцем. Так что пока все хорошо. Но мать была дочерью начальника железнодорожной станции, а это уже не вписывается в рамки рабоче-крестьянского идеала, и вышла во врач.

Но вот настоящим пятном на репутации семейства оказался дед, в скромном деревенском доме которого Юрий провел свои первые годы. Когда началась коллективизация, на старика несправедливо навесили ярлык кулака, имущество конфисковали, а сам он погиб от голода. Отец Юрия, опасаясь обвинений в контрреволюции, не пришел на помощь. Но и эта чрезмерная осторожность не спасла его от неприятностей. Через десяток лет, в пик сталинских политических чисток, отец подвергся преследованиям за свое «подозрительное происхождение» и с трудом отстоял свой партбилет, дававший возможность существования выше примитивного уровня.

Юрий был достаточно развитым и целеустремленным. Он был пионером, комсомольцем, окончил среднюю школу, поступил в Московский геодезический институт. Как и у миллионов других людей по всему миру, война изменила ход его жизни.

Он был призван в Московскую Пролетарскую дивизию, принимал участие в захвате прибалтийских государств. В сентябре 1940 года его направили в военную разведку, и он начал учить японский язык в Институте восточных языков. Хотя ему не суждено было закончить четырехлетний курс, но он оказался продуктом первого набора в высшей степени секретную «101-ю школу» советской разведки. Вместе с ним, по его оценкам, были приняты 50–60 курсантов. И 12–15 из них учили японский, остальные – китайский, хинди, пушту и

прочие. Никому из группы не давали самому выбирать направление, языки.

Германское вторжение в июне 1941 года нарушило академические занятия, Юрия направили в школу подготовки кадров для партизанского движения. Потом он оказался во Внешней Монголии и занимался изготовлением листовок и другого пропагандистского материала против японцев. Это был его оперативный дебют против Японии, которую он впервые увидел только в 1946 году, когда прибыл в Токио с советской миссией из 400 человек во главе с генералом Деревянко, который годом раньше представлял Сталина на официальной церемонии капитуляции Японии. А Растворов, которому исполнилось двадцать четыре, уже с 1943 года состоял в разведке МГБ, был кандидатом в члены компартии.

Его первый срок пребывания в Токио длился лишь год, но этого вполне хватило, чтобы избавиться от прежних впечатлений, сплошь не в пользу Советского Союза. Он увидел, насколько неотесанными кажутся его начальники, и прежде всего дубоголовый Деревянко, в западной компании. Он видел, как все до одного в миссии стараются запасть японской и американской одеждой и техникой, чтобы увезти это в блеклую Москву с её дефицитами, низкосортными товарами и вечными очередями. Заметили, что Яков Малик (будущий заместитель министра иностранных дел – Примеч. перев.), уезжая в 1946 году с поста генерального политического советника в Токио, увозил с собой не менее 65 чемоданов, до отказа набитых трофеями из загнивающего капиталистического мира.

В конце 1946 года Растворова внезапно отзывают в Москву в ситуации, которая не добавляла у него симпатий к режиму. Партийная комиссия раскопала, что у его отца десять лет назад было приостановлено членство в партии, а деда раскулачили, но Растворов не отразил этих негативных моментов в своих анкетах и автобиографии. Пришлось вынести унижительные разбирательства, но в итоге его простили, а в 1947 году приняли в партию. Но он просидел ещё три года в японском отделе, прежде чем в 1950 году его вновь отправили в заграничную командировку, и снова в Токио. Его жена, Галина Андреевна Годова, балерина, предпочла остаться дома с пятилетней дочерью: карьера значила для неё больше, чем семейная жизнь, которая уже дала трещину.

Растворов потом объяснял, что неудавшийся брак способствовал его решению, которое созрело у него, когда он уезжал из Москвы: он уже тогда решил, что не вернется. Другим важным элементом явилась усиливающаяся соблазнительность западного образа жизни. Он уже попробовал его во время первого пребывания в американизированном Токио, а в Москве ощутил его по кинолентам. Он часто сопровождал высоких чинов МГБ на киносеансы, которые начинались в 4 утра в специальном «конференц-зале». Там смотрели западные фильмы, которые офицеры советской разведки привозили из освобожденных стран. На сеансах присутствовал узкий круг привилегированных лиц, переводчики синхронно переводили текст. Как и все его коллеги, дома он говорил, что «задержится на работе».

Пропагандистские приемы, применявшиеся режимом в отношениях с капиталистическим миром, уже разрушили в душе Растворова всякие иллюзии, хотя особым идеалистом он никогда не был. Впервые он познакомился с методами коммунистической дезинформации в 1942 году, когда Уэнделл Уилки приезжал в Советский Союз в ходе своей информационной поездки по миру. Важно было, чтобы посланник президента Рузвельта уехал домой с восторженными впечатлениями о новом американском союзнике, и вот тогда Растворов участвовал в этом мероприятии по пусканию пыли в глаза американскому гостю. Он вместе с другими был снят с подготовки в военной школе в Ставрополе, всем дали крестьянскую одежду и отправили в совхоз неподалеку, который был выбран для посещения Уилки. Там они работали несколько недель: ремонтировали сараи, склады, скотные дворы, приводили в порядок поля и дороги. Последним штрихом был завоз в местный магазин икры, шампанского и других яств, чтобы показать, будто это нормальный ассортимент совхозного магазина. Два года спустя Растворов слышал, но сам свидетелем не был, о ещё более выдающемся дезинформационном мероприятии, устроенном для Генри Уоллеса, вице-президента США, когда тот совершал поездку по северо-восточной Сибири. Как по мановению волшебной палочки все рабские лагеря и ограды из колючей проволоки были сметены по пути его следования. Служба режиму, прибегающему к таким фокусам, угнетала.

Во время своего второго пребывания в Японии Растворов по роду работы ещё глубже окунулся в притягательный капиталистический

быт. Он приехал под видом третьего секретаря с нормальным дипломатическим паспортом, несмотря на ненормальное положение, в котором оказалась советская дипломатическая миссия^[33]. Его обязанности, конечно, не имели ничего общего с дипломатией. Он к этому времени был майором МВД (так теперь называлось его ведомство), и его главной задачей было собирать информацию через примерно полусотню японских агентов, большинство которых было завербовано путем шантажа и других форм давления. Поэтому Растворов был одним из немногих сотрудников миссии, которые в любое время могли выходить в город, ходить по отелям и ресторанам столицы.

Но была у майора Растворова ещё одна задача – проникновение в местную западную общину, где заправляли американцы, и с этой целью ему приказали вступить в теннисный клуб. Он стал единственным советским членом клуба. Растворов был не только большим любителем удовольствий, но и хорошим спортсменом. Рассказывали, что он начал бывать в клубе чуть ли не ежедневно. Он стал приличным игроком, его с удовольствием брали в пару. Джордж (так его звали в клубе) бывал иногда заносчив (следствие, по-видимому, некоторого комплекса неполноценности), а в общем-то стал популярной личностью. После игры обычно следовали бар, выпивка, приглашение в гости. Про него забывали, что он русский, и это в руках разведчика могло бы превратиться в смертельное оружие, если бы Растворов использовал ситуацию в интересах Советского Союза. Но он, как мы увидим, использовал её в своих интересах.

В случае с Растворовым хаос, воцарившийся в Москве (а он эхом отдался в токийской миссии, накалив обстановку там), и страх, что он сам может оказаться жертвой по прибытии из командировки, сильнее, чем в случае с другими перебежчиками 1954 года, повлиял на выбор времени для бегства. Так, он сам обратил на себя внимание британских служб весной 1953 года, спустя несколько недель после известия о смерти Сталина. На общественном фронте британские дипломаты были всю заняты приближавшейся коронацией в Лондоне королевы Елизаветы II. И они сильно удивились, получив 19 мая личную просьбу от Юрия Растворова о четырех приглашениях не только на концерт по случаю коронации, но и на бал в посольстве. Просьба от простого третьего секретаря, да ещё и миссии, не имеющей должного

дипломатического статуса, – это было слишком. Просителю направили приглашения на концерт, но не на бал.

Десять дней спустя Растворов, пользуясь связями в теннисном клубе, добился приглашения на обед к сотруднику британского посольства и привел с собой своего коллегу, Василия Савельева. Один из гостей, присутствовавших на обеде, вспоминает, что поначалу Растворов так нервничал, что брал сигарету в рот зажженным концом. Однако после изрядной доли выпитого все пошло гладко и весело. Танцевали, Растворов произнес тост: «За королеву» (ему тактично ответили: «За русский народ»). Когда у него развязался язык, он пожаловался, что очень несчастен. У него полно нареканий к своей миссии. Врач миссии отозван в Москву, и поэтому нет медицинского обслуживания, плохо с лекарствами. А с подвозом водки ещё хуже. Плохая связь с Москвой, почта работает с перебоями. А главное, он не нашел подходящей женской компании в стране, известной своими гейшами. Он даже и не был в компании с гейшами. Может, хозяин приема может организовать разок такое мероприятие? Во время холодной войны такое излияние в одиночестве и горестях было в диковинку услышать от советского сотрудника в компании западных коллег. Однако пока что сетования не носили идеологического характера, просто он жаловался на беспросветность жизни, как обычный человек.

Летом его откровения, обычно высказывавшиеся в теннисном клубе, где он был единственным советским «спортсменом с лицензией», стали посерьезнее. В июне он посетовал знакомому по клубу, что ситуация в Москве становится настолько пугающей, что он опасается за свою жизнь. Он признался, что слишком много пьет, что ненавидит жену и что у него есть любовница-японка. Он стал распространяться на политические темы. В отсутствие американцев он говорил, что не любит американцев. Он критиковал и англичан, называя их политику в отношении России политикой «умиротворения». Он стал часто повторять: «Если вы не начнете действовать первыми, мы уничтожим вас». К концу лета он принимал приглашения западников, уже не докладывая своему начальнику – полковнику Александру Носенко.

Стало ясно, что Юрий Растворов не только социально неустроенный человек, но и готовый перебежчик, и англичане начали

вести подготовку к его вывозу из Токио вместе с его любовницей-японкой, если потребуется и если он обратится за политическим убежищем. Очевидный путь – воздухом, но это было время винтовых самолетов с ограниченным радиусом действия. Гражданские самолеты почти всех рейсов делали первую посадку в Гонконге. Даже советским самолетам по дороге в Москву приходилось садиться там. Британская колония рассматривалась как в высшей степени удобный перевалочный пункт по дороге Растворова в Великобританию. Британские военные самолеты уходили из американских военных аэродромов два-три раза в неделю, и по соображениям безопасности было решено отдать им предпочтение перед гражданскими самолетами компании ВОАС. К осени в Лондоне заинтересовались Растворовым и решили направить в Токио официальное лицо, владеющее русским языком, специально для того, чтобы оно занялось его доставкой в Лондон. А тут ещё японцы сообщили, что Растворов является офицером разведки. Работа закипела.

Тем временем пошатнулись его позиции в миссии, и временный поверенный Георгий Павлычев обратился в Москву с просьбой отозвать Растворова. Но полковник Носенко, благоволивший Растворову, сообщил ему, что пришла телеграмма с нагоняем, но Растворов остается в Токио, а разбор произведут по его возвращении. У Растворова было впереди ещё несколько месяцев.

Два события усугубили внутренний кризис в душе Растворова. Первое – это расстрел Берии, сообщение о чем пришло в Токио накануне Рождества (имеется в виду по новому стилю. – Примеч. перев.). Растворов был в невысоких чинах, чтобы чувствовать себя в опасности в связи с новыми чистками. Но он же работал в японском отделе в Москве под пристальным оком Берии, так что мало ли что... Второе и решающее событие – 10 января 1954 года около полуночи Растворова пригласили в руководство миссии и сказали ему, что Павлычев направил в Москву телеграмму с настойчивым требованием отозвать Растворова, а если его требование не будет выполнено, то он сам попросит о своем переводе. На сей раз трудно было ожидать милостей и от полковника Носенко, который, в принципе, должен был бы настоять на решении этого вопроса по своим каналам. Носенко увиливал от ответа, но потом сказал, что Растворов поедет домой через несколько дней с советскими

конькобежцами, которые приехали в Токио на чемпионат мира. Такому эскорту не порадуешься, ведь в такой группе, как обычно, есть несколько сотрудников спецслужб. И они, видимо, позаботятся, чтобы довести его до дома.

Начиная с этого момента опубликованный рассказ о причинах бегства мало походит на правду (и вряд ли это было продиктовано обстоятельствами того времени). В истории, рассказанной для американской публики, он говорит о том, что просто не смог улететь с конькобежцами, которые отбыли 23 января, по той причине, что в британском консульстве не успели оформить для него транзитную визу для Гонконга. А когда он пришел в миссию, полковник Носенко сказал ему, что он определенно должен вылетать на следующий день, в воскресенье 24 января. Крепкий сопровождающий из конькобежной делегации специально остался, чтобы сопровождать его. После этого, как гласит его рассказ, он связался со своей «близкой американской подругой» – миссис Браунинг (на самом деле её фамилия была Бёрнс) [34], женщиной средних лет из Техаса, которая преподавала в местной американской школе имени Эрни Пайла. Они регулярно встречались в отеле «Олд Кайто» и давали друг другу уроки родного языка. О политике не говорили. А в это бурное воскресенье он сказал ей, во-первых, что хочет бежать на Запад и, во-вторых, что он офицер разведки. Она пообещала ему сделать для него всё возможное. Растворов потом говорил, что он вернулся в миссию, чтобы сжечь свои бумаги, а потом направился на условленный угол для встречи с «миссис Браунинг», назначенной на восемь вечера. К месту встречи подъехал автомобиль, в котором находилась преподавательница, и увез его. «Некоторое время спустя, – заканчивается повествование Растворова, – я уже летел к американскому западному побережью».

Эта версия была придумана спустя лишь несколько месяцев после прибытия Растворова в Соединенные Штаты, и придумана с американской помощью и для американской аудитории. Теперь он с готовностью признает, что время реального действия и выдуманного разнится по меньшей мере на сутки. Он даже не был в курсе всего происходящего, но знал, что центром событий является британское посольство.

В действительности же дело обстояло следующим образом. В понедельник 18 января посольство Великобритании получило срочную

просьбу из советской миссии о транзитной визе на Гонконг для Юрия Растворова, отъезд которого намечался на 22-е или вскоре после этого. Сотрудник спецслужб, приехавший из Лондона специально заниматься Растворовым, решил, что тому самое время уходить. Когда Растворов в среду встретился со своим британским контактом, то пришел к тому же мнению. Как он сказал, он боится за свою жизнь. И добавил, что если не улетит отсюда на Запад, то на следующей неделе его увезут под охраной на советском судне. Он взмолился, чтобы эта конькобежная команда улетела из Токио раньше него. Это было нетрудно для британцев, потому что от них зависело, кому и когда выдавать гонконгские визы. На следующий день подключились королевские ВВС, и на американскую базу Тачикава прилетел военный самолет – специально за русским. Однако Растворов никак пока не соглашался обращаться за политическим убежищем в Великобритании, хотя определенно не хотел ехать в Соединенные Штаты.

В субботу 23-го – в день, когда конькобежцы улетели и Растворов радостно проводил их в аэропорту, – он согласился бежать. Первоначально операцию назначили на 17 часов, но потом передвинули на два часа позже, чтобы в Токио миновал час пик и Растворова можно было прямиком отвезти в Тачикава к ожидавшему его самолету. И надо же было случиться, что пошел снег, да такой, какого не было за всю историю метеонаблюдений в Токио с 1875 года. В ту ночь его выпало на 31 сантиметр.

Растворов уже был «Густав Рутте», скандинав, со всеми необходимыми документами и транзитными визами до Лондона через Гонконг – Сингапур – Цейлон. Но из-за разразившегося снегопада все эти приготовления были пока что бесполезны. И Растворов провел нервные одиннадцать часов в ожидании отлета – с 9 вечера в воскресенье до 8 утра понедельника, когда Растворов заявил, что нужно отложить попытку до 25-го, а пока что он поедет показаться в миссию. Британская сторона (а там был высокий чин королевских ВВС в звании вице-маршала) не горела желанием выпускать его из рук. Ему предлагали укрыться в одном из британских зданий, но он отверг это предложение как слишком рискованное. В какой-то момент его «попечители» думали даже, а не убедить ли американцев, которым принадлежала база, удержать Растворов здесь, если потребуется –

насильно. Но тут была одна задоринка, и не мелкая. Американцы на базе и не знали, что это за человек находится у них на территории и почему это так необходимо вывезти его. Не знали этого и в американском посольстве. Британские и американские разведки тесно сотрудничали, особенно в послевоенное десятилетие. Но не в подобных случаях. Каждая служба, тогда и сейчас, имела свои секреты друг от друга, в данном случае к несчастью для британской стороны.

И теперь настала очередь британской стороны погрузиться в неведение. Рейс военного самолета отложили. Вся следующая неделя прошла в беспокойных размышлениях. Что случилось с Растворовым? То ли его держат в миссии, то ли, как он говорил, отправили судном, то ли он покончил с собой, то ли жив и здоров и где-то скрывается? И только 5 февраля, уже после того, как в западной прессе начали появляться «утечки» по этому вопросу, ЦРУ официально уведомило британских коллег в Лондоне, что Юрий Растворов был благополучно вывезен из Японии и находится у них в руках. Трудно винить американцев за такую проволочку. Это естественная маленькая месть друзей.

А случилось так, что Растворов подумал, что повторять попытку в том же виде рискованно, и от своих спасителей ринулся к американцам.

Много лет спустя Растворов рассказал, что же произошло на самом деле, когда он расстался утром 24 января с англичанами. Он, конечно, не показывался в советской миссии и не сжигал никаких бумаг; он даже оставил там 400 долларов, чтобы поверили в его возвращение, а обратился к своим американским контактам, которые организовали ему убежище в безопасном доме района Токио, заселенного американцами. На следующее утро его отвезли на аэродром, а оттуда – на авиабазу на Окинаве. К 25-му прекратился снегопад, который лишил британцев их приза и дал победу американцам.

Разведывательное значение этого трофея было значительным, хотя и кратковременным и ограниченным по масштабу. Растворова готовили к работе в Японии, больше он нигде не бывал. Главным итогом его побега было разрушение шпионской сети в Японии. Ее размеры сильно сократились за лето 1954 года, в том числе на трех сотрудников МИД Японии. Растворов, пользуясь информацией из

первых рук, полученной во время пребывания в Токио, пролил дополнительный свет на некоторые дальневосточные проблемы, в частности войну в Корее. Он описал, как Сталин подтолкнул Северную Корею к агрессии, рассчитывая, что вся операция будет происходить под русским контролем, а потом, когда в результате контрнаступления генерала Макартура агрессоры откатились к своей границе, Сталин оказался вынужден обратиться к китайцам. В целом эта история была, конечно, известна на Западе, но Растворов снабдил её деталями из первых рук. Остальная информация не имела большого значения. В частности, его сообщения о противоречиях в московском руководстве были основаны на отрывочных сведениях, полученных в Токио^[35]. Но сведения по этому вопросу принесут потом другие перебежчики, которые последуют чуть позже по стопам Растворова.

Хотя он нацелен был на работу в Японии, за время своей работы в Москве он узнал много сведений более широкого спектра, представлявших интерес для его хозяев^[36]. Часть их была изложена во время слушаний в подкомитете американского сената по внутренней безопасности, которые состоялись через два года после приезда Растворова в США. Он представил список руководителей советской разведки, начиная с Овакимяна, который уехал в 1941 году, и включая далее Зарубина (использовал оперативный псевдоним «Зубилин»), Долбина, Соколова и Панюшкина, который принял руководство шпионской сетью в 1949 году, хотя был официально аккредитованным советским послом – редкое сочетание постов. Он рассказал о методах работы советской разведки в США и оказался, видимо, первым перебежчиком, который сообщил, что в Нью-Йорке, в ООН, существует разведывательная группа, работающая отдельно от резидентуры, находящейся под прикрытием посольства в Вашингтоне. Он был, по всей вероятности, первым из серии перебежчиков, представивших агентство ТАСС как главное орудие советской разведки по всему миру. Он сказал изумленным членам подкомитета, что до 90 процентов зарубежных корреспондентов ТАСС являются сотрудниками советской политической или военной разведки.

В свое время почти вся эта информация считалась ценной. Но большое долгосрочное значение имеет человеческий аспект бегства Растворова. Помимо страха за свое будущее, помимо неудавшегося брака сыграло роль то, что Растворов был гедонистом, искателем

удовольствий. Он не мог найти их в Советском Союзе, но через теннисный клуб в Токио понял, что может найти их у капиталистов. Он перемахнул не через железный занавес, а через теннисную сетку. Это не чисто идеологический перебежчик, но есть и идеология в его бегстве: Запад был для него местом, где можно жить полной жизнью, лишенной страхов.

Вена

Сразу после рассвета 17 февраля 1954 года были внезапно усилены советские армейские патрули на контрольных пунктах дорог, ведущих из Вены, и солдаты и сотрудники службы безопасности стали производить дотошный досмотр всех колесных средств, проходящих через контрольные пункты по шоссе или по рельсам. Ловили не налетчиков. Спустя девять лет после войны в Австрии, находившейся под оккупацией четырех держав (такое положение сохранялось до осени следующего года – до заключения Австрийского государственного договора), царило спокойствие. Хотя столица пребывала под контролем четырехсторонней администрации, она, как и Берлин, находилась в советской зоне оккупации, и, таким образом, русские контролировали все дороги, которые вели на запад и на юг, в западные зоны оккупации.

Серьезность проверок была необычной и длилась несколько дней. Внимательно досматривали грузы, заглядывали в багажники, дотошно проверяли документы – и австрийцев, и союзников. Было ясно, что русские подняли панику, чтобы помешать сбежать какому-то важному чину. Через три дня появилась тщательно искаженная версия случившегося. Появился пресс-релиз, а в нем сообщалось, что советские власти обратились к австрийской полиции за помощью в поиске «двух русских техников, которые исчезли после гулянья в ночном клубе и могут попытаться сбежать на Запад». Против них было выдвинуто обвинение, ставшее впоследствии расхожим для таких случаев, в том, что они прихватили с собой казенную кассу. Назвали только фамилии беглецов – Скачков и Дерябин.

Нечего и говорить, что никто из двух не был простым «техником». Анатолий Скачков был членом правления советской нефтяной компании в Вене (в советской зоне, под Цистерсдорфом, находились значительные нефтяные месторождения). Он действительно был завсегдатаем очных клубов и действительно убежал на Запад. Но за кем русские по-настоящему охотились, так это за Петром Сергеевичем Дерябиным, майором КГБ с необычным опытом восьми лет работы^[37] и с необыкновенно важной информацией, которую он носил в голове.

Он был главой спецслужб в советской колонии Вены. В его функции входил надзор за советскими гражданами, прежде всего он должен был предотвращать побег.

В своей главной книге воспоминаний он рассказывает, как с помощью «мастерски изготовленных документов» он покинул Вену через сутки после установления контакта с американцами. Ехал он как австриец в «восточном экспрессе», который шел на Запад. Эта версия является чистым обманом, именно её сочли предпочтительным выдать в то время, когда выходила эта книга.

На самом деле Дерябин выехал на «Моцарт-экспрессе» – военном поезде исключительно для американцев, который отходил ежедневно с Западного вокзала в американскую зону оккупации. И ехал Дерябин не в пассажирском купе, а в деревянном ящике, загруженном в грузовой вагон. Дерябина поместили туда, дали воды, бутербродов и сигарет, просверлили дырки, чтобы не задохнулся. Ящик обшили, написали пункт назначения – лагерь Трасткотт в Зальцбурге, с концов вагона, как только поезд тронулся, поставили по американскому солдату. Причем они находились не в самом грузовом вагоне. Погрузку производили не американцы, а австрийская фирма – чтобы не вызывать подозрений у советских агентов, находившихся на платформе. Оглядываясь на эту поездку много лет спустя, Дерябин вспоминает один момент, вызвавший у него беспокойство, из всего этого в общем-то бесхлопотного путешествия. Американская зона начинается только на западном берегу реки Эннс, но все поезда останавливались за две мили на советском контрольном пункте. Поезд остановился, потом тронулся, и тут Дерябин, почувствовав себя на свободе и не в силах больше сдерживаться, от волнения закурил. Из ящика пошел дым, и со стороны можно было подумать, что там что-то загорелось, причем на территории советской зоны. Охранники сумели просигналить ему, чтобы он погасил сигарету. Через несколько минут «Моцарт-экспресс» загрохотал по мосту через Эннс.

Этот способ содержал в себе риск, но американцы не видели альтернативы ему. Их взлетно-посадочная полоса для легких самолетов в Вене бездействовала из-за плохой погоды. Самолеты ВВС США пользовались аэропортом Тульн, но он находился в советской зоне и проехать к нему можно было только через советские блокпосты. Хотя ни один офицер американской разведки не успел толком

переговорить с Дерябиным, но интенсивные поиски, развернутые в Вене, показывали, что их трофеем представляет собой значительную ценность. Американцы даже опасались, что если русские заподозрят, что Дерябин находится на борту американского самолета, взлетевшего из Тульна, то могут с помощью своих истребителей посадить американский самолет на советский аэродром, хотя это и вызовет дипломатический инцидент.

Когда начались допросы, майор Дерябин убедил своих хозяев, что они не зря тратили на него время и силы. Попросту говоря, он помог Западу выбраться из того темного туннеля в области разведки, в котором он очутился, когда 13 лет назад приобрел себе в союзники по войне Советский Союз. Напряжение борьбы с Гитлером означало, что, например, в Британии весь разведывательный и контрразведывательный аппарат переключился полностью на эту борьбу, а из хорошо укомплектованного и важнейшего до войны советского отдела остался один-единственный сотрудник – для поддержания видимости, что работа не прерывается. Во время войны западные державы вряд ли вели враждебную шпионскую деятельность против русских, Советский же Союз, напротив, вел интенсивный и все более усиливавшийся шпионаж против своих временных союзников. Первые послевоенные годы не слишком изменили этот баланс. Если бросить ретроспективный взгляд на утечки разведывательного характера, Игорь Гузенко принес с собой немного сверх пачки телеграмм, хотя и важных, но краткосрочной значимости. Это был молодой офицер, не выходящий за пределы мира шифров, его видение было ограниченным. Константин Волков повидал и знал куда больше, но ему вовремя закрыл рот Филби. Потом был разрыв почти в десять лет, прежде чем пошла новая волна бегств советских разведчиков, словно в середине зимы 1954 года открылся шлюз. Однако опыт Растворова, предшественника Дерябина в этой веренице, ограничивался дальневосточными проблемами, а человек, последовавший за Дерябиным, был связан прежде всего с убийствами.

Но до того времени никто не дал такой объемной картины функционирования советского полицейского государства, как Александр Орлов, сбежавший на Запад в Париже в июле 1938 года. По тому времени это был не меньше, чем генерал-лейтенант НКВД. До

этого он сделал при Сталине блестящую карьеру, вершиной которой оказался вывоз всего золотого запаса республиканской Испании.

За Дерябиным таких подвигов не числилось, да и рангом он был на три ступени ниже. Тем не менее картина, которую он представил, оказалась не менее красочной.

Происхождение наложило свой особый отпечаток на него, несмотря на то что позже по нему прошелся тяжелый идеологический паровой каток. Дерябин родился в алтайском селе Локоть 13 февраля 1921 года^[38] – в день, когда началось первое вооруженное восстание против коммунистического режима – мятеж кронштадтских моряков. Отец его, Сергей, служил когда-то младшим чином в царской армии. В деревне он плотничал, занимался сельским хозяйством, своими руками построил вначале одну, затем другую избу, в другом селе. Жена Стефанида родила одиннадцать детей, но выжили только трое. Маленького Петю крестили, иконы всегда висели в доме родителей. Мать тайком учила его Библии. В семь лет мальчик пошел в сельскую школу. Когда он радостный пришел домой в пионерском галстуке, отец назвал предмет его гордости «собачьим поводком»... В пятнадцать он стал комсомольцем, в 1937 году окончил школу, а через год получил квалификацию учителя. В 1939 году, в год развязывания Гитлером войны в Европе, он был призван в армию и через месяц назначен помощником политкомиссара в школе офицеров запаса. В мае 1941 года Дерябин, комсомольский секретарь саперного батальона, становится членом партии. Осенью 1941 года под Москвой он получил серьезное ранение в ногу. На следующую осень он уже младший политрук в офицерском звании, становится участником кровопролитной Сталинградской битвы. Последняя встреча с немцами оказалась для него и худшей. В апреле 1944 года в ходе операции по освобождению Одессы его 284-я дивизия форсировала реку Буг с болотистыми берегами. Его разведывательное подразделение переправилось на другой берег, но немецкой атакой было отброшено назад. Дерябин был ранен в спину, пытаясь добраться до своего берега, и рухнул в болотистую почву. Потом проходивший мимо немец снял с него новые американские военные ботинки, выстрелил в него и затем, считая Дерябина мертвым, порылся в его карманах. Однако крепкий сибиряк выжил, несмотря на ранение в лопатку и легкое. Пролежав

пять часов в болоте, он в 11 часов ночи был подобран своими, и его перенесли в более безопасное и сухое место.

В июне 1944-го его с отличной характеристикой направляют в высшую школу военной контрразведки. Закончил он учебу в красном кирпичном здании на улице Станиславского 19 в апреле 1945-го. Война подошла к концу, гитлеровская угроза миновала, и теперь службы безопасности режима могли переориентироваться на свой народ. Сотни тысяч солдат возвращались домой (хотя несколько тысяч дезертировали и остались на Западе). Они своими глазами увидели, что означают сказки о рае для рабочих у них на родине. Они увидели, что побежденные и освобожденные имеют более высокий уровень культуры и жизни, чем победители.

Начали разбираться с судьбами пяти миллионов бывших советских военнопленных, и этот период явился и сильным ударом по сознанию офицера контрразведки, и важным этапом в карьере. Началось с того, что его, капитана госбезопасности (после кратковременного возвращения к гражданской специальности – учительству), направили в Барнаул. Эта работа была привилегированной, денег приносила втрое больше, чем учительство, и к тому же его боялись. До него впервые дошла правда того, чему его учили в школе контрразведчиков. Режим был над и в стороне от нации. И Дерябин с этих пор уже не принадлежал к русскому народу, по крайней мере к его большей части.

В Барнауле он провел с год, налаживая агентурную сеть по надзору за двумя тысячами жителей города. Летом 1947 года от плеврита умерла его первая жена, Таня, и он стал искать новое место приложения своих сил – но не вне, а все в том же мире контрразведки, только повыше. А это означало Москву. Он поехал в отпуск на Кавказ, а по дороге заглянул в Москву. С этого момента в биографии Дерябина появляется «рука». В своих записях Дерябин называет этого человека Павлом Зуйковым, но на самом деле его звали Владимиром Петровичем Петровичем. С ним Дерябин учился в контрразведывательной школе. В тот момент Зуйков (будем называть его так) был помощником замминистра по кадрам в Министерстве государственной безопасности генерал-майора Свинелупова. Замминистра не любил перетруждать себя на работе и избегал, когда можно, принятия решений – в частности, потому, что его недолюбливал печально знаменитый

министр госбезопасности генерал-полковник Виктор Абакумов. Следствием такого положения дел было то, что помощник действовал, как если бы это он и был замминистра. Именем Свинелупова он назначал, отзывал и переводил даже высших офицеров, и для него не составляло труда передвинуть капитана Дерябина из Барнаула в штаб-квартиру госбезопасности. Там он прослужил шесть лет и потом, сбежав на Запад, смог дать точное описание всех двенадцати основных и шести вспомогательных подразделений своего ведомства начала пятидесятых.

Одно из первых правил, усвоенных Дерябиным в центре, состояло в том, что, как бы ни сильна была твоя «рука», кончить ты можешь тем, что об тебя будет вытирать ноги твое начальство.

Дерябин побыл некоторое время в секретариате, затем его перебросили в отдел кадров. Только его перевели в кадры, как его начальника, полковника, назначили в службу охраны высших деятелей. Полковник взял Дерябина с собой. Его друг был не в восторге от такого перемещения. «Охрана – неприятная штука, – предупредил он. – Слишком близко к верхушке».

Теперь работа Дерябина заключалась в контрразведывательном обеспечении деятельности подразделения отборных янычар, охранявших жизни кремлевских гигантов. В то время в рядах охранников находилось около пятнадцати тысяч человек. В их задачу входила и проверка участников военных парадов на предмет отсутствия у них боеприпасов^[39], и проверка крыш, чердаков и подвалов на пути следования Сталина и его главных подручных. Самого Сталина охраняла когорта телохранителей численностью в 406 офицеров и солдат – избранных из избранных. Но кому-то надо было присматривать и за этими «облеченными доверием». И Дерябин стал одним из этих надзирателей – последней линией обороны, прочерченной на самом августейшем уровне. В его функции входил надзор за 2350 людьми в форме, которые несли службу в Кремле и вокруг него.

В своем кабинете он узнал много интересного. Например, о секретном городе в городе – кремлевском комплексе со своими казармами, электростанцией, системой коммуникаций и даже с собственной сельскохозяйственной фермой в пригороде столицы, которая поставляла продукты на столы правителей, их семей и гостей

во все официальные резиденции и на дачи. Спрятанный город обслуживала армия прислуги – от врачей и слесарей до уборщиц и проституток с выданными службой безопасности удостоверениями. Эта кремлевская комендатура, главной задачей которой была охрана самого Сталина, называлась Охраной № 1.

Особые услуги, которые оказывались этой службой, можно наглядно проиллюстрировать на следующем примере. Зимой 1949–50 годов в Москве находилась официальная делегация КПК во главе с Мао Цзэдуном, и Сталину было необходимо провести продолжительные переговоры с Мао Цзэдуном один на один, без присутствия вездесущего номера 2 в китайском руководстве – Лю Шаоци. И на помощь пришла служба охраны. Ее грузовик аккуратно въехал в лимузин, который вел шофер той же охраны и на котором Лю ехал на дачу к Мао, где проходила коммунистическая встреча в верхах. Дорожная инспекция затянула разбор «дорожного происшествия» и очистку дороги на два часа, и Сталин провел желаемую встречу тет-а-тет. Для вида шофера автомобиля Лю уволили из органов, а водителю грузовика также для вида дали год тюрьмы.

Охрана № 2 обеспечивала охрану иерархов сразу вслед за Сталиным членов и кандидатов в члены Политбюро, секретарей ЦК, основных министров правительства и маршалов вооруженных сил.

Первые годы в кремлевской охране прошли, похоже, довольно ровно. Дерябин получал 4000 рублей в месяц – в четыре раза больше самого высокооплачиваемого рабочего. У него был персональный автомобиль с водителем и маленькая дача в сосновом лесу в подмосковном поселке Мамонтовка. Для полного счастья в этой устроенной жизни не хватало жены, и он нашел её в июне 1948 года. Анкеты у Марины Макеевой были – не придерешься. Они познакомились в Кремле, где она работала стенографисткой при Политбюро.

Здание на площади Дзержинского, дом 2, представляло собой аппарат террора. В нем размещалась зловещая Лубянская тюрьма, и Дерябин был в курсе того, что происходит в подвальных камерах здания. Некоторых следователей он знал, и те временами хвастались ему приемами, с помощью которых они выбивали из своих жертв необходимые «по закону» признания. Возникали неприятные ощущения, когда он видел из окна заключенных, которых выводили во

внутренний двор на прогулку, и особенно когда он видел среди этой мрачной процессии своих бывших коллег и даже начальников, потому что, по мере того как эпоха Сталина приближалась к концу, надзиратели на Лубянке все больше превращались в надзираемых. Волны фракционной борьбы в Политбюро за наследство прокатились и по госбезопасности – ключевом органе борьбы за власть. Самая мощная волна ударила по Лубянке в июле 1951 года, когда министр Виктор Абакумов был снят приказом, подписанным Сталиным, заключен под арест и позже расстрелян. Все шесть его заместителей и многие из ведущих помощников последовали за ним – вначале в тюрьму, а потом многие и под расстрел. У Дерябина не было покровителей среди арестованных, он стоял вдалеке от борьбы титанов, и посему над ним не нависла прямая опасность. Однако умному человеку следовало в такой ситуации поискать более надежную защиту от пролетающих пуль. И после падения Абакумова Дерябин снова посоветовался со своим старым знакомым, который счастливо пережил все бури.

Дерябин решил передвинуть фигуру на другой конец шахматной доски – во Второе управление, которое занималось внешней разведкой и часто работало под прикрытием МИДа. Это было самое большое расстояние, на которое офицер госбезопасности мог отойти от междоусобной схватки в Кремле. Теоретически Управление охраны налагало вето на уход кого-либо из своих сотрудников. Однако оно было так занято своими внутренними проблемами, включая и внушительную потерю кадров, что бесценный Павел Зуйков с помощью нескольких телефонных звонков сумел запустить механизм перехода Дерябина. В мае 1952 года Дерябин предстал перед полковником Евгением Кравцовым, тогдашним начальником отдела по Германии и Австрии во втором управлении, которое размещалось в комплексе серых зданий в приятном удалении от площади Дзержинского. Дерябин словно вырвался из затхлых джунглей на лужайку, попал совсем в другую атмосферу, в которой под командой Кравцова служил 81 офицер.

Год с четвертью Дерябин работал в управлении, насчитывавшем около трех тысяч сотрудников в центре плюс пятнадцать тысяч офицеров и агентов, советских и иностранцев, за рубежом. В противоположность Управлению охраны, куда набирали, как правило,

людей с ограниченным образованием, способных скорее для исполнения роли роботов, внешняя разведка была укомплектована наиболее образованными и способными людьми, которых могло произвести советское общество. Это был сдвиг в судьбе человека, имевшего специальность школьного учителя и диплом об окончании в 1951 году Института марксизма-ленинизма в Москве, ускоренный курс которого он прошел за два года.

Новая работа предъявляла повышенные требования, но зато была и менее опасной. Теперь Дерябин должен был не охранять советских лидеров, а направлять им информацию о внешнем мире. Она имела четыре градации. Первая направлялась в тринадцать экземплярах, по одному на каждого члена Президиума ЦК. Следующая – лишь в семи, для главных членов Президиума. Другая – в трех, из которых один экземпляр предназначался для Сталина. Была ещё рабочая версия в одном экземпляре, которая шла на стол секретарю ЦК, им был тогда Георгий Маленков. Ни на одной из бумаг не стояло грифа «секретно», они шли вообще без грифов. Получатели, объяснял полковник Кравцов, и сами должны были понимать, что к чему.

Однако и в этой работе не обошлось без темной стороны дела. Самой темной стороной деятельности Второго управления было «спецбюро», или «специальное бюро номер один», которое занималось террористическими операциями за рубежом, особенно убийствами и похищениями тех, кто был объявлен предателем, или врагов режима. С одним из таких исполнителей мы встретимся в следующей главе. Дерябин, хотя и не работал в «спецбюро», принимал участие в организации похищения в Западном Берлине в 1952 году доктора Вальтера Линзе, исполнявшего обязанности главы Ассоциации свободных немецких юристов. За рубежом это вызвало дипломатическую бурю, а в Москве капитан Дерябин удостоился похвалы.

Зимой 1952–53 годов Дерябин пережил неприятные моменты, когда сотрудница отдела Валентина Орлик донесла на него, будто он ведет разговоры «антисталинского содержания». Женщина сделала это скорее из-за оскорбленного женского самолюбия, поскольку неоднократно приглашала Дерябина к себе домой, когда муж бывал в отъезде, но Дерябин все время отказывался. Во-первых, объяснял он позже, она была не в его вкусе – слишком толста, а во-вторых, он был

принципиально против «служебных романов». Разговоры о Сталине если и шли, то ограничивались его детьми, особенно непутевым сыном Василием, которого сделали генералом ВВС. И все же министр Семен Игнатьев, слабый и нервный партийный функционер, человек явно временный на этом посту, приказал дать ход служебному расследованию. Но смерть Сталина, о которой народу объявили 6 марта 1953 года, разметала многие дела и похлеще дерябинского.

Последующая борьба за власть, закончившаяся расстрелом 23 декабря Лаврентия Берии, пронеслась и по зданию на площади Дзержинского 2 ураганом, по сравнению с которым переполох после ареста Абакумова мог показаться весенним зефиром. Вначале Берия провел чистку в организации, которую он захватил, и насадил повсюду своих людей. Потом скопом удалили всех подручных Берии, и в службу пришли другие люди, новые и старые. Эти перетряски сулили угрозы почище сталинских, ибо опасность могла нагрнуть с любой стороны.

Как и все в учреждении, и полковник Кравцов, и капитан Дерябин были озабочены тем, как бы защитить тылы и обеспечить будущее. Эта возможность представилась обоим летом 1953 года, когда Кравцов был назначен резидентом в Вену. Для начальника австро-немецкого отдела это не являлось повышением, но место было тем не менее привлекательным: можно было из приятной европейской столицы понаблюдать за борьбой в Москве, не оказываясь втянутым в нее. Кравцов предложил направить в Вену и Дерябина – «для восстановления эффективной работы аппарата резидентуры». Когда его кандидатуру утверждали на парткоме, ему предложили забыть о деле Орлик: Игнатьев уже давно был не министром, а само дело уже уничтожено. Но существовало второе препятствие, посерьезнее – служба в Управлении охраны. По железным законам те, кто служили там, были причастны к слишком многим тайнам советского руководства, и поэтому им не разрешалось выезжать за границу. Дерябин, зная парткомовский менталитет, сделал проницательный ход: он сам предложил отклонить свою кандидатуру. Но и здесь ему предложили забыть об этом. Назначение в Австрию утвердили, и 28 сентября 1953 года Дерябин с женой и маленькой дочерью прибыл поездом в Вену.

Свое бегство, которое случилось менее чем через четыре месяца после его приезда в Вену, он представил в своих мемуарах как «импульсивное решение». Но лет через тридцать после выхода книги он заявил, что наполовину созрел для этого шага ещё в Москве...

По совету своих коллег, которые говорили ему: мол, «купишь всё там», он приехал в Вену в одном костюме, а за первые три дня обзавелся полным гардеробом, Его жена накупила товаров для родственников в Москве и с первой советской делегацией отправила домой посылки. Большую ложь о коммунистическом превосходстве даже в материальной сфере он начал понимать ещё в военное время, когда начали поступать первые поставки западных продуктов питания, одежды, транспорта, военного снаряжения. Теперь, в мирное время, он убеждался в этом в каждой прогулке по Вене. Он с комфортом расположился в «Гранд-отеле» на Рингштрассе в окружении шикарных магазинов и ресторанов.

В советской миссии, находившейся через улицу в отеле «Империал», происходили крупные перемены. Некоторые перемены, как, например, назначение верховного комиссара Ивана Ивановича Ильичева ещё и послом в Австрийской Республике, никого не удивляло: три его западные коллеги тоже сидели на двух стульях. Но эти коллеги и их политическое руководство дали бы в то время много, чтобы узнать некоторые вещи, которые происходили на теневой стороне отеля «Империал». Так, до начала 1955 года не было никаких явных признаков того, что постсталинское советское руководство готовится вывести свои войска из Австрии и дать этой стране свободу, но капитан Дерябин знал за полтора года, что решение об этом принято.

В миссии поговаривали о том, что Хрущев готов принять идею о нейтральной Австрии, а генерал Ильичев получил приказ перестроить всю разведывательную работу в Австрии. Активизировалась работа с «нелегалами» (т. е. разведчиками, не имевшими официальной «крыши»), потому что они должны были составить потом основу шпионской сети в стране.

Хотя Дерябин и не пишет об этом в своих мемуарах, но его первые попытки контакта с американцами состоялись до Рождества 1953 года, когда он провел в Вене три месяца. Он слонялся по магазину советской книги, куда, как он знал, нередко заглядывали

американские дипломаты и разведчики, ходил в рестораны, где собирались западники...

Рано утром 13 февраля он был разбужен телефонным звонком своего шефа, полковника Кравцова, который приказал ему немедленно расследовать факт исчезновения советского официального лица – Анатолия Скачкова. Тот вернулся домой ночью из стриптиз-кабаре пьяным, потом собрал кое-какие вещи и ушел «к американцам», как он заявил жене. Перепуганная женщина сообщила об этом в советскую миссию.

Дерябин был озадачен, да и раздражен приказом. Выяснилось, что Скачков ходил в кабаре вместе с подполковником госбезопасности, приехавшим в краткую командировку в Австрию – компания вряд ли подходящая для человека, будь он пьяный или трезвый, накануне побега. К тому же полковник Кравцов произнес довольно странные слова, перед тем как повесить трубку: «Ты особенно глубоко-то не копай». Тайна разъяснилась для Дерябина, после того как он посетил квартиру Скачкова. Там он обнаружил по всей квартире более сотни американских книжек в карманном издании – на самом виду, их и не пытались скрыть. Дерябин увидел в том доказательство того, что «беглец» был «подставой» КГБ, который через книги знакомился с американским образом жизни. Дерябин возмутился тем, что его использовали в качестве куклы в этой игре. Так ещё с ним не поступали.

Невыспавшийся и раздраженный, он вернулся к себе около полудня. Жена, с которой у него были натянутые отношения, стала выговаривать ему за очередную ночную отлучку. Он стал собираться уходить, чтобы избежать скандала, и жена спросила, когда его ждать на сей раз. Почти не отдавая себе отчета в сказанном, он бросил, прежде чем хлопнуть дверью: «Может быть, никогда». Но вопрос о «может быть» уже не стоял. Он принял решение.

Примерно в четыре дня он миновал часового у входа в американскую военную штаб-квартиру на Мариахильферштрассе и попросил, чтобы позвали сотрудника спецслужб, говорящего на русском языке. Появился армейский капитан и представился, Дерябин сообщил ему, кто он и что он, и тут же попросил убежища. Американец убедился, что Дерябин именно тот человек, за которого себя выдает, и Дерябина тут же перебросили в безопасное место.

Петр Дерябин представлял собой интересный случай с точки зрения спецслужб как человек с весьма пестрой карьерой. Интересен он был и как человеческой экземпляр, на формирование которого влияли многие факторы. Вольный дух приграничных сибирских мест не удалось вытравить в нем коммунистическим начетничеством. Лишь после нападения Германии в нем разыгрались юношеский энтузиазм и патриотический подъем. Потом в нем росло противоречие между его характером и характером работы, которой он занимался, – слежкой за своими согражданами.

Разочарование системой, несомненно, сыграло свою роль, однако, видимо, не столь большую, как этого ожидала принявшая его сторона (как и все беглецы, Дерябин увидел, что за границей ему пришлось немало играть на публику). Его разочарование возникло скорее на материальном факторе, чем на духовном контрасте между Западом и Востоком. Дерябин выглядел скорее как человек, ищущий лучшей жизни, а отнюдь не таким крестоносцем веры.

Следующие факторы, повлиявшие на его выбор, – служебный и семейный. Он не боялся, что над ним нависнет топор при возвращении домой, как это бывало в случаях с другими перебежчиками. Но он чувствовал нежелание возвращаться из этого нового мира удовольствий и достатка в прежний мир напряженности и дефицита. Потом, ему не к кому было возвращаться, если не считать старых фронтовых друзей да некоторых коллег. Отец его, старый царский служака, умер в 1936 году, мать – пятью годами позже, брат Владимир погиб на войне. Единственной ближайшей родственницей и заложницей осталась сестра Оля.

Оставалась проблема жены и малолетней дочери, оставшихся в «Гранд-отеле». Его второй брак рушился, но было ли это достаточным основанием, чтобы подвергать верным неприятностям жену и дочь? Когда его спросили об этом много лет спустя, он ответил, что, во-первых, у него не оставалось другого выбора, а вероятность успеха бегства втроем, даже если бы жена и согласилась, была чрезвычайно мала, а если бы их поймали, то жену ждали бы неприятности куда более крупные, чем она получила как бывшая жена перебежчика. Тем более это были уже не сталинские времена. Что же до дочери, то ей всего было четыре года. Короче говоря, он просчитал все вероятности – чем ему все время приходилось заниматься и раньше.

Франкфурт-на-Майне

В 60-х годах Светлана Аллилуева, дочь Сталина, начала публиковать на Западе всех захватившую правду о своем покойном отце и его режиме, и КГБ предложило Кремлю заставить её замолчать навеки. Предложение рассмотрели и отклонили. Говорят, что это премьер-министр Косыгин вынес решение не трогать её.

Это звучит жутковато, но отнюдь не как фантастический домысел, что, будь тогда жив её отец, решение могло быть противоположным. При сталинском правлении убийство любого, кто охаивал или подрывал режим, было заведенной практикой, и диктатор создал даже специальное подразделение, занимавшееся «мокрыми делами» за рубежом. Как это часто бывает в тиранических режимах, голый терроризм прикрывался лохмотьями законности. Будущих жертв Сталина судили заочно, выдвигали против них обвинение, реальное или вымышленное, и партийные судьи выносили им смертный приговор, а на исполнение дело передавалось соответствующей «инстанции».

Так, в 1936 году Игнац Рейсс, один из первых советских сотрудников разведки, перешедших на Запад, был убит на берегу Женевского озера своим бывшим коллегой. На следующий год Джулиет Стюарт Пойнтц, отошедшую от работы с советской шпионской сетью в Соединенных Штатах, двое мужчин подстерегли в нью-йоркском Центральном парке, затолкали в автомобиль – и только её и видели. В тот же 1937 год в Париже был похищен генерал Евгений Миллер, руководитель белоэмигрантского движения.

1941 год принес много работы «департаменту мокрых дел». В феврале бывший офицер НКВД Вальтер Кривицкий, один из самых информированных ранних перебежчиков, был найден застреленным в номере вашингтонского отеля. Фальсифицированная записка о решении покончить жизнь самоубийством указывала на факт убийства, хотя до сих пор неясно, как русским удалось осуществить его, если окна и дверь номера были заперты изнутри. В том же году в Мексике был убит старый противник Сталина Лев Троцкий. Никто не

сомневался тогда, чьих это рук дело, хотя подтверждение из Кремля пришло лишь после войны.

Сталинский департамент убийств ненадолго, но пережил его, так что Сталин не увидел своего величайшего унижения. Примерно в 7 часов вечера 18 февраля – через 11 месяцев после смерти тирана – один из сотрудников упомянутого департамента пришел в квартиру, в которой жил Георгий Сергеевич Околович, антисоветский эмигрант, заноза куда более болезненная в теле Кремля, чем в свое время генерал Миллер. Этот человек пришел, конечно, с заданием убить. Но, после того как Околович открыл дверь, события приняли совсем иной оборот. Посетитель прямо на пороге заявил: «Я капитан министерства госбезопасности, и меня прислали из Москвы во Франкфурт организовать ваше убийство. Я не хочу выполнять этот приказ, и мне нужна ваша помощь».

Некоторое время они смотрели друг друга. Как непохожи они были. Кандидат в жертвы – пятидесятилетний, с бесформенной фигурой, на носу очки, больше похожий на рассеянного профессора, чем на человека, который основную часть своей взрослой жизни посвятил бескомпромиссной борьбе с советским режимом. Несостоявшемуся убийце было лет на двадцать меньше, он был светловолосый, голубоглазый, прекрасно сложенный – вполне походил на австрийского бизнесмена, под которого он работал. Но, несмотря на внешнюю разницу, встретились два русских. И тот, кто старше, руководствуясь славянской привычкой, когда человек видит соотечественника, сказал: «Что ж, заходите, выпьем чайку».

Так закончилась операция под кодовым названием «Рейн», родившаяся в сердце Кремля. Далее следует первый полный отчет об этом. Тщательное планирование операции с одной стороны и уязвимый человеческий фактор с другой делают этот случай классическим в истории разведки и контрразведки в действии.

Вопрос об убийстве Околовича был впервые обсужден в Первом главном управлении МВД в июле 1953 года. Берия, глава этого ведомства, пытавшийся захватить рычаги власти после смерти Сталина, был арестован как раз в этом месяце, и после этого в МВД прошла волна чисток и реорганизаций. Однако операция «Рейн» вышла из хаоса неизменной. В конце сентября 1953 года Николая Евгеньевича Хохлова, капитана Девятого управления МВД (которое

занималось «мокрыми делами»), вызвал к себе новый начальник управления, полковник Лев Александрович Студников, и объявил ему, что его выбрали для выполнения «очень важного задания в Западной Германии». На следующий день Хохлов узнал в точности, в чем состоит задание. Через полмесяца Студников снова вызвал капитана и сообщил ему, что все идет по плану. Операция была одобрена (около 13 часов того же дня Президиумом ЦК), и благословение на её проведение было дано за подписями самого Хрущева и Маленкова – двух самых могущественных фигур в той трудной компании, которая управляла страной. Составленный в МВД план убийства был, таким образом, приоритетом высшего руководства партии и государства. Почему же так важно было убрать Околовича и как капитан Хохлов оказался выбранным на роль убийцы?

Околович был одним из руководителей эмигрантской организации НТС – Народно-трудового союза^[40], основанной в 1930 году с целью свержения советского режима. Организация была немонархической и посему не получала финансовой поддержки от эмигрантских монархических организаций. Не получала она помощи и от таких заклятых врагов большевизма, как нацистская Германия. Наконец, поскольку у её членов были «нансеновские паспорта»^[41], то передвижения для них были затруднены. В 1935–37 годах представители НТС разъезжали по Западной и Центральной Европе в поисках спонсоров. У НТС были преданные кадры, но она была лишена оперативной базы.

Наконец, в 1938 году Польша согласилась предоставить ей эту базу. Единственным условием было предоставление организацией польской разведке интересной информации, собранной в Советском Союзе. К осени 1938 года первые маленькие группы НТС стали проникать через польско-советскую границу. Они отправлялись в дорогу с двумя комплектами одежды, чтобы одеваться по местности. При них были разные русские принадлежности (карандаши, ножички, бритвы и пр.), привезенные для них поляками. При них были настоящие советские паспорта, бланки военных документов, предоставленные теми же источниками, и советские деньги на несколько лет жизни в Советском Союзе. Каждый имел по пистолету и несколько ручных гранат. Что они пытались сделать?

Ими было намечено шесть целей: пропаганда негативного характера, или дискредитация режима; позитивная пропаганда, а именно призывы к свержению строя; поиски кадров для движения сопротивления в стране; поднять дух борьбы в стране; создание общественных беспорядков, могущих перерасти в восстание; и апофеоз всего – быть участниками перехода власти.

Вышло так, что польская база просуществовала всего год: она перестала существовать, как и многое в Польше, с германским вторжением. НТС перенес свою базу в Румынию, которая на тот момент старалась держать нейтралитет в европейской войне. Потери были малы: одного поймали и расстреляли, одного сослали в лагерь на Камчатку. Но в 1941 году Гитлер вторгся в Россию и втянул в войну Румынию. Операции НТС были свернуты.

Почему же делом этой организации, после войны не имевшей большого веса, заинтересовались на таком уровне? Сам Околович, когда его спросили об этом, ответил: «Американцы для русских – это муха на носу, а мы – волдырь на этом самом носу». Коммунисты имели основание побаиваться политэмигрантов. Ведь и большевистская революция смогла произойти, потому что немцы в 1917 году позволили Ленину вернуться в опечатанном вагоне в Россию из швейцарской эмиграции. Но в груди большевиков того времени была хоть искорка идеализма, а их наследники, приказавшие убить Околовича, были лишь нервными циниками, хватающимися за власть.

А что же это был за человек, которого выбрали на роль убийцы? Он был типичен для многих из тех и более поздних перебежчиков: человек, любивший родину и сражавшийся за неё на войне, но возненавидевший систему после войны.

Жизнь его похожа на киносценарий, но такой, в котором вкрапления комизма и скучных сцен перемежаются с кровавым действием. Он родился 7 июня 1922 года в Нижнем Новгороде. У ребенка было незапятнанное пролетарское происхождение. Дед по отцу был сапожник, отец – рядовой в царской армии, в 1917 году пристал к большевикам. Когда ему было пять лет, родители развелись, а через год его мать вышла замуж за Евгения Михайловича Михайловского. Это был важный шаг вверх, Михайловский, поляк по происхождению, был сыном профессора варшавского университета, который был в свое время известным художником, а сам

Михайловский был квалифицированным юристом. В 1930 году новая семья переехала в Москву, где Михайловскому дали хорошую квартиру и сравнительно высокую зарплату как адвокату, члену Московской коллегии адвокатов. Школьником в Москве молодой Хохлов пристрастился к театру, и, помимо школы, которую он закончил в 1940 году, он прошел и полный курс в театральной студии имени Хмелева и получил диплом театрального режиссера. Но в этом качестве он пробыл всего одно лето 1940 года, когда выпускники давали спектакли, разъезжая по домам отдыха. Истинный дар проявился у Хохлова в художественном свисте, к чему он имел пристрастие со школы. Кажется невероятным, но он именно «просвистел» себе путь в секретную службу.

В декабре 1940 года ему придали партнершу, Агнессу Шур, и следующие шесть месяцев дуэт колесил по крупным городам, давая представления в Минске, Смоленске, Киеве и Севастополе, а в мае 1941 года появились даже в московском эстрадном театре «Эрмитаж». На эстрадном конкурсе дуэт вошел в тройку лауреатов, а Хмелев дал ему даже роль в пропагандистском фильме про студентов «Испытание». 22 июня они с партнершей готовились выйти на сцену, когда услышали, что Молотов собирается выступить с важной речью по радио. Все бросились к громкоговорителям на главной площади. Сообщение было, конечно, о том, что Германия напала на Советский Союз. После этого Хохлову пришлось испробовать вереницу ролей на сцене, намного больше театральной.

В патриотическом подъеме Хохлов бросился в Москву с намерением немедленно записаться добровольцем. Однако его забраковали из-за плохого зрения, он получил «белый билет». Тогда он решил вступить в армию в обход призывных пунктов и вошел в первое попавшееся военное здание. Это оказался истребительный батальон, специальное подразделение НКВД, и комиссар, выслушав его рассказ, тут же записал его, невзирая на то, есть у него близорукость или нет. Но этот факт поначалу ничего не менял в его жизни. Гитлеровские армии продвигались к столице, а он снимался в кино в Ульяновске, получив отпуск из части. Наконец, 23 сентября его вызвали в Москву и сказали, что для него есть задание. Он должен был выступать со своим художественным свистом, если немцы займут столицу. Подполковник

НКВД Маклярский проинструктировал его и взял с него подписку о неразглашении и обязанности выполнять приказы.

Но Москва не пала, и на некоторое время хорошие времена продлились. Зимой 1941–42 годов он ездил по фронтам и давал концерты, а в Москве проходил подготовку вместе с ещё одним мужчиной и двумя женщинами. Когда подполковник Маклярский вручил им «на оперативные нужды» королевскую сумму в 30 000 рублей (вместе с чемоданом оружия и боеприпасов), они не удержались от соблазна и растратили половину на развлечения и на предметы роскоши с черного рынка. Но к январю 1942 года бал закончился. Их приказ был отменен отчасти потому, что перспектива занятия Москвы казалась уже невероятной, а отчасти из-за веселой жизни компании. Что стало с остальными членами компании, Хохлов не знал, но его дни свиста завершились, и пора было отрабатывать деньги. Первый план, который для него составили, было убийство. Этот план оказался и последним.

В феврале его вызвали в дом на улице Горького, и там его принял комиссар (потом генерал-лейтенант) Судоплатов. Он сказал Хохлову, что тот на следующий день поедет в Тбилиси, а оттуда – в приграничный городок Люксембург, где была колония этнических немцев. Он должен был принять образ одного из них, перейти турецкую границу и добраться до Анкары, где получит приказ. Через два года Хохлов случайно узнал, что ему должны были приказать убить Франца фон Папена, когда-то вице-канцлера Гитлера, а тогда являвшегося активным и влиятельным послом в Турции. В Люксембурге Хохлов заразился тифом и лишь через три месяца оказался в состоянии вернуться в Москву. Это было подарком судьбы, что ему не удалось участвовать в осуществлении приказа об убийстве фон Папена, потому что заговор был раскрыт, а заговорщики схвачены. Но важно то, что бывший эстрадный свистун стал числиться в бумагах НКВД как «исполнитель».

Потом Хохлова из-за его внешнего вида стали готовить для засылки в германоязычные страны. Дважды в месяц с ним занимались немецким языком. За зиму 1942–43 года он усовершенствовал язык благодаря частым посещениям лагеря военнопленных в Красногорске, Там он болтал с пленными, изучал их манеры. Его тренировки и музыкальный слух позволили ему к апрелю 1943 года изображать из

себя в другом лагере военнопленных пленного немецкого лейтенанта. В новой инкарнации от него это и требовалось. Он превратился в оберлейтенанта Отто Витгенштейна, а его напарник, этнический немец по имени Карл Кляйнюнг должен был играть при нем роль его капрала^[42]. Они прошли тщательную подготовку в стрельбе, шифровальной работе, работе с радиостанцией, подрывном деле, совершили прыжки с парашютом. В августе 1943 года их высадили в глубоком тылу немцев, в Белоруссии. В жизни Хохлова начался по-настоящему героический – возможно, единственный ничем не омраченный – период в жизни.

Они приземлились на советской партизанской территории, и приказы теперь Хохлов должен был получать через командира отряда, подполковника Юрия Максимовича Куцина. Сейчас речь шла о другом убийстве, но оно было ближе сердцу Хохлова. Он со своим «капралом» должен был найти подходы к германской штаб-квартире в Минске и довести до конца подготовку убийства местного немецкого гауляйтера Вильгельма Кубе, нацистского палача, пославшего на смерть тысячи простых людей в Белоруссии, сжигавшего целые деревни, часто сжигая людей заживо вместе с их домами. Так что здесь Хохлову не нужны были дополнительные моральные стимулы. Задание было опасным и сложным. Партизаны уже совершили несколько неудачных попыток уничтожить Кубе, и теперь гауляйтер удвоил свою охрану. Но НКВД уже установило связь с Галиной Мазаник, местной крестьянской женщиной, работавшей в персонале прислуги Кубе.

В немецкой форме с Железным Крестом первой и второй степени и медалью за зимнюю кампанию 1941–42 года, с отлично выправленными документами, Хохлов без проблем передвигался по Минску. НКВД уже передал Галине специальную мину через её помощницу Надежду Троян. Задачей Хохлова было дать точные инструкции, что и как делать. Они дважды встречались на её квартире. 18 сентября в 2 часа ночи Кубе был разнесен на куски взрывом магнитной мины, прикрепленной к пружинам его кровати, когда он спокойно спал. Человечество ничего не потеряло, а моральный подъем на оккупированных территориях был велик. Галина Мазаник и Надежда Троян были удостоены звания Героев Советского Союза. «Лейтенант Витгенштейн» и его «капрал» были награждены Орденом Отечественной войны первой степени.

После операции оба вернулись в отряд, и Хохлов участвовал в партизанских операциях, иногда снова надевая свою офицерскую форму, до февраля 1944 года, когда вдруг получил приказ из Москвы с группой в сорок человек совершить бросок к озеру Нароч в Литве. Путь в несколько сот километров пролегал по оккупированным местам, этот полный опасностей бросок занял шесть недель. Там он снова участвовал в боевых операциях, а летом 1944 года снова вернулся в Минск, но уже освобожденный наступавшими советскими войсками. Здесь в присутствии партизанского отряда ему была вручена высшая партизанская награда.

С сентября 1944 по март 1945 года, во время триумфального наступления советских войск, Хохлов был не у дел. Он сидел дома, в московской квартире матери, получал свои 1500 рублей в месяц и ждал новых приказаний. От Маклярского, своего непосредственного начальника, он узнал, что теперь он проходит по разряду «только для заданий за рубежом». От своего начальника он как-то узнал, что его отец, который с 1917 года был в революции, погиб в штрафбате, куда попал за неосторожные слова насчет того, во что превратился советский строй. Хотя Хохлов был разлучен с отцом с самого детства, он никогда не терял уважения к героям-ветеранам Первой мировой. Это открытие не прибавило у него любви к режиму, которому он должен был служить и в послевоенное время. А его первое послевоенное задание ещё менее добавило ему энтузиазма.

20 марта 1945 года он прилетел на военном самолете из Москвы в Бухарест. Летел он в форме майора Советской армии, а на земле превратился в Станислава Левандовского, польского гражданина, родившегося во Львове 7 июня 1923 года. У него был соответствующий паспорт, он выучил несколько фраз для поддержания легенды. Ему придется просидеть в этом городе четыре года – четыре года безделья и тоски. Он представления не имел, зачем его туда перебросили (по одной из версий, его упрятали в Бухарест, чтобы в Москве его не умыкнули в другую спецслужбу). Румыны дали ему «крышу», пристроив в магазин радио– и электротоваров, и поселили в гостиницу. Там у него, не привыкшего обходиться без женской ласки, сразу же начался роман с 22-летней Эмилией, работавшей в гостинице. Год они жили вместе в его номере, а 13 апреля 1946 года поженились.

Связаться с Москвой тогда для него было почти невозможно. С июня 1945 до марта 1946 у него вообще не было никакого контакта с Москвой. В отчаянии он пошел на необдуманый шаг и написал письмо в НКВД по адресу улица Дзержинского, 2, комната 736 (секретариат) – в двух экземплярах. Один он опустил в почтовый ящик советской военной миссии в Бухаресте, другое передал часовому у входа в одно из советских воинских учреждений. Высокий чин из Москвы сделал ему в Бухаресте нагоняй и за женитьбу, и за нарушение конспирации. Но насчет планов на будущее ему так ничего и не сказали, разве что были кое-какие намеки на работу в Италии, Франции, но, скорее всего, в Австрии. Благодаря приторговыванию из-под полы у Хохлова был неплохой доход, и жил он довольно-таки припеваючи. А тем временем в Румынии была ликвидирована монархия, начали преследовать некоммунистов, страна превращалась в полицейское государство. Но в это время личная неопределенность довлекла над идеологическими сомнениями.

Наконец, в октябре 1949 года ему было сказано, что он может вернуться в Москву. Причиной, скорее всего, было письмо, направленное, на сей раз по надлежащим каналам, начальнику отдела, в котором он просил об отставке «с целью продолжения образования». Получив зеленый свет в Москву, он в самой безжалостной форме свернул свои личные дела в Бухаресте (об этом он мало говорил в прессе). Бедной Эмилии он заявил, что был неверен ей, что собирается на Запад, но без нее, и посему нужно разводиться. И через полмесяца он исчез навсегда. Нет письменных свидетельств того, что развод имел место. У Эмилии осталась квартира и 100 000 лей отступных от НКВД через румын...

В Москве Хохлов продолжал настаивать на отставке, но начальство, вплоть до Судоплатова, продолжало дурачить его отговорками. Но осенью случилось событие, ускорившее и углубившее его желание порвать с организацией. 13 ноября 1949 год он зашел к школьной подруге Янине Тимашкевич. К концу года они стали жить вместе как муж и жена, а через два года его начальство позволило ему вступить с ней в официальный брак.

Она оказывала на Хохлова сильное влияние и убеждала его уйти со службы. Сама она была инженером-конструктором, получала неплохую зарплату и к тому же была глубоко религиозной женщиной,

Крестилась она по униатской вере, а когда эту религию задавили в Советском Союзе, нашла прибежище в русской православной церкви, которую даже Сталин не решился запретить. В школе ей как-то удалось миновать вступления в комсомол. Можно представить себе её ужас, когда она узнала, где работает её муж.

А пока что нелегкое сосуществование Хохлова с его хозяевами продолжалось. Они позволили ему «продолжить образование», направив его на работу в московский НИИ, а затем на филфак МГУ. Но ему было ясно, что всё это – вид особого отпуска и что он по-прежнему числится в кадрах госбезопасности и его могут в любой момент отозвать из этого отпуска.

В первый раз это случилось в марте 1951 года, когда его вызвал генерал Судоплатов и сказал, что ему предстоит рекогносцировочная поездка по Европе с австрийским паспортом с целью установить, легко ли с этим паспортом пересекать границы и открывать счета в банке. Это было приятное задание, тем более что он получил на расходы кругленькую сумму в четыре тысячи долларов. Ему дали очередное новое имя: Йозеф Хофбауэр, родившийся в Санкт-Пёльтене, Нижняя Австрия, 31 декабря 1925 года. Хотя Йозефа Хофбауэра никогда не существовало, паспорт был настоящий, зарегистрированный по всем правилам, к нему прилагалась ещё гора нужных документов. Санкт-Пёльтен находился в советской зоне оккупации Австрии, но один архив был не во власти русских – церковный. Но можно было послать агента, который вырвал бы последнюю страницу в книге записей санкт-пёльтенского прихода за 1925 год. В общем, легенда была солидная. В Москве его проинструктировал подполковник Сергей Львович Окунь, в ведении которого находились операции МГБ в Австрии. Их пути уже пересекались в Австрии; им предстояло пересечься ещё раз.

Задание, как и ожидал Хохлов, оказалось безопасным и приятным. С апреля по август 1951 года «Йозеф Хофбауэр» поездил по Швейцарии, Франции, Дании, Бельгии и Голландии, открывая банковские счета и коллекционируя визы. Неприятность приключилась в конце, когда в нем разыграл бывший артист и он, возвращаясь из Швейцарии в Австрию, пытался провезти через таможенню Фельдкирха дорогой аккордеон «Хонер». Его оштрафовали на 4500 шиллингов, которых у него не было. Он съездил в Вену, где ему дал деньги Окунь,

но все равно после этого полиция Фельдкирха отобрала у него паспорт. На возвращение паспорта потребовалось время и деньги – на взятки. Когда он аж 21 сентября вернулся в Москву, то, несмотря на конец задания, скомканный из-за его жадности и некомпетентности, ему дали месячный отпуск, и он уехал с Яниной в Гагры.

В марте 1952 года произошел первый кризис. Он получил новое задание, не похожее на предыдущий развлекательный тур. Его снова поставили на тропу убийств. По швейцарским документам он должен был ехать в Париж, а там ему советский агент должен был бы указать цель – деятеля русской эмиграции. Хохлов должен был применить паркеровскую авторучку, которую он же привез из-за границы, переделанную в мини-пистолет.

Хохлов попросил время подумать – реакция уже сама по себе странная. На следующий день после ночи раздумий и советов с женщиной, которая теперь была его женой, он пришел и заявил, что не сможет выполнить задание, и пояснил изумленному генералу Судоплатову, что у него нервы не годятся для этого. Генерал отпустил его, как показалось Хохлову, скорее огорченный, чем возмущенный. Но, несмотря на столь мягкую реакцию, супруги провели нервную неделю, вскакивая при каждом грузовике, въезжавшем во двор. Но пришло другое задание, куда более приятная миссия за рубежом, точно начальство хотело успокоить его раздерганные нервы. Это было пустяковое дело, перед тем как снова встанет вопрос о кровопролитии. С мая по август 1952 года Хохлов был в Восточном Берлине, работал в представительстве МГБ. Ему удалось выпросить себе отпуск, чтобы попасть в Москву к рождению ребенка. Он успел вовремя, 23 августа у него родился сын Александр.

Это событие, похоже, поменяло ход его мыслей. Теперь он больше не будет уклоняться от заданий, а постарается получить назначение за границу вместе с семьей. Мысль об уходе на Запад всё чаще стала появляться у него в голове. И он сообщил генералу Судоплатову, что внутренне готов выехать за рубеж с семьей в качестве местного жителя какой-то страны. Генерал ухватился за это предложение, и следующие семь месяцев Хохлов занимался воссозданием легенды с Хофбауэром применительно к Швейцарии. План состоял в том, чтобы выехать через Вену в Швейцарию по липовому паспорту, оттуда в Западный Берлин по хорошему австрийскому, там «жениться» на своей жене,

которую тоже снабдят соответствующими документами, а потом «супруги Хофбауэры» вернутся в Швейцарию. Место сына Александра оставалось неясным. Но этот план был заброшен в хаосе, который возник со смертью Сталина. И Судоплатов, и его заместитель генерал Эйтингон были арестованы и исчезли из вида. В Девятом управлении появился новый начальник – генерал Студников, который в сентябре объявил несколько ошеломленному Хохлову об операции «Рейн».

В свете характера Хохлова и его неровной карьеры кажется маловероятным, что выбор пал на него. Розыскное дело на Околовича было заведено в НКВД ещё в январе 1939 года и восстановлено после войны. В 1948 году было получено сообщение, что он проживает в западногерманском городе Лимбурге, и спецгруппа выехала туда, чтобы выкрасть его и доставить в советскую зону оккупации. Но Околовича на месте не оказалось. В 1951 году русские повторили попытку через трех своих немецких агентов, которых снабдили ампулами с морфием для инъекций. Но и здесь жертва ушла от охотников, а двое охотников сдались западногерманской полиции вместе со всей экипировкой. Затея казалась обреченной. Но в 1953 году МВД получило надежные сведения, что Околович обосновался на новом месте – во Франкфурте-на-Майне. Одним из последних приказов Берии была ликвидация руководства НТС и прежде всего Околовича. Как мы видели, это решение было одобрено Президиумом ЦК за подписями товарищей Хрущева и Маленкова. На сей раз провал 1951 года не должен быть повториться. Требовался безжалостный, решительный и надежный исполнитель.

Почему же капитан Хохлов смог соответствовать этим требованиям? Ведь в его послужном списке были серьезные ляпы: его поведение в Москве, когда он готовился остаться в оккупированном городе, открытые письма из Румынии, недавний отказ от исполнения миссии киллера и в довершение всего его неоднократные попытки уйти в отставку. С этой точки зрения назначение Хохлова было опасным для службы. Что же перевесило эти опасения? Здесь могли быть два резона: один – это редкость «тевтонского» типажа, а другой – начальники Хохлова по-прежнему находились под гипнозом славных 1943–1944 годов, когда он участвовал в уничтожении Кубе и проявил себя в партизанских боях. Они сильно ошибались, полагая, что

военный энтузиазм может быть перенесен на мирное время и на них самих.

Генерал-майор Александр Семенович Панюшкин, начальник Второго главного управления МВД, за осень принял Хохлова несколько раз, обсуждая план. По настоянию Хохлова ему должны были помогать только два человека – агенты-немцы, которых он завербовал, будучи в Восточном Берлине: Курт Вебер («Франц») и Ханс Кукович («Феликс»). По его же настоянию ему предоставили самое последнее оружие убийства, разработанное в секретной лаборатории «хозяйства Железново», под Кучино. Это было устройство, стреляющее отравленными пулями и приводимое в действие электричеством. В данном варианте оружие было вделано в пачку сигарет. Уникальной в этом оружии, по крайней мере для западных специалистов-оружейников, была система гашения. Звук гасился не приспособлением на спрятанном дуле, а тампоном внутри патрона. И несмотря на это, пистолет-пачка пробивал доску в пять сантиметров. Когда вышла задержка с изготовлением, генерал Панюшкин лично вмешался, чтобы ускорить работу.

В октябре Хохлов под видом армейского «капитана Егорова» слетал в Берлин и привез своих немецких помощников в Москву. Из Вены приехал полковник Окунь, который взял в свои руки подготовку «Франца» и «Феликса». Они прошли пятидневный интенсивный курс тренировок, которые вели весьма искусные инструкторы. Уроки боевого самбо давал советский чемпион Михаил Рубак, стрельбы – пятикратный чемпион страны подполковник Годлевский. В январе 1954 года киллеры выехали в Австрию с австрийскими паспортами, заготовленными через контакты Окуня, разными маршрутами и в разное время. Вначале выехали «Франц» и «Феликс», они остановились в надежном месте Бадена, в армейской штаб-квартире к югу от Вены. Вскоре приехал и Годлевский со спецоружием, которое агентам впервые дали в руки.

Здесь на сцене появился один из австрийских агентов Окуня – бизнесмен, представитель швейцарской фирмы Geigy в Вене Эрих Лампель. Его задачей до сих пор было обеспечение крыши в своей компании, которая оперировала также в Турции, разведчику-нелегалу Григорию Александровичу Брацихину. Теперь Лампеля пристроили – как окажется, на его беду – к операции «Рейн». На него возлагалась

переправка в специально подготовленном автомобильном аккумуляторе орудий убийства из Австрии в Западную Германию. Всего изделий было четыре – две «пачки» и два стартовых пистолета, и все стреляли цианидсодержащими пулями (проделанный потом анализ показал, что яда каждой пули хватило бы, чтобы убить десять человек при оральном приеме и несколько сот – путем инъекции).

Хохлову пришлось проделать сложный путь, замечая все возможные следы. Операция, первоначально назначенная на январь, была передвинута на более позднее время – приказ об этом получил Окунь, – чтобы не подмочить советскую позицию на Берлинской конференции министров иностранных дел (потом, когда операция была сорвана и об этом было написано в американской печати, появились предположения, что все это было затеяно, чтобы торпедировать конференцию). 8 февраля Хохлов выехал из Вены.

Дорога до Франкфурта была неблизкой. Вначале Хохлов поездом приехал в Венецию по поддельному швейцарскому паспорту на имя Вальтера Геша. На станции в Венеции его ждал советский агент-курьер с «хорошим» паспортом на имя Йозефа Хофбауэра, в котором был проставлен штамп о пересечении австро-итальянской границы. Для взаимного опознания курьер спросил по-немецки: «Здесь есть где-нибудь ночной клуб?», а Хохлов ответил: «Представления не имею. Все равно я женат».

В таком обмене паролями оказалась изрядная доля иронии, потому что агентом оказалась небезынтересная 24-летняя австрийка Роза Шнайдер. Она была завербована ещё будучи 18-летней венской девушкой. Уже через час они направились поездом в Рим, где провели две ночи и день в отеле «Сплендере», затем 12 февраля приехали в Милан. В Милане он пересел в поезд на Цюрих и вовремя прибыл на назначенное заранее свидание у отеля «Кроне» с «Францем». Потом к ним присоединился «Феликс». 15 февраля «Франц» отправился во Франкфурт, а Хохлов с «Феликсом» поехали в Женеву и Лозанну, и там и там положив деньги в банк. Потом порознь отправились во Франкфурт, где снова встретились втроем. «Хофбауэр» поселился в пансионе «Цеппелин». Лампель получил шифрованное сообщение, что все собрались; через пять дней он должен был на встрече в Аугсбурге передать спрятанное в аккумуляторе смертоносное оружие. Итак, все было подготовлено, деньги на отступление приготовлены, можно было

спокойно начинать. Вот такая сложная была эта операция, которую Хохлов разрушил за несколько секунд, придя в квартиру Околовича вечером 18 февраля после своего приезда во Франкфурт.

Своим немецким агентам Хохлов не сказал, что операция уже провалена, но, более того, он послал их в Аугсбург, чтобы они взяли у Лампеля оружие, привезли его во Франкфурт и положили в камеру хранения на главной железнодорожной станции. Околович, который, естественно, был в хороших отношениях с западными союзниками, установил тем временем от имени Хохлова контакт с официальными представителями американской разведки во Франкфурте. Те поначалу отказались верить. Рассказ об убийстве казался настолько же фантастическим, как и обращение за политическим убежищем. С чего это капитану госбезопасности, думали они, неплохо живущему, бросать сытую жизнь и семью в заложниках? Оказывается, не только начальники Хохлова плохо разбирались в человеческой натуре.

Недоверие американцев помог разрушить аккумулятор. Хохлов убедил их установить наблюдение за его встречей с «Францем» и «Феликсом», которая состоялась 25 февраля на Фридрих-Эбертштрассе. Там оба немца были задержаны с поличным при передаче тяжелого груза. Хохлов объяснил им ситуацию и посоветовал в создавшейся ситуации остаться на Западе, с чем оба легко согласились. Потом Хохлов разобрал аккумулятор и извлек из него оружие, совпавшее с тем, как он его описывал. Их апатия переросла в энергию, в желание размотать всю оперативную сеть МВД в Австрии.

Начало контроперации было многообещающим. Хохлову предложили направить сообщение на известный ему почтовый ящик в Вене и объяснить Окуню, почему задерживается операция. Ответ показал, что русские не подозревали о том, что об операции уже полмесяца знают американцы, и так было до 10 апреля.

Именно 10 апреля американские военные власти в сопровождении австрийской полиции арестовали в Вене Эриха Лампеля. Лампель сразу признался во всем и сдал Брацихина, который находился «под крышей» его конторы. Брацихин был известен Западу как русский эмигрант, обосновавшийся в 1920 году в Париже, потом, в 1936 году, завербованный советской разведкой, воевавший в Интернациональной бригаде в Испании, затем вернувшийся на родину и получивший советское гражданство. За годы после этого он поменял с десятков имен

и на тот момент был Антоном Хладиком. Лампелю велели организовать встречу с «Хладиком» в конторе компании, располагавшейся в международном Первом округе австрийской столицы. В 17 часов появился «Хладик», и Лампель предложил ему поехать куда-нибудь и обсудить дела за едой. С Лампелем был американский сотрудник, выступавший в качестве шофера Лампеля. Через сотню-другую метров машина очутилась в британском секторе, и к ней подошли трое сотрудников западных спецслужб. Первые фразы прозвучали на таком чистом русском языке, что Брацихин подумал, что он среди своих. Разубедили его в этом лишь представленные ему удостоверения. Как и Лампель, он быстро оценил ситуацию (позже он под другим именем был переброшен в Соединенные Штаты). Пока что всё шло хорошо.

Но на следующий день дела стали ухудшаться. Из венской полиции, которая держала секреты, как решето воду, сведения утекли в воскресные газеты. Они вышли под заголовками: «Чего нужно американской разведке от господина инженера Х.?» Таким образом, Хохлов провалил операцию «Рейн», а венская пресса теперь проваливала западную контратаку».

Подполковник Окунь представлялся западным спецслужбам дорогим трофеем. Они пытались вызвать его на встречу, направив перед этим письмо о том, что ему угрожает опасность, но он на встречу не вышел. Возможно, к этому времени Окунь был уже в Москве.

Однако в западные сети попала ещё одна рыбка, довольно странная – некий Анатолий Алексеевич Шмелёв. Он приехал в Вену в начале 1954 года на незначительный пост в советском представительстве. В Вене ему удалось установить контакт с членом НТС, работавшим в Австрии, и он сообщил ему, что, мол, привез послание от организации НТС в России, чтобы передать его лично Околовичу. Хохлов выразил мнение, что это подстава МВД, но инстинкт Околовича подсказал ему другое. Он рискнул поехать в Вену и встретиться с Шмелевым. В конце концов Шмелева удалось убедить уйти на Запад, но он там не прижился. Примерно через полгода, проведенном в американском убежище в Германии, он исчез оттуда и вернулся в Советский Союз. Дальнейшая его судьба неизвестна, как и то, кем он и чем был на самом деле.

Развертывание Западом пропагандистской кампании началось ранее, чем ожидалось. 13 апреля русские провели акцию, которую намечалось провести одновременно с убийством Околовича, по похищению и вывозу в Восточный Берлин Трушновича, лидера НТС в Западном Берлине. И в качестве контрудара американцы поторопили Хохлова выступить перед прессой.

Хохлов был напуган. Ему становилось ясно, что перспектива вывести на Запад жену и ребенка меркнет. Околович, на которого он делал ставку, сообщил, что его НТС не по силам такая задача. Американцы ничего заранее не пообещали, поскольку и им не было ничего известно заранее. Они выдвинули перед Хохловым странный план, заключавшийся в том, что одновременно с передачей его пресс-конференции в 14 часов 22 апреля группа западных журналистов соберется в Москве в квартире его жены с целью якобы взять у неё интервью, а на самом деле перевезти её в американское посольство, а оттуда они уже будут переброшены на Запад. Неизвестно, с самого ли начала это был обман и продумывался ли этот план в Вашингтоне. Факт же тот, что Хохлов-то выступил 22 апреля перед прессой в Бонне, а вот в Москве в квартире жены Хохлова никакие журналисты не появились. Зато появились другие люди и забрали жену с ребенком, и они исчезли навсегда.

Через полмесяца Хохлов дал согласие на переезд в Соединенные Штаты. Его убеждали, что оттуда ему легче будет вести кампанию за освобождение его семьи. Эта кампания была обречена на неудачу, но в течение нескольких лет Хохлов вел активную антисоветскую пропаганду. Он публиковал статьи и ездил с лекциями по Соединенным Штатам, по-прежнему считая, что это облегчит участь его жены и ребенка. В 1956 году его захватила драма венгерского восстания, и он вернулся в Европу и присоединился к НТС. По его словам, эта деятельность чуть не привела к трагической гибели в сентябре 1957 года.

В том же месяце он снова оказался во Франкфурте, увидел Околовича и других деятелей НТС, а 15 сентября выступил на закрытии встречи антикоммунистических групп, проходившей в Ботаническом саду города. Это было чревато неприятностями, и они не заставили себя ждать.

После выступления он заказал себе чашку кофе. Вкус кофе оказался необычным, он сделал пару глотков и оставил кофе недопитым. И это наверняка спасло ему жизнь. Он упал и следующий месяц провел в госпиталях – вначале в немецком, а затем, когда было заподозрено отравление (первоначальным диагнозом был острый гастрит), в американском военном под круглосуточной охраной. Его тело покрылось бурыми полосами, а волосы вылезали клочьями, но американские врачи сумели спасти его, прибегая к переливаниям крови и инъекциям, некоторые из которых были экспериментальными.

У Хохлова не было сомнений насчет того, кто хотел убить его, но ему было интересно узнать о методах, которые использовали его бывшие коллеги. Уже будучи в Соединенных Штатах, он узнал из токсикологического анализа, что был отравлен радиоактивным таллием. Бывший хорошо тренированный советский киллер, который выступал за использование в работе самых современных форм, был наконец удовлетворен.

Канберра

Эти драмы зимы 1954 года закончились уникальным двойным побегом. За девять лет до этого Игорь Гузенко сбежал из советского посольства в Оттаве вместе с женой, и она помогала ему в последовавших злключениях. Но Анна была обыкновенной советской женщиной, как и жены других перебежчиков, последовавших примеру Гузенко почти десять лет спустя, независимо от того, покинули ли их мужья намеренно, вынужденно или с сожалением. В деле с Владимиром и Евдокией Петровыми мы имеем дело не просто с мужем и женой, а с коллегами. Во время побега он был подполковником МВД, где тогда гнездилась советская разведка, а она – капитаном той же службы. Тот же факт, что они не смогли совершить побег вместе, а лишь с промежутком в полмесяца, когда истеричную жену заставили присоединиться к мужу её советские телохранители, придает дополнительный драматический эффект этому событию. Дело Петровых уникально и в другом смысле: этому делу в самый его разгар была придана небывалая – ни до, ни после – гласность в прессе.

И до того, как они поженились, их жизнь шла, можно сказать, параллельными курсами. Он родился 15 февраля 1907 года в деревне Лариха в Центральной Сибири, в крестьянской семье Шороховых. Она родилась за семь лет до него^[43] в заброшенной деревеньке Липки Рязанской губернии, а в возрасте 10 лет переехала вместе с родителями в Москву.

Оба были пионерами и комсомольцами, и Владимир стал таким неистовым коммунистом, что в 1929 году сменил фамилию и стал Пролетарским. Он отслужил три с половиной года на Балтике шифровальщиком и в 1933 году попал в таком же качестве на службу в штаб-квартиру разведки. Еще моряком он во время одного из последних увольнений на берег он зарегистрировал брак с молоденькой девушкой, но этот брак распался через пять лет.

Она после школы и двухгодичных курсов иностранного языка тоже попала на шифровальную работу в то же учреждение. Оба были свидетелями и раскулачивания, и репрессий 30-х годов. Два начальника Евдокии – некто Гусев и Глеб Бокий, старый большевик,

знавший Ленина, – были расстреляны в 1937 году. Еще больший удар постиг непосредственно её в её доме. Она влюбилась в своего коллегу по службе Романа Кривоша, серба по происхождению, фигуру противоречивую, с потенциально опасными для него происхождением и увлечением – он любил писать прозу и стихи^[44]. Этой своей необычностью он и очаровал Евдокию. В общем, он в 1936 развелся с женой – эстрадной артисткой, и Дуся переехала к нему^[45]. В 1937 году родилась дочь, и семейное счастье казалось полным (тогда семейные союзы часто обходились без регистрации брака), но в середине её 45-дневного отпуска, положенного тогда советским матерям после рождения ребенка, это счастье оборвалось: в два часа ночью пришли два офицера в форме, перерыли всю квартиру и увели Романа (Роман остался жив, через десять лет Евдокия случайно увидела его в Москве – плохо одетого, с несколькими выбитыми передними зубами). Рассвет застал её одну, сидящей с крошечной дочкой на руках. Партийная инквизиция объявила ей «строгий с предупреждением» по комсомольской линии – за то, что не разглядела врага, – но на работе оставили. Но даже сумасбродный вердикт не поколебал тогда её веры в систему.

Потом она встретила Володю Пролетарского, который в 1938 году вернулся из китайской провинции Синьцзян, где был в составе группы шифровальщиков, и начал осаждать её. Ее выбор был сделан, когда в апреле 1940 года умерла от менингита её дочка, которая успела полюбить «дядю Володю», звала его перед смертью, и он провел рядом с нею и убитой горем матерью последние часы её жизни...

Фамилию она оставила свою: фамилия «Пролетарская» казалась ей вычурной и искусственной. Но проблема счастливо разрешилась, когда супругов и коллег в 1942 году направили на работу в Стокгольм. Начальство решило, что «Пролетарский» звучало бы слишком воинственно для пребывания в нейтральной Швеции. И они стали Петровыми.

Путешествие вылилось в настоящий кошмар. Вначале десять недель жили в Архангельске в надежде сесть на конвой в Лондон. Но потом отправились через Тегеран, Каир и морем в Дурбан (и «по дороге» были торпедированы в Красном море), затем морем до Британии, а затем уже ночным рейсом из Абердина добрались до Стокгольма. В семимесячном путешествии Евдокия увидела много

необычного и неожиданного: обилие продуктов на каирских рынках, доброе отношение на борту британского эсминца, подобравшего их в Красном море, и гостеприимство к «торпедированным русским» повсюду в Южной Африке. За четыре года пребывания в Швеции они увидели много примеров западной свободы и западного изобилия. Но ничто не поколебало их коммунистической лояльности.

Официально Владимир был дипломатом, но у него были две секретные функции – шифровальщика и офицера безопасности по работе в советской колонии. Последняя функция не доставляла ему неудобств, хотя под его надзором была и сама мадам Коллонтай, посол, уважаемая героиня революции и человек с мировой репутацией. Видно, в Москве кое-кто боялся, что эта пожилая хрупкая легенда коммунизма, теперь прикованная к инвалидному креслу, представляет какую-то угрозу.

Евдокия также была довольна своей работой секретаря в резидентуре посольства. Ей поручили даже разработку кандидата на вербовку – женщины, работавшей в шведском МИДе. В конечном итоге на вербовку та не пошла, но Евдокия была удовлетворена, что ей дали такое задание – это свидетельствовало о высоком доверии.

Но не так служебные успехи вызывали удовлетворение Петровых (он стал подполковником, она – капитаном), как счастливая атмосфера в стокгольмском посольстве благодаря тактичной и внимательной мадам Коллонтай, которая с человеческой теплотой проявляла интерес к каждому работавшему в посольстве. Петровы чувствовали себя гармоничной частью советского анклава, занимаясь нужным делом в приятной обстановке.

Позже Петров писал, что увидел в Швеции процветание и демократическую атмосферу, стократно понял фальшь советской пропаганды и бесчеловечность советской системы. Но эта же система открывала ему карьеру, давала привилегии, облакала доверием. У него не было личных причин для недовольства. Они появились позже, при других обстоятельствах, в Канберре.

Так оно и было. Прибыли они туда 5 февраля 1951 года. А до этого они вернулись – в октябре 1947 года – из Стокгольма, и три года Владимир занимался тем, что проверял лояльность моряков советских судов, ходивших в заграничные плавания, и членов советских делегаций, отъезжавших на Запад. В Канберре он снова был поставлен на надзор

за совколонией, а также за деятельностью эмигрантов – выходцев из Прибалтики и осевших в Австралии советских граждан. Были у него и более приятные обязанности. Его сделали официальным представителем ВОКСа в Австралии^[46]. Благодаря этому он получал завидную привилегию ездить, более или менее по своему выбору, по штатам Австралии, распространяя пропагандистские фильмы и литературу в обществах дружбы. Самой сложной из задач была организации «нелегальной» шпионской сети из разведчиков-«нелегалов». К тому времени, когда Петров получил это задание, он уже был назначен и. о. резидента советской разведки. Хотя это назначение, произведенное в феврале 1952 года, было временным, Петров оставался им в течение целых трех лет до момента бегства.

Жена работала бухгалтером посольства и секретарем посла, а также выполняла некоторые разведывательные задачи, как в Швеции. В основном из-за работы Владимира им необязательно было жить в посольском доме, и они снимали маленький современный дом в фешенебельном пригороде Канберры. Поскольку это была единственная супружеская чета, хорошо говорившая по-английски, их часто приглашали в гости. Неудивительно, что им начали завидовать их коллеги. Да к тому же и деньги: оба находились на хороших постах, детей у них не было, так что это была самая процветающая пара в посольстве.

Зависть положила начало ненависти и вражде, и это явилось главным фактором, толкнувшим Петровых на разрыв. Будь у руля такая же спокойная, рассудительная и добрая личность, как мадам Коллонтай, по всей вероятности, ничего и не случилось бы. А так тучи начали сгущаться через несколько месяцев после их приезда. Когда Петров сбежал, с собой он принес телеграмму, датированную 6 июня 1952 года, в которой говорилось «об отсутствии такта в отношениях с сотрудниками посольства, включая самого посла», со стороны Евдокии Петровой, «что наносит ущерб её работе». Это было предупреждением для обоих.

Основная угроза исходила не от посла Лифанова, который уже девять лет пробыл в Австралии и был там довольно популярен, а от его жены – второй, потому что первая, красавица-женщина, ушла от него. Евдокия Петрова хорошо одевалась, и у мадам Лифановой появились подозрения насчет красиво одетой секретарши.

Другая проблема возникла на её второй работе – бухгалтерской. Она настаивала, чтобы сотрудники платили, согласно правилам, за казенную мебель, используемую дома. Это вызвало неприязнь у посольских работников, и, хотя Евдокию поддержал приехавший из Москвы ревизор, она осталась врагом и посла, и его жены.

Против неё пошли в атаку. Вначале появилось обвинение в том, что она насмехается над великим Сталиным. Основанием был тот факт, что у неё на столе под стеклом наряду с портретом вождя лежала обложка из журнала с голливудской звездой и фото собаки, играющей на пианино. Этот пес – Джек, любимец мужа, – попал в ещё одну жалобу – по поводу того, что бегаёт по посольству.

Надежда на то, что положение изменится со сменой в 1953 году посла, не оправдалась. Преследование Петровых набрало инерцию, а после Смерти Сталина оно отразило ещё и глубокую вражду между МИДом и советским разведывательным сообществом, которое после смерти Сталина переживало кризис и потрясения. Петровых обвинили в создании «пробериевской фракции» в посольстве, и такое обвинение не сулило ничего хорошего по возвращении в Москву. Сигналы об этом, как рассказал Петрову один из его друзей, шифровальщик Прудников, пошли по двум каналам – от посла в МИД и от партийного секретаря посольства – в ЦК. Петров оказался у края пропасти и, как он потом признал, перейти её его заставил «голый страх».

А тут ему подложили и мостик. Готовиться к этому начали уже через месяц-другой после приезда Петровых в Канберру. Необычная свобода передвижения «третьего секретаря» обратила на себя внимание австралийских спецслужб, и время от времени они устанавливали за ним наблюдение. К работе, поначалу чисто профилактического, «защитного» характера, они привлекли доктора Михаила Бялогузского. Он родился в Киеве 19 марта 1917 года, но оба его родителя были поляками, и в 1920 году, когда Польша стала независимой, он сбежал с Украины, пересек границу с Польшей и обосновался в Вильне. В сентябре 1939 года провинция оказалась под русскими, потом отошла к Литве. Польский врач решил снова бежать. Британский консул организовал ему поездку к фиктивной тете в Кюрасао, и он по транссибирской магистрали под видом безработного музыканта добрался до Владивостока, оттуда перебрался в Японию и затем в Австралию, где он оказался 24 июня 1941 года – два дня спустя

после нападения Германии на Россию. Гостеприимные австралийцы приняли его в медицинскую службу армии, дали возможность получить ученое звание.

В дополнение к своей врачебной работе он работал и на австралийские спецслужбы – частично за деньги (он вечно препирался со службой из-за понесенных расходов), а частично – из благодарности к стране, которая так много сделала для него. На публику он играл просоветски и прокоммунистически настроенного и потому стал естественным предметом охоты со стороны Петрова, который, в свою очередь, стал объектом охоты. Так они играли друг с другом, и Петров надеялся, что вот-вот приобретет агента советской разведки, а Бялогузский – что скоро будет важный советский перебежчик.

Петров все чаще жаловался на неприятности по службе (о настоящей службе он не говорил до самого конца), а Бялогузский все чаще и все больше говорил о прелестях жизни под австралийским солнцем. За год до бегства Бялогузский на встрече в кафе «Адриа» предложил Петрову вложить по 500 долларов в акции кафе. В дальнейшем разговоре он произнес обнадеживающую фразу: «Мы найдем бизнес получше, в который вложить деньги».

Еще шаг он сделал в мае 1953 года. Его с женой вызывали в отпуск, и у Петрова возникло опасение, что отпуск затянется навсегда. Петров дальновидно изобразил заболевание глаз. Бялогузский порекомендовал ему сиднейского офтальмолога Беккетта, который тоже был агентом австралийских спецслужб. Лечение требовало помещения на время в больницу, и, таким образом, отпуск пришлось отложить. А тут как раз арестовали Берия. На очередном врачебном приеме офтальмолог затронул отнюдь не медицинские темы. Мол, если у пациента всё так плохо, почему бы не осесть в Австралии? А если он решится, то Беккетт пустит в ход все свои связи, чтобы сделать жизнь Петрова безопасной и приятной. Петров вернулся в Канберру с сумбуром в голове. Он даже не сказал жене о состоявшемся разговоре. И дело было не в степени лояльности. Просто, в отличие от него, у неё было много родственников в Союзе.

Однако к концу года сопротивляемость Евдокии ослабла. Посол Генералов убрал её с должности секретаря. Одной из причин явилось её «неуважительное отношение» к мадам Генераловой.

31 января 1954 года Бялогузский пришел к ней домой и стал уговаривать её бежать, если муж согласится. Вначале та ответила возмущенной тирадой, но потом отметила, что её волнует судьба матери и сестры. Владимир тем временем начал готовиться к уходу в одиночку, тайком от жены.

Учитывая, что Петров проявил интерес к занятию фермерством, а именно разведению кур, Бялогузский показал ему маленькое хозяйство и сказал, что за 3800 фунтов стерлингов они могли бы сразу же выкупить его. После этого на сцену вышли официальные лица. 27 февраля Петров впервые вступил в контакт с австралийскими спецслужбами. На квартире Бялогузского состоялась его встреча с заместителем директора Службы безопасности Ричардсом. Ричардс заверил Петрова, что, как только тот попросит убежища, ему сразу же будет обеспечена охрана и выделены деньги (первая сумма была потом определена в 5200 фунтов, т. е. хватало с лишком бы на покупку того хозяйства в одиночку). Однако Петров всё ещё продолжал говорить, что он только третий секретарь посольства. Он пока колебался.

1 апреля, «день дурака», оказался для Петрова не слишком веселым: старший шифровальщик, а затем и посол сказали ему, что за ним зафиксировано нарушение правил работы и хранения секретных материалов и что об этом будет доложено в Москву (представляется сомнительным, чтобы такая проверка произошла без ведома резидента, тем более против него. – Примеч. перев.). Тем же вечером Петров встретился с Ричардсом и заявил, что готов уйти на следующий день.

Сделать это было легко. На следующий день Петров должен был слетать в Сидней и встретить там несколько человек, прибывших морем из России, и посадить на самолет в Канберру. Один из прибывших – некто Ковалёнок, намеченный на место Петрова, – привез Петрову доброе письмо из Центра. Если бы Петров не принял уже другого решения, этот грубый обман мог бы и сработать, а тут он посадил всех в самолет и, не дожидаясь его взлета, ушел, сел на заднее сиденье автомобиля Ричардса и с этого момента начал в Австралии жизнь политического беженца. К вечеру он написал просьбу о предоставлении убежища, передал завернутые в «Правду» документы, которые принес с собой, и получил взамен 5000 фунтов стерлингов.

Для жены драма только начиналась. Он покинул её утром в Канберре, не дав ни малейшего намека на то, какой шаг собирается

сделать в Сиднее в ближайшие часы. Он считал, что чем меньше она знает, тем лучше для нее, и чем меньше она замешана, тем легче ему. Это была смесь паники и здравых размышлений. Но как только он оказался в безопасности, им овладело раскаяние. Он попросил свою австралийскую охрану похитить жену.

Когда Петров не появился в посольстве ни в понедельник, ни во вторник, начались поиски, а жену перевезли в посольство, и там она на протяжении нескольких дней, пока прояснялась обстановка, находилась на положении пленницы. Доведенная до отчаяния, она попыталась повеситься в комнате заточения, но крюк, к её счастью, не выдержал. И вот 13 апреля австралийское радио передало заявление премьер-министра Роберта Мензиса, что «Владимир Михайлович Петров, третий секретарь советского посольства в Канберре, попросил и получил политическое убежище». Жена не поверила и подумала, что его умыкнули силой.

Евдокия получила послание от мужа с просьбой встретиться – через полмесяца после того, как оно было написано. Ей продиктовали ответ: «Я не могу встретиться с тобой, так как боюсь попасть в ловушку». И почти верила в это. 19 апреля, в день намеченного отлета в Москву, она в душе хотела улететь. Она считала, что Владимира нет в живых, а дома ждали мать и сестра. Сопровождать её прилетели два «дипкурьера», Жарков и Карпинский, а им был придан ещё и дипломат – второй секретарь Кислицын. В Москве учли все, кроме одного – давления общественного мнения и свободной прессы в свободной стране.

Началось с толпы сочувствующих и дотошных репортеров, собравшихся у посольства, чтобы увидеть её выход. Когда компания после четырехчасовой поездки прибыла в сиднейский аэропорт, там собралось множество людей, взволнованных радиосообщениями, они окружили автомобиль. Один человек заглянул в машину и спросил: «Миссис Петрова, не хотели бы вы сделать заявление? Вы хотите вернуться в Россию или остаться здесь?» Но и теперь она не сделала никакой попытки освободиться. Ее провели к самолету. Пока процессия следовала сквозь толпу, ей кричали: «Останьтесь, иначе вам смерть или лагерь!» Когда самолет взлетел и делал вираж над огнями Сиднея, она мысленно попрощалась с мужем. А муж был внизу. Его привезли в аэропорт: а вдруг выпадет шанс поговорить с ней.

Власти предприняли и другой шаг. Командира самолета проинструктировали, чтобы он выяснил её намерения. Миловидной стюардессе удалось пару-тройку раз спросить Евдокию о её видах на будущее. Евдокия сказала, что хочет видеть мужа и что курьеры при оружии. Эту информацию получил по радио полковник Спрей, генеральный директор Службы безопасности Австралии, поддерживавший контакт из Канберры с самолетом, державшим в ночи курс на север.

Развязка наступила перед рассветом 20 апреля, когда авиалайнер приземлился в Дарвине, последнем пункте посадки на австралийской территории. Здесь не было никакой толпы, никаких фоторепортеров, в свете аэродромных огней появилась только группа серых фигур на бетонном покрытии аэродрома. Один из группы поднялся на борт и представился как «мистер Лейдин, представитель австралийского правительства». Он прямо спросил Евдокию именем правительства, хочет ли она политического убежища. Изнуренная женщина и на сей раз прямо не ответила, а навзрыд сказала об опасности, которая угрожает её близким дома, и добавила сквозь слезы, что хотела бы на месте отравиться. Она прекратила говорить о самоубийстве, когда мистер Лейдин, державшийся предельно выдержанно, заверил её, что её муж жив и здоров, но женщина по-прежнему была в нерешимости, когда вся компания двинулась в здание аэропорта, пока самолет делал дозаправку перед полетом на Сингапур.

В это время она узнала от курьеров, что, пока она мучилась сомнениями, разговаривая с мистером Лейдином, полиция окружила курьеров и отобрала у них оружие и патроны. Рассвело, и Кислицын, единственный дипломат в «делегации», связался по телефону с посольством в Канберре и попросил указаний. Потом вернулся и сказал, что в такой час может переговорить лишь с уборщицей посольства. Евдокия не делала попыток войти в контакт с Лейдином, а сидела как каменная рядом с курьерами, не способная принять какое-либо решение. В 7 часов она увидела возвращающийся к авиалайнеру экипаж, и сама сказала сопровождающим, что пора в самолет и надо кончать с этим. В этот момент подбежал служащий аэродрома и сообщил, что у телефона её муж, он звонит из Сиднея. Разговаривала она в присутствии своих сопровождающих. За две минуты возбужденного разговора она поняла, что это её муж и что она хочет

воссоединиться с ним. Для стражей же сказала в трубку: «Нет, ты мне не муж, прощай!» Проходя мимо мистера Лейдина, она дала знак, что согласна. Он отделил её от других русских и прошел с ней в отдельную комнату. Там она заявила: «Мистер Лейдин, я согласна остаться, потому что другого выхода у меня нет». Произнесла это без энтузиазма, но и этого было вполне достаточно. Евдокия Алексеевна Петрова стала парадоксальной фигурой среди советских перебежчиков: никто так не колебался и никто не получил такой известности.

Австралийская королевская комиссия заседала с 18 октября по 11 ноября 1954 года, было заслушано 119 свидетелей. Комиссия выпустила 483-страничный доклад об угрозе, которую представляет собой советский шпионаж для безопасности Австралии. Это основывалось на принесенных Петровым документах и массе устной информации. Он сообщил, в частности, что Советский Союз не в состоянии оказывать большую тайную помощь австралийской компартии (он знал о 25 000 американских долларов наличными, переданных генсеку партии Шарки), что разведка делает ставку на симпатизирующих коммунистам, а не на членов партии. Был представлен список оперативных разработок резидентуры и сотрудников резидентуры, которые вели их.

Особенно заинтересовало австралийцев заявление Петрова «о серьезной ситуации, сложившейся в австралийском МИДе в 1945–48 годах». Так оно и было. В начале 1948 года англо-американской дешифровальной группе удалось читать сообщения между резидентурой в Канберре и Центром. Среди этих сообщений был совершенно секретный доклад для британских начальников штабов «О безопасности в Западном Средиземноморье и Восточной Атлантике», в котором очерчивались британские стратегические интересы в послевоенный период. Копия этого составленного в Лондоне доклада была передана и австралийскому правительству и, как стало известно, дошла и до Москвы.

Тогда из Лондона прибыла группа во главе с будущим начальником британской контрразведки Ми5 Роджером Холлисом^[47] с целью убедить австралийцев, что у них работает советская агентура. При этом британцы, чтобы скрыть совершенно секретный факт о том, что сведения получены путем дешифровки, сослались на агентурные

сведения. Тогда же подозрение пало на сотрудников МИДа Иана Милнера и Джима Хилла. Австралийцы засуетились и в конце концов создали собственную контрразведывательную службу AS10 по типу британской Ми5. А Петров подтвердил поставленный диагноз, особенно в отношении Милнера, который к тому времени уже предусмотрительно обосновался с женой в Праге. Петров помог также выйти на сотрудника МИДа Уолтера Клейтона («Клода»), который организовал немалую часть послевоенной утечки информации.

Петров, конечно, раскрыл «легальных» разведчиков и помешал созданию более опасной, «нелегальной» сети. Австралийцев обеспокоило сообщение Петрова, что заменивший его Коваленок – из Четвертого управления, которое занимается созданием «нелегальной» сети на Западе.

Петров за годы работы в Москве узнал сведения и более широкого плана. Он утверждал, например, что советская разведка заранее предупреждала о решимости маршала Тито порвать с Советским Союзом, но к ней не прислушались. Он утверждал также, что видел в архиве дело об убийстве Троцкого, и рассказал о его тщательной подготовке.

Но не разоблачения, многие сделанные в секрете, оказались самым весомым фактором в этом деле, а перипетии бегства Евдокии Петровой. Лишь кучка людей знала, как разрывалась она между желаниями уехать и остаться, между советским кнутом и австралийским пряником. Что осталось на долгие годы в памяти австралийцев, да и остального Запада, так это фотографии страдающей женщины, которую ведут под руки по бетону аэродрома два гориллоподобных существа. На фотографии она, как всегда, со вкусом одета, но её правая (РЕДАКТОРУ: не левая, как гласит текст, это видно по фото) нога босая, туфля из новой пары потерялась в борьбе. Ее рука в белой перчатке прижимает сумочку в ансамбль с оставшейся левой туфлей. На лице отпечаток невыразимой борьбы и страдания в противоположность каменным лицам её стражников. Эти фотографии говорят о неизмеримо большем, чем о страданиях русской женщины на австралийском аэродроме весной 1954 года.

Кризис и замешательство

Пеньковский – от первого контакта до провала

С загадочной фигурой полковника Олега Владимировича Пеньковского борьба Востока и Запада в области шпионажа обретает новые измерения. Это первый и пока что единственный зафиксированный в послевоенной истории случай, когда разведывательная информация, полученная по «человеческому» каналу, помогла изменить ход мировых событий. Кубинский ракетный кризис самый яркий, но не единственный пример, когда сыграла значительную роль информация, полученная от Пеньковского. В конце лета 1962 года, примерно спустя 15 месяцев после того, как полковник ГРУ начал работать на британскую разведку, западные эксперты получили для изучения совершенно секретный документ, подготовленный в штаб-квартире ракетных войск и артиллерии. Пеньковский не имел официального доступа в это учреждение, но получил документ «для служебных целей», потому что в штабе его прекрасно знали как давнего протеже их командующего, главного маршала Сергея Сергеевича Варенцова.

Документ назывался «Методы защиты и обороны мест базирования стратегических ракет». Текст не представлял собой интереса, но когда американские эксперты увидели иллюстрации, то поразевали рты. Они увидели, насколько отличаются маскировочные силуэты ракет классов «земля-земля» и «земля-воздух», то есть ракет наступательных и оборонительных. А перед этим уже некоторое время поступали сообщения о том, что советские инженеры развернули большие строительные работы на Кубе. 29 августа самолеты U2 сфотографировали эти места. В США считали, что Куба укрепляет противовоздушную оборону после провала акции ЦРУ в заливе Свиней в ожидании новых вылазок. После получения документа из сейфа маршала Варенцова стало возможным сделать более точную оценку происходящего. Снова послали самолеты U2, и они сделали более детальные фотографии, и эти фотоснимки произвели шок. Организация мест базирования и камуфляж ракет показывали совпадение с данными из упомянутого документа о ракетах среднего

радиуса действия «земля-земля». Благодаря Пеньковскому президент Кеннеди, у которого только недавно была непродуктивная встреча с Хрущевым в Вене, вылившаяся в пустую болтовню, понял, что к чему. Это была не единственная услуга, которую полковник ГРУ оказал Белому дому во время кубинского ракетного кризиса.

Кризис ещё не кончился, хрущевские конвои с ракетами ещё поворачивали назад, а в Москве 27 октября 1962 года Пеньковский был арестован после девятимесячной слежки со стороны КГБ. Но, до того как его смахнули со сцены, он представил Западу полный шкаф других советских ракетных сокровищ. Благодаря им Запад знал о признаках разных стадий ракетно-ядерной тревоги, соответствовавших уровню того или иного мирового кризиса, и знал время, необходимое для готовности ракет к старту на каждой стадии. Так что Запад знал все русские планы «обратного отсчета» в случае «судного дня».

Пеньковский передал детальные технические сведения по развертыванию ракет на боевых позициях, их предпусковой проверке, запуску. Он переснял документацию на высокоэффективную ракету класса «земля-воздух» «Гайдлайн» (натовское название. – Примеч. перев.), которой весьма интересовались в НАТО, а также множество таблиц и формул расчета потребностей в килотоннах и мегатоннах ядерного оружия, необходимого для уничтожения тех или иных боевых целей.

Но насколько надежны были ракеты и сколько их – это всегда были ключевые вопросы для НАТО, а для Белого дома во время кубинского кризиса особенно. Ознакомление с материалами, переданными Пеньковским, не вселяло радости в сердца. Например, документы по новым советским тактическим крылатым ракетам показывали их огромную опасность для избранных натовских целей. Но были сведения и более приятного характера. На основании материалов, предоставленных Пеньковским, выяснилось, что за год до кубинского кризиса советский арсенал межконтинентальных баллистических ракет был на несколько сот меньше, чем считали американцы, и в то же время Пеньковский раскрыл несколько десятков мест базирования этих ракет, ещё неизвестных в эпоху, когда спутниковая разведка ещё не была достаточно совершенной. Его материалы показали и определенные слабости – скорее из области тылового обеспечения, чем технические – в системе тактических ракет.

Они были большего радиуса действия, чем территория, которую могли занять наступающие войска, и эта проблема пока что продолжала дебатироваться. Недостатки существовали и в области снабжения ракет малого радиуса действия, а также в функционировании всех советских ракет на жидком топливе. Пеньковский сообщил об их конструктивных дефектах, процент неудачных пусков и промахов по цели.

Теперь можно предполагать, что Хрущев блефовал с самого начала кубинского ракетного кризиса. Аркадий Шевченко, советский беглец самого высокого ранга, бывший заместитель Генерального секретаря ООН, сказал в беседе с автором, что, хотя Хрущев сам затеял этот кризис (иногда направляя послания президенту Кеннеди в обход Президиума ЦК), он не имел ни малейшего намерения нажимать ядерную кнопку ни на Кубе, ни где-либо еще. Но это, сказал Шевченко, выяснилось лишь позже, а тогда Белому дому приходилось взвешивать перспективы обмена ядерными ударами. И материалы Пеньковского оказались чрезвычайно важными для принятия решений американской стороной.

Однако его кардинальная роль в кубинском кризисе не должна затмевать его вклада в разведывательную деятельность Запада в других сферах, не афишировавшуюся в газетных заголовках. Всего, несколько известно, полковник передал 110 кассет, снятых камерой «Минокс», искусству чего его научили английские спецслужбы. Британцы получили 107 из них, в основном на Западе, а другие семь, самые последние, попали напрямую к американцам в Москве летом 1962 года. В одной пленке было в среднем по 50 кадров, а в сумме это дает около 5500 кадров, на основе которых было написано около 370 справок и исследований общим объемом около 7650 страниц. На пике этого потока над обработкой передаваемых документов работала группа в 20 сотрудников ЦРУ, группа примерно из 10 человек работала в Лондоне.

Редкость (и, возможно, уникальность) Пеньковского в анналах шпионажа XX века – в этой массивности, широте, весомости и непрерывности в высшей степени секретной информации. К этому надо добавить и устную информацию, которую он передавал во время многочасовых встреч с представителями западных спецслужб за рубежом.

Он передал серию изданий, рассылавшихся по списку высокому армейскому генералитету. На основании переданных им материалов произошло переосмысление натовской стратегии и тактики. Даже когда советское руководство узнало, какого рода секреты были переданы, оно было не в состоянии изменить долгосрочные доктрины и планы выпуска военной продукции. Не будет преувеличением сказать, что вопросы военного планирования решались Западом с учетом разоблачений, сделанных Пеньковским, в течение ещё десятка лет, а то и больше, и даже до настоящего времени. Это касается прежде всего планов развертывания Советским Союзом химической войны, развития и стратегического применения бронетанковых войск, военного использования космоса.

Так что же толкнуло полковника Пеньковского к тому, чтобы предать режим, который с детства воспитывал его в коммунистическом духе и принял в свою элиту? Что привело его на Запад и как он держался там? Какие впечатления остались о нем у британских и американских сотрудников, вступавших с ним в секретный контакт? Наконец, как был раскрыт этот секрет? Нарисованные его образы – как честного солдата, которому опротивели коррупция и цинизм коммунистического режима, и идеалиста, оказавшегося готовым предать свою родину ради спасения мира от ядерной катастрофы, – оба неточны и фальшивы.

Родился он на заре большевистской эры, 23 апреля 1919 года, в городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Семья его принадлежала к верхушке среднего класса. Дед его, умерший до революции, был судьей в Ставрополе. Двоюродный дед, Валентин Антонович Пеньковский, не только пережил революцию, но и врос в коммунистический режим, дойдя до генерал-лейтенанта Красной армии. Отец его, Владимир Флорианович, инженер по образованию, которого Олег никогда не видел, пропал без вести в Гражданскую войну, сражаясь в Белой армии. Этот факт скрыли от мальчика, а раскопали его, только уже когда Пеньковский служил в разведке.

У него была типичная военная карьера тех лет. В 1937 году он становится военным и комсомольцем, спустя три года – членом партии. Во время Великой Отечественной войны он четыре года был политруком и отличился в боях. В 1943–44 годах он командовал артиллерийским полком^[48]. По его словам, он был самым молодым

командиром такого ранга. Важным для его дальнейшей жизни (и для оказания в будущем услуг Западу) стал тот факт, что его другом и протеже был артиллерийский начальник, генерал-полковник Варенцов. Эта важная дружба была скреплена порывом доброты (возможно, не без умысла) со стороны Пеньковского. Летом 1944 года он посетил Варенцова в госпитале, где тот лежал со сломанным бедром – результатом автомобильной аварии на фронте. Варенцов был обеспокоен слухами о трагедии его дочери и её семьи, жившей во Львове, и попросил Пеньковского разузнать всё.

Пеньковский поехал во Львов и выяснил, что трагедия действительно имела место. Зять генерал-полковника, майор Лошак, еврей, был расстрелян вместе с двумя другими офицерами «за хищение социалистической собственности». Вдова Нина, дочь генерала, не выдержала враждебного отношения к себе в госпитале, где она работала, и застрелилась. И никто не хотел хоронить её. Полковник прибыл ко времени. Он продал часы и организовал приличные похороны. Когда по возвращении Пеньковского в Москву Варенцов узнал обо всем этом, то обнял первого и сказал: «Ты мне теперь, как сын». И вот этот «сын» через семнадцать лет воспользовался сложившимися отношениями, чтобы беспрепятственно приходить к Варенцову с «Миноксом» в кармане.

После войны он только и думал, что о продвижении в рамках системы, а вовсе не о бегстве из нее. В 1945 году он женился на 17-летней Вере Дмитриевне Гапанович не только из-за её внешности, но и потому, что её папа был генералом и обладал хорошими партийными связями; он вырос до Члена Военного совета Московского военного округа (высшая комиссарская должность в округе. – Примеч. перев.). В первые десять лет после женитьбы Пеньковский уверенно шел вверх. В 1948 году он закончил Военную академию им. Фрунзе, в 1949 году, прослужив год на штабных должностях, он был направлен в Военно-дипломатическую академию, где готовили кадры для военной разведки. Еще в Академии он получил звание полковника. Будущее казалось прекрасным.

Он сам все испортил. Прослужив четыре года в Четвертом управлении ГРУ (за это время сорвалась поездка в Пакистан: ему не дали визу), он в 1955 году поехал в Турцию помощником военного атташе и исполняющим обязанности резидента ГРУ (судя по всему,

автор неточен: скорее всего, он поехал и. о. военного атташе и далее – как в тексте. – Примеч. перев.). В течение года все шло как по маслу. Но в 1956 году он лишился всех рычагов правления, так как в Анкару приехал генерал-майор Савченко, 60-летний ветеран ГРУ, до того служивший в Кабуле, и стал и военным атташе, и резидентом. Пеньковскому не понравилось ходить на вторых ролях, трения стали нарастать, и Пеньковский совершил невероятную с профессиональной точки зрения глупость: написал жалобу в Центр на нарушение генералом указаний Центра. Свои его ещё бы простили со временем, если бы он не выносил сора за пределы ГРУ, но Пеньковский воспользовался ещё и каналами КГБ, резидентом которого был в Анкаре генерал Вавилов. В КГБ отнюдь не прониклись благодарностью к нему, а, напротив, стали не доверять офицеру, переступившему свод правил и пошедшему в наступление на своего шефа с целью личной мести. В 1956 году он поехал в отпуск – и не вернулся в Анкару. Он впал в немилость.

ГРУ выказало ему свое неудовольствие, отодвинув его в резерв. Когда он попытался уйти из разведки и вернуться в армию, то увидел, что дорога назад закрыта. Но благодаря Варенцову в сентябре 1958 года Пеньковский был зачислен в другое престижное заведение – Академию имени Дзержинского, где прошел 9-месячный курс по ракетам. Вот здесь и начал свой путь предательства режиму 40-летний студент, отстраненный от всякой оперативной деятельности, а значит, и лишенный перспективы роста.

Важно точно определить отправной пункт. Опубликованные версии насчет того, что он начал искать контакты с западной разведкой ещё в Анкаре, неверны. Только в январе 1961 года и совсем при иных обстоятельствах британская разведка начала проявлять интерес к Пеньковскому, когда получила наводку из канадского посольства в Москве. Своим западным следователям он подтвердил свою пассивную роль в Анкаре. Правда, он утверждал, что раз-другой он анонимно звонил в турецкие спецслужбы, следствием чего была высылка из страны советского полковника. По каким мотивам он это делал, оставалось неясно. За год и десять месяцев пребывания в Анкаре он не вступал в контакт ни с одним натовцем.

Осознанное решение работать на Запад созрело у него в Академии Дзержинского, учебу в которой он закончил в мае 1959 года. Именно

тогда он начал собирать материалы для дальнейшей передачи, но прошло два года, прежде чем он смог их передать. Его решение работать на Запад ещё больше укрепилось, когда сорвалось назначение в Индию.

Это произошло после его возвращения с курсов. Ему сказали, что собираются направить его военным атташе в Дели и, следовательно, резидентом ГРУ. А это означало возможное повышение. Неизвестно, отложил ли он свои планы предательства после этой приятной новости или решил работать с Западом из нейтральной страны. Но ясно, что вето на это назначение наложил КГБ, который начал копать его прошлое с того случая в Анкаре и вышел на Владимира Флориановича Пеньковского, лейтенанта Белой армии. Генерал-майор Шумский, его непосредственный начальник, спросил его, почему он не указал ни в одной из множества анкет этот факт. Пеньковский ответил тем, что говорила ему мать: она не знала, что случилось с отцом в суматохе бурного 1919 года. Для КГБ самым большим пятном была неизвестность: а вдруг он эмигрировал и живет сейчас на Западе? Учитывая ещё и анкарский инцидент, можно было считать, что лестница наверх ему закрыта навсегда.

Пеньковский почувствовал это в ближайшие месяцы. В июне 1960 года его перевели на преподавательскую работу – вначале в комиссию по отбору кандидатов на учебу в Военно-дипломатическую академию, потом назначили вести курс на период 1960–63 годы. Небо снова прояснилось: впереди замаячило генеральское звание. Но и это назначение КГБ сорвал, и ему предложили либо стать одним из преподавателей, либо перейти в информационную службу. И то, и другое было шагом в сторону, если не вниз. Он отказался и вернулся в резерв ГРУ.

Пеньковский пребывал в большом унынии, когда ему предложили работу в одном из открытых советских учреждений, осуществлявших контакты с Западом. Это был Государственный комитет по науке и технике (ГКНТ) – название хоть и звучное, но работа для Пеньковского не престижная. Но у неё было огромное достоинство с точки зрения человека, решившего перейти на другую сторону: поездки за рубеж и легальные встречи с иностранцами в Советском Союзе. Первой его работой на новом месте был прием британской делегации промышленников во главе с Гревиллом Винном, инженером, который

руководил экспортно-импортной фирмой, специализировавшейся на поставках продукции тяжелой промышленности в Советский Союз.

Из Винна сделали чуть ли не шпиона столетия. На самом деле он имел во время визита только официальные контакты с начальником иностранного отдела ГКНТ, а с Пеньковским в ноябре 1960 года у Винна были только деловые контакты. Однако Винн, как человек, совершающий поездки за железный занавес, был взят на примету британскими спецслужбами.

Связь между Винном и Пеньковским была установлена в апреле 1961 года, когда Винн приехал в Москву с целью выяснить, почему до сих пор не состоялся визит в Лондон делегации, приезд которой намечался ещё на начало года. Но инициатива исходила от беспокойного полковника, который в поисках желанного окошка на Запад ошибочно принял бизнесмена за разведчика, работающего под прикрытием бизнесмена.

Понятно, почему полковник был столь беспокойным. Неправда, что Пеньковский в Москве охотился за западными дипломатами и военными и предлагал им советские планы по Ближнему Востоку. На самом деле он сделал это однажды, когда в январе 1961 года, встретился с канадским торговым атташе и попытался передать ему небольшую порцию сведений, из того, что планировал сообщить западным разведкам. Это были копии документов по ракетной тематике, которые он тайно скопировал во время учебы 1,5 года назад. Неправда, как писали, будто эти документы были переданы в западные столицы, где их с волнением и предвкушением новых поступлений изучали специалисты. Ничего похожего. Этот злополучный торговый атташе принял пакет, носил его с собой сутки, а на следующий день на одном из приемов встретил Пеньковского и вернул пакет ошарашенному полковнику. Он даже не распечатывал его. Не говоря уже о том, что бы передать кому-то из сотрудников посольства, из числа тех, кто был связан с разведкой. Такие примеры наивности надо ещё поискать.

Можно понять было чувства Пеньковского: неужели никому в НАТО не нужны его сокровища? Фактически это был его четвертый контакт. Первый его контакт был в августе 1959 года с американскими студентами, работавшими в Москве, но он ничего не дал Пеньковскому. Два подхода к членам делегации Гревилу Винна в

ноябре следующего года также оказались бесплодными. Наконец, канадский дипломат, по существу, отверг его драгоценный товар. Однако последний тупик достаточно скоро привел его все-таки к желанной цели. Канадский торговый атташе, испугавшись предпринять тогда какие-либо действия, ещё больше испугался, что проявил бездействие. Он рассказал своему послу о том эпизоде, и канадское посольство, которое было не в состоянии совладать с проблемой такого свойства и масштаба, проинформировало американцев и британцев. Последовавшее за этим было типичным для тех странных отношений между основными западными разведками, которые характеризовались, с одной стороны, сердечной взаимопривязанностью и сотрудничеством, а с другой – холодным расчетом и обереганием собственных интересов.

Итак, когда в январе 1961 года британцы обратились к своим «кузенам» по поводу неординарной канадской наводки, их попросили пока что воздержаться от каких-либо действий, так как, мол, ЦРУ собирается задействовать собственного сотрудника для установления связи с Пеньковским в Москве. Британцы послушались, их разведка ничего не знала о подходе Пеньковского к американским студентам. В феврале американцы сделали попытку, но из-за какой-то путаницы попытка оказалась неудачной. Тем временем британская сторона, зная, что Пеньковский собирается посетить в апреле Лондон, предприняла кое-какие шаги в Москве и убедила американцев постоять в стороне.

Многое было сказано неверно о том, когда и как поступали материалы от Пеньковского. Путаница была даже в том, как появилась в Лондоне первая партия его драгоценных ракетных секретов в 1961 году, когда полковник прибыл в Лондон. Винн, например, утверждает, что это он привез их.

Но есть два пункта, по которым все сходятся. Первый – это феноменальная энергия Пеньковского, второй – его способность хамелеона переходить от роли к роли в его поездках на Запад. Пеньковскому приходилось носить три разные маски и вести три разные жизни в зависимости от обстоятельств. Первая жизнь – официальная как офицера ГРУ при ГКНТ, и в этом качестве он действовал как главный надзиратель в делегации, в ведении которого находились все финансы. Это предполагало большой объем административной работы, большие затраты времени, большие

представительские функции. Вторая роль – поскольку он был старшим офицером ГРУ, его коллеги по лондонской резидентуре ожидали от него помощи, так как он имел возможность свободного передвижения. Тут британцы помогли ему, снабдив кое-какими снимками мест базирования управляемых ракет и военных объектов, которые ему не составляло труда выдать за свои. И наконец, была и третья жизнь – ценного агента западных спецслужб.

Последняя началась в 23 часа 20 апреля 1961 года в лондонском отеле «Маунт-Ройал», где разместились советская делегация. После официоза первого дня он, вместо того чтобы спать, улизнул в специально зарезервированный номер для своей первой встречи с представителями западной разведки. Такие встречи длились до рассвета, и полковнику оставляли мало времени для сна и официальных мероприятий в составе делегации на следующий день.

Между Лондоном и Вашингтоном было согласовано, что те и другие будут использовать Пеньковского в Британии поровну. И таким образом он оказался в компании с двумя офицерами британской и с двумя – американской разведок. Имена никогда не назывались, хотя в Москве придумали Грилла и Майлса с британской стороны и Александера и Ослафа – с американской. История о том, что Пеньковского посетила в отеле делегация из двадцати советских перебежчиков, чтобы убедить его, что они живы, здоровы, хорошо устроены и счастливы принять его в свою семью, очень натянута.

На второй ночной встрече в «Маунт-Ройал» была подписана «Клятва верности», которую западные хозяева составили для него. В этом любопытном документе полковник клянется верно служить британскому и американскому правительствам в Советском Союзе столько, сколько потребуется. В ответ он просит, чтобы в случае необходимости ему и его семье было предоставлено политическое убежище в одной из этих стран, а ему – «подходящий статус». В конце документа он называет себя «солдатом свободного мира, ведущим борьбу против советской тирании».

В конце этого первого визита, завершившегося 6 мая, он получил фотокамеру «Минокс», специальный приемник и другое шпионское оборудование, прошел молниеносный курс по пользованию спецтехникой, ему было сказано, на каких вопросах сосредоточить свою деятельность.

В течение дальнейших 16 месяцев его шпионской деятельности перед западными службами стояла проблема, как его держать в узде и управлять им в его профессиональной и личной жизни. Одним из его недостатков было то, что он мог мало что или ничего добавить к тому, что фотографирует. Артиллерист по образованию, прошедший к тому же ракетные курсы, он не обладал техническим складом ума. Его суждения о веяниях в Кремле скоро были сочтены поверхностными.

Пеньковский был довольно легкомыслен, и здесь для сотрудников, которые «вели» его, возникала ещё одна проблема: как совладать с комплексом Уолтера Митти в этом человеке (по имени литературного героя, мыслящего нереальными понятиями; нечто отдаленно родственное нашей маниловщине. – Примеч. перев.). А однажды на одной из первых встреч он ошарашил их предложением пронести в кармане в здание советского Министерства обороны миниатюрную атомную бомбочку и взорвать здание вместе с собой.

Его тенденция к фантазиям сосуществовала в нем с тщеславием и распаляла это тщеславие. Гревиллу Винну он однажды поведал, что был принят королевой, и этот эпизод даже фигурировал потом в телевизионном фильме о нем, хотя на самом деле полковник Пеньковский был максимально приближен ко двору, когда проезжал в машине через Ричмонд-парк. Возможно, эта поездка и вселила в него это видение. Однажды он действительно просил, чтобы его приняла королева, но она, к счастью, была в тот момент с визитом в Италии. Он старался держаться подчеркнуто важно. Его тщеславие порой создавало проблемы, но было и выгодно для Запада. Он говорил, что намерен войти в историю как величайший шпион. Тщеславие толкало его к все большей опасности.

Другой проблемой было его поведение в быту. Он лихо обращался с вверенными ему фондами ГКНТ, что щедро возмещалось с британской стороны. Этот советский полковник, прибывший по делам в Лондон, вел себя как великий князь на Ривьере. Хотя это привлекало к нему ненужное внимание со стороны, он был неисправим. Он с легкостью давал таксисту «на чай» пятифунтовую купюру. Но было ещё хуже, когда он делал выход за покупками, которые предназначались прежде всего для подарков разным начальникам в Москве, включая генерала Серова, тогдашнего главу КГБ, и его жену (однажды вместе с Пеньковским была в Лондоне и дочь Серова, и тот

попросил, чтобы Пеньковский поопекал её, поводил в рестораны и ночные клубы – всё за счет британских налогоплательщиков). Однажды, делая закупки в одном дорогом магазине обязательных «Шанель № 5» для мадам Серовой, он купил несколько дополнительных пузырьков и тут же раздарил их продавщицам.

И бабник он был ужасный, иначе не скажешь. И здесь сказывались его тщеславие и чрезмерная фантазия. Князь сорил деньгами, словно турецкий султан при виде женщин, и его хозяевам приходилось прилагать немало усилий, чтобы направить его энергию в приемлемое русло. Однажды он, например, выдвинул требование, что ему нужны услуги только девственниц и до восемнадцати лет. Пришлось приложить немало усилий, чтобы умерить его требования хотя бы относительно возраста.

Второй раз он находился в Лондоне с 18 июля по 10 августа во главе делегации советских специалистов на открытии советской промышленной выставки. На сей раз он имел возможность проводить больше времени с тем же англо-американским квартетом. Важной и, как оказалось впоследствии, фатальной были в этот раз его встреча и знакомство с миссис Чисхоулм, супругой второго секретаря британского посольства в Москве Родерика Чисхоулма, который должен был «вести» Пеньковского в Москве. Миссис Чисхоулм должна была «случайно сталкиваться» с Пеньковским на приемах, во время прогулок с детьми в московских парках для моментальных передач. Для встреч на открытом воздухе была сделана упаковка в виде коробочки детских сладостей, в которой помещались четыре кассеты. Эта коробочка плюс запасной «Минокс» были переданы Пеньковскому тем же летом в Москве вездесущим Винном, который стал незаменимым каналом связи с Пеньковским.

Следующая и, как оказалось, последняя поездка Пеньковского на Запад состоялась через два месяца. Он приехал в составе торговой делегации на открытие советской промышленной выставки в Париже. Он снова привез кассеты ценных документов, снова Винн принимал этот товар в аэропорту Ле-Бурже, куда Пеньковский прибыл 20 сентября. И снова долгие разговоры со знакомым квартетом и подготовка, на одной из таких встреч присутствовала и Джанет Чисхоулм. ЦРУ готовило его к «бросковым» операциям (когда агент или разведчик «бросает» в условленном месте и на короткое время

кассету или что-либо еще, упакованное в непрезентабельный с виду предмет, например смятую пачку сигарет. – Примеч. перев.), которые в конечном итоге и привели к полному провалу.

Пребывание делегации длилось четыре недели, и полковник от души отведал прелестей парижской кулинарии, погулял по кабаре и ночным клубам. 16 октября, когда делегация возвращалась в Москву, в Ле-Бурже выпал туман, и рейс «Аэрофлота» задерживался. Может, это был знак Пеньковскому сверху от какого-нибудь покровителя шпионов, чтобы он остался? Похоже, он подумал об этом. Но его самоуверенность и желание сделать ещё больше, чтобы войти в историю супершпионом всех времен, взяли верх, и он миновал таможенный барьер. Ему уже никогда не придется ступить на западную землю, а скоро и по своей он не сможет свободно передвигаться.

Сложно сказать, как КГБ заподозрило, обложило и наконец схватило полковника. Несколько деталей этой картинке-складки дал Западу сам Пеньковский, до того как он был пойман, потом – Гревилл Винн. Многие детали отсутствуют, и, может быть, полная картинка никогда не будет собрана. И дальнейшее изложение происшедшего – это максимум возможного и достоверного. Оно основано на анализах западных экспертов и на показаниях последующих перебежчиков, с некоторыми из которых автор беседовал.

Первая отдаленная гроза прогремела в октябре 1961 года, когда он вернулся из Парижа. Перебежчики на Запад из восточноевропейских стран сообщали, что в это время советская военная разведка просила своих коллег по Варшавскому пакту произвести усиленную проверку в своих собственных рядах. В Москве уже обнаружили утечку информации, но не могли понять, откуда она происходит.

Пеньковский и сам почувствовал недоброе в начале 1962 года, а именно 5 января, когда во время «случайной встречи» с Джанет Чисхоули на московской улице маленький автомобиль нарушил правила уличного движения, а затем медленно поехал за ними. Через пару недель тот же автомобиль с номерным знаком SHA (неведомо, какие русские буквы хотел здесь передать автор. – Примеч. перев.) 61–45 опять появился при их встрече. Это уже был настораживающий признак (такое повторение следовало расценить стократ серьезнее. – Примеч. перев.). Первая моментальная передача от него к миссис

Чисхоулим (коробочки со «сладостями») состоялась в сентябре 1961 года, ещё до Парижа, и она, как и подобные встречи с другими западными связными, прошла гладко. Более того, в ноябре-декабре ему был предоставлен месячный отпуск, и он поехал с женой в один из лучших курортов на кавказском берегу Черного моря, что обычно означало знак расположения сверху (автор находится в плену своих представлений; на самом деле таким образом Пеньковского могли «вывезти», чтобы провести кое-какие мероприятия по его квартире. – Примеч. перев.). Что же было не так?

Считается, что КГБ вышел на Пеньковского по чистой случайности. С начала 1962 года КГБ начал вести «ковровое», т. е. всеохватывающее, наружное наблюдение за всеми западными дипломатами в Москве и их семьями и фиксировать все отклонения от нормального поведения. Об используемом западными разведками методе моментальных встреч и моментальных передач успел поведать до своей казни подполковник ГРУ Петр Попов, который предложил свои услуги ЦРУ в Вене в 1953 году, шесть лет работал на Запад, пока не был схвачен в московском автобусе вместе со своим американским связным 16 октября 1959 года.

К середине лета Пеньковский по некоторым признакам понял, что КГБ точит ножи против него. В апреле у него сорвалась поездка на международную ярмарку в Сиэтле из-за того, что его якобы могли расшифровать как офицера ГРУ по его работе в Анкаре. В мае и в июле сорвались поездки соответственно в Бразилию и на Кипр.

Понятно, что Пеньковский был в смятении. Его западным друзьям надо было переходить от встреч в городе на встречи и передачи на приемах, к тайниковым операциям.

Что же касается Винна, то вопреки тому, что он потом искренне говорил и писал, КГБ, похоже, не имел никаких подозрений на его счет и его считали скорее объектом вербовки, чем помощником Пеньковского в шпионских делах. Сдается, русские узнали всю правду о Винне из уст самого Пеньковского, и объектом наблюдения был не Винн, а сам Пеньковский, когда Винн заметил слежку в московском ресторане «Пекин» – это произошло в начале июля.

Хотя нервы Пеньковского были на пределе, он был ещё способен контролировать себя. Он всегда пользовался своим удостоверением сотрудника ГРУ, чтобы пройти с Винном через кордон в аэропорту.

Хотя Винн и писал о том, что Пеньковский передавал с ним массу материалов, просил его сообщить об опасности его положения и повлиять на Лондон с целью организовать операцию по его спасению, основной упор Пеньковский делал на связь с сотрудниками западных резидентур (британцы до конца применяли получение документов на официальных приемах, где, если что, никто не захватит их на месте) и им предавал вместе с материалами свои самые серьезные личные послания. Он сказал им, например, что в конце сентября планирует взять отпуск, так что в это время связи с ним не будет. Он также заявлял, что собирается «разобраться» с КГБ, почему его не пускают за границу. Никакой паники пока не было.

Но как раз КГБ-то и разобралось с ним в течение последующих трех месяцев. В августе состоялась оперативная встреча с сотрудником ЦРУ, а последняя «моменталка» состоялась 5 сентября. 6 сентября западники видели Пеньковского в последний раз по случаю демонстрации фильма в британском посольстве. Никакой передачи материалов не было и не планировалось. Единственное, что было намечено, так это бесконтактная встреча с новым сотрудником резидентуры, которому Пеньковского передавали на связь, чтобы они запомнили друг друга внешне. В западном лагере не возникло никакой тревоги, когда остальной сентябрь и начало октября прошли без каких бы то ни было признаков жизни со стороны полковника: считалось, что он в отпуске. Но октябрь близился к концу, а контактов всё не было, и появилось беспокойство. Неизвестности положила конец серия ударов, последовавшая 2 ноября.

Пеньковскому дали два телефонных номера для использования в экстренном случае. Он должен был позвонить и после ответа, ни слова не говоря, повесить трубку. Телефон московской квартиры его нового связника, естественно, не входил в это число. Однако этот телефон зазвонил первым, и голос был, без сомнения, Пеньковского. Сказанное им было столь же подозрительно, сколь и сделанное. Вначале он спросил своего нового связника, как его зовут, а потом продолжил: «Вы меня знаете. Вы мой друг. Нам нужно немедленно встретиться, возле цирка».

Всё в этом звонке было не так, это было грубое нарушение установленных британцами правил связи. Сотрудник лишь ответил, что представления не имеет, кто ему звонит, и повесил трубку.

Пеньковский явно либо свихнулся от страха, либо работал под контролем КГБ. Другие происшествия этого дня подтвердили самые худшие опасения.

На тридцать пятом столбе по Кутузовскому проспекту появилась согласованная с американцами условная метка, которая давала знать о заложении тайника. Когда сотрудники ЦРУ поспешили к тайнику, они попали в руки КГБ.

Наконец, в тот же день пришло сообщение об аресте Гревилла Винна – в Будапеште, где он находился со своей передвижной выставкой. Через несколько часов бедняга Винн был переброшен в Москву, где помещен для допросов в тюрьму «на Лубянке».

Что же произошло между кинопросмотром в британском посольстве и звонком британскому связнику 2 ноября? Опять же реконструкция событий сделана на основе западных анализов, в свою очередь основанных отчасти на показаниях перебежчиков из советской разведки.

В середине 1962-го началась слежка за квартирой Пеньковского. Вначале ограничивались установкой камер в окнах и на балконах дома напротив, которые позволяли видеть, чем занимается полковник, какие ящики выдвигает. На второй стадии воспользовались квартирой над ним, откуда выселили жильцов. В потолке установили глазок, и он дал увидеть куда больше. Теперь встал вопрос о том, как вторгнуться в квартиру и обыскать её, пока что не вызывая тревоги у подозреваемого предателя.

Эта проблема была решена подразделением «грязных дел» КГБ. Его люди нанесли легкий слой смазки на кресло Пеньковского, а эта смазка, расплавляясь под действием тепла тела, проникает через одежду и превращает место соприкосновения в жгучую рану. К полудню полковник, почувствовавший резкие боли, был отправлен в госпиталь, где проинструктированные врачи настояли на том, что пациенту следует пробыть на лечении несколько дней. Жену сумели удалить менее радикальным способом, после чего на квартиру был совершен набег и её обыскали. Фотоаппараты, кассеты, шифры, приемник и прочие шпионские аксессуары были извлечены из их захоронений и водворены на место. КГБ убедилось в виновности Пеньковского, но не торопилось брать его, надеясь, что, оставив его на свободе, сможет обнаружить его сообщников.

Однако преследователи через некоторое время после вторжения в квартиру изменили свое мнение, после того как увидели через потолочный глазок, как Пеньковский из секретного ящичка письменного стола – этого тайника сыщики не обнаружили – достает превосходный советский паспорт со всеми необходимыми официальными отметками. Хуже того: камера показала, что на паспорте есть его фото, но нет фамилии, имени и отчества. Более того, они увидели, как он заполняет эти пустые места, то есть готовится пустить паспорт в дело. После этого у КГБ не было иного выбора, кроме как брать его. Хотя об аресте Запада стало известно 2 ноября, он произошел за неделю, а то и за две до этого.

У властей было полгода, чтобы подготовить Пеньковского и Винна к тем ролям, которые они играли на четырехдневном показательном процессе, состоявшемся в мае 1963 года. Однако Винн не выглядел на суде такой фигурой раскаяния, как того хотело бы обвинение, несмотря на временами жесткое обращение с собой (можно предполагать, что если бы обращение с Винном было действительно «временами жестким», то и Винн, и прочие дали бы себе право говорить о жестоких пытках. – Примеч. перев.). Тем не менее его дело выглядело весьма простым: честный бизнесмен, ставший жертвой зловредных британских спецслужб и превращенный в орудие их грязной профессии. Если отбросить ярлыки, то такой вердикт недалек от истины. Приговорен был Винн к восьми годам лишения свободы, но через одиннадцать месяцев, 22 апреля 1964 года, был освобожден и обменян на пограничном пункте в Берлине на супершпиона «Гордона Лонсдейла» (Конона Молодого).

Сам Пеньковский, которого вынудили к признаниям путем жестоких пыток (оставим это утверждение на совести автора. – Примеч. перев.), представлял собой огромную проблему для постановщиков процесса. Прежде всего, надо было приглушить тот факт, что он – старший офицер ГРУ. Он был представлен как давно уволенный из армейских рядов, как предавший доверие на оказанном ему посту заместителя председателя ГКНТ. Он был представлен как карьерист, стяжатель, разложившийся тип, который от морального разложения перешел к предательству. Появились свидетели, которые видели, как он пил вино из тупелек любовниц, и это была одна из многих отталкивающих привычек, приобретенных им в ночных клубах

Лондона и Парижа (для некоторой части избранной публики, присутствовавшей на процессе, эта привычка могла бы показаться скорее восхитительной, чем отталкивающей).

Но самая большая проблема состояла в том, что надо было показать масштабность преступления, чтобы обосновать неизбежный смертный приговор. С другой стороны, это означало бы провал в работе органов безопасности, допустивших нанесение такого ущерба государству. Постановщики суда так и не построили квадрата из этого круга. В какой-то момент Пеньковский был обвинен в передаче тысяч военных, политических и экономических секретов Западу. Но после суда главный обвинитель, генерал-лейтенант А. Г. Горный, выступил с заявлением, смягчающим масштабы ущерба и объем переданной информации. Как всегда, коммунистическая система запуталась в паутине собственной лжи.

Пеньковский совершал героические дела, сам не будучи героем. Он служил, как сказали бы на Западе, благородному делу, но служил без благородства. И все-таки он не был пешкой на шахматной доске разведок. Он сам ступил на избранный им путь и прошел его до конца, пока его не остановила собственная самоуверенность.

Мрачный вестник

22 сентября 1961 года у дверей жилища Фрэнка Фриберга, резидента ЦРУ в Хельсинки, появился без предварительного уведомления подполковник Анатолий Михайлович Голицын. Он под фамилией «Климов» работал в резидентуре КГБ по контрразведывательной линии. Его не без приключений (он был на короткое время вызван в Москву, а потом вернулся под другим именем) перебросили во Франкфурт, а затем в Соединенные Штаты. Американцы приобрели весьма занимательный, беспокойный и в конечном итоге самый вредоносный для них подарок из когда-либо переходивших из рук в руки в шпионской игре Восток – Запад.

В отличие от других своих коллег, просивших убежища на той стороне Атлантики, Голицын не давал показаний перед Конгрессом и не давал интервью до выхода в свет своей книги «Новая ложь вместо старой». Она была опубликована в 1984 году, спустя 23 года после его побега. К навязчивой идее этой книги – то, что Западе считалось значимой победой, на самом деле гигантский дезинформационный трюк КГБ, – мы вернемся позже. Здесь надо лишь заметить, что в этом произведении нет никакой информации о жизни, личности и карьере автора. Не написано о нем и биографических сведений. Представить его как человека мы можем на основании сказанного им своим западным следователям, их мнения о нем и мнений о нем его бывших коллег, также сбежавших на Запад.

Ему было 35 лет на момент бегства – шага, который, по его словам, он вынашивал по мере разочарования коррупцией и несовершенством советской системы. Собственно, это аргумент всех перебежчиков, но в случае с Голицыным к этому аргументу следует отнестись с бóльшим вниманием. Основной правдой в деле Голицына является тот факт, что к 1961 году он, как и Пеньковский, понял, что его карьера испорчена, но в отличие от Пеньковского, который никогда не забивал голову теорией разведывательной деятельности, Голицын неустанно тянуло к вопросам реформирования и реорганизации службы. Потерпев неудачу со своими идеями в Советском Союзе,

самые амбициозные он взял с собой на Запад и там после медленного старта начал постепенно прогрессировать.

Стать чекистом было его детской мечтой. В 1944 году его, 18-летнего солдата, переводят из армии в школу контрразведки. После года учебы он три года работает по контрразведывательному обеспечению поездок советских граждан за рубеж, потом снова два года учится и попадает уже в Первое главное управление, в англо-американский отдел. С 1953 по 1955 год он находится в своей первой зарубежной командировке – в Вене, работая по советским эмигрантам в Австрии, потом по британцам. Затем снова учеба, на сей раз в Высшей школе КГБ, и после кратковременной работы в Центре по США и НАТО он едет в Хельсинки.

Но размеренная карьера не устраивала Голицына, в голове которого после разных курсов появились идеи о переустройстве мира, прежде всего того, что находится непосредственно вокруг него. Много лет спустя о Голицыне так говорил Петр Дерябин, бежавший на Запад в 1954 году (см. главу 6):

«Впервые я встретил Голицына в Москве в 1962 году, когда он работал в американском отделе, потом был с ним в Вене, где мы оба работали в резидентуре. Он был замкнутым и не привлекал к себе людей. Я был одним из его друзей, мне удалось снять номер в “Гранд-отеле” для него и его жены, на которой он женился перед самой командировкой.

Что меня больше всего удивляло в Голицыне – так это то, что он казался вечным студентом, а не практическим оперативным работником, которым он, вообще-то, являлся по положению. Он любил приврать и придумывал истории, которые делали его важным в глазах других. Он, например, рассказывал о себе, что в 1951 году был со Сталиным в Сочи. Но этого не могло быть, потому что Сталин не ездил туда в том году! Он вечно был полон планов, планов переделки всего и вся».

Своим следователям он поведал, что, мол, свой проект реорганизации Первого главного управления, разработанный вместе с другим коллегой, майором Кащеевым, он передал в Политбюро, и его там одобрили, но никаких реорганизаций не произошло. Позже он добавил, что сам Сталин одобрил их проект.

И вот этот неудержимый теоретик прибыл в 1960 году в Хельсинки и там начал пытаться улучшать дела. Скоро у него возник конфликт с резидентом, полковником Женниковым, по поводу того, как должна работать резидентура, и в 1961 году он сделал ту же глупость, как и Пеньковский за пять лет до него в Стамбуле (ранее автор указывал Анкару. – Примеч. перев.) – написал жалобу в Москву по поводу поведения своего шефа. Хотя он направил жалобу по каналам своей службы, результат, по крайней мере для перспектив его карьеры, получился такой же. Ему посоветовали заниматься своим делом, и с этих пор Голицын, не ладивший с коллегами, был взят на заметку Центром как возмутитель спокойствия. В такой ситуации могла бы помочь рука наверху, но такой у Голицына не было. Неудивительно, что он стал искать выход своим амбициям на Западе.

Семья его не удерживала: коллеги заметили, что ещё в Вене в самом начале семейной жизни дела в семье у него шли негладко. Он имел представление о западном образе жизни, читал американские газеты и книги, так что был знаком с американским менталитетом. Неприятие коммунизма было в нем в определенной степени. Но подтолкнуло его к побегу желание учинить скандал и повлиять таким образом на образ мыслей в правительствах. Так что побег был скорее импульсом эксгибиционизма, чем проявлением идеологии.

Надо различать содержание принесенного им багажа. С одной стороны, это информация офицера разведки, а с другой – его космические идеи о переустройстве послевоенного мира, которые были изложены в его одной-единственной публикации. То, что он рассказал о своем пребывании в Финляндии, на своем последнем посту, было разочаровывающе ничтожно. Он указал лишь советского агента в представительстве Британского совета в Хельсинки, женщину по имени Эльза Май Эванс. Это было важно, но незначительно. Но Голицын пошел дальше. Он стал называть высокопоставленных финнов советскими «агентами влияния». Пожалуй, за единственным исключением – и это было не секретом для Запада – его список оказался весьма сомнительным. Он, например, включал в себя самого главу финского государства президента Кекконена. Тогда считалась, что Кекконен был хорошим финном и использовал русских больше, чем они использовали его в своих целях. В глазах же КГБ он был одним из важнейших контактов.

На натовском фронте Голицын дал несомненно важные зацепки. В Москве перед поездкой в Хельсинки он занимался обработкой информации, и, хотя он не знал имен агентов, он знал сами материалы и откуда они шли. Так вышли на одного из главных советских агентов в штаб-квартире НАТО – Жоржа Пака^[49], заместителя начальника французского отдела управления прессы и информации. За Паком в Париже была установлена слежка, и выяснилось, что он регулярно встречается с Владимиром Хреновым, сотрудником советской разведки, замаскированным, как и десятки его коллег, под сотрудника ЮНЕСКО. 10 августа 1962 года Пак был арестован^[50] (с документами в портфеле) и признался, что работал на КГБ с начала 50-х годов. Среди важнейших документов, которые он передал, был оперативный план англо-французского нападения на Суэц в 1956 году и натовский план отражения молниеносной атаки Советского Союза на Западную Европу.

Сведения Голицына помогли позже разоблачить работавшего в НАТО канадского профессора Хью Хэмблтона, который тоже начал работать на Советский Союз в начале 50-х годов, но того поймали только в 1979 году. Канадские власти решили не подвергать его суду за сотрудничество с ними на том основании, что он выдавал не канадские, а натовские секреты. Но он имел глупость выехать в июне 1982 года в Британию, где его арестовали и отдали под суд за нарушение британского закона об охране государственных секретов (родился он в Оттаве, но его отец был британским подданным, и потому Хэмблтон имел двойное гражданство и двойную ответственность перед законом). 6 декабря того же года этот самый дружелюбный и эксцентричный шпион, которому тогда было 60 лет, начал отбывать 10-летнее заключение.

Вне сферы НАТО его сведения были несущественными. Главная трудность состояла в том, что, как обнаружили люди, допрашивавшие его, он более десяти лет упорно отказывался говорить по-русски. Его паранойя, что КГБ внедрилось во все звенья западных разведок, была настолько ярко выраженной, что он подозревал сотрудников ЦРУ или Миб, говоривших по-русски, в том, что они работают на КГБ. Так что он говорил на ломаном английском, который знал со школы, и это вело к взаимному непониманию и трате времени. Он часто использовал неправильные английские слова, потому что его словарь был

ограниченным или потому что думал на русском языке. В общем, его следователям приходилось многократно прокручивать пленки с записями, чтобы понять, что он хотел сказать. Другим препятствием было его высокое самомнение плюс туманность его сообщений. Он не принес с собой ни одного документа, и этот факт, а также неточность показаний никак не согласовывались с его утверждениями, что он готовился к побегу с 1956 года.

Голицын оказал некоторую помощь в поисках Филби. Он никогда не слышал этой фамилии, но слышал от своего знакомого Кашеева слово «пятерка». Кашеев побыл в лондонской резидентуре в 1953–54 годах, но его отправили домой, после того как британская полиция поймала его пьяным за рулем. О Бёрджесе и Маклине знали уже давно – это составляло два. Джона Кернкросса уволили из Уайтхолла и позволили уехать в Рим в Организацию ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства. Это три. Голицын смог только сказать, что один работает на высокой должности в британской разведке – почти то, что говорил несчастный Волков почти двадцать лет до него. Блант, который подходил под это описание, по крайней мере в прошлом, был раскрыт через другие возможности в 1964 году. Филби разоблачил себя своим отлетом в Москву в январе 1963 года. И все-таки слова Голицына о «пятерке» помогли усилить подозрения в отношении Филби в 1962 году.

Здесь стоит заметить об одной странности Голицына. Когда он заикнулся в разговоре с сотрудниками ЦРУ о существовании советского агента в британской разведке, его спросили, можно ли это передать британцам. Он ответил: «Да, но на высоком уровне. В нижних я не уверен». Так он рассуждал в 1962 году. Потом он стал петь иначе.

Наводки Голицына помогли раскрыть советское проникновение в адмиралтейство. По его словам, в эту святая святых Уайтхолла было внедрено два советских агента. Один, сравнительно молодой, был завербован в Москве в 1956 году, когда работал в военно-морском атташате, а теперь служит в Лондоне. Появился список из четырех человек, и один из них, Джон Вассал, и оказался тем самым офицером. Но Голицын настаивал, что, судя по характеру поступавшей информации, должен был существовать более старший офицер. Однако поиски и расследования больше ни к чему не привели.

В марте 1963 Голицын, который проявлял всё большее недовольство условиями пребывания в Соединенных Штатах, прибыл в Лондон, где его должны были допросить сотрудники Ми5. Он приехал и разворошил мир высокой политики и разведки. Незадолго до этого умер лидер лейбористов и, следовательно, кандидат в будущие премьер-министры Хью Гейтскелл, – умер от редкой в умеренном климате красной волчанки. Этот факт показался Голицыну примечательным, потому что он вспомнил, как один его знакомый в Москве говорил насчет готовящегося устранения «западного лидера». И Голицын решил, что речь шла о Гейтскелле. А тот за полтора месяца до смерти посетил советское посольство по поводу визы: он собирался посетить Москву по приглашению Хрущева. В консульском отделе он даже выпил чашку кофе. Голицын сложил один и один и получил пять: Гейтскелла убили русские, чтобы расчистить дорогу Гарольду Вильсону.

Но медицинские аргументы говорили, что, независимо от той чашки кофе, для развития такой болезни надо было периодически давать человеку новые дозы, чтобы добиться летального исхода. Но Гейтскелл находился под пристальным вниманием британских медиков.

В мире шла разрядка, департамент «мокрых дел» в КГБ приходил в упадок, и убийство Гейтскелла противоречило обеим этим тенденциям. К тому же в 1962 году, когда якобы была совершена эта акция, преемником Гейтскелла считался скорее Джордж Браун, а не Гарольд Вильсон, и замена Гейтскелла на ярого антикоммуниста Брауна отнюдь не могла входить в планы Кремля. Следует при этом заметить, что ни один из последующих советских перебежчиков из мира политики или разведки не принимал всерьез версию убийства Гейтскелла.

К числу дичайших преувеличений относятся утверждения, будто Голицын дал британцам «две тысячи наводок» на советских агентов в Британии. Они ограничивались десятками, и ему не повезло, что Лондону всё это было уже известно. За девять месяцев до бегства Голицына был разоблачен как советский агент сотрудник Миб Джордж Блейк. После ареста он во всем признался, а после приговора всё рассказал допрашивавшим его в тюрьме сотрудникам контрразведки, так что его информация покрывала рассказанное Голицыным, разве

что информация Голицына была многословнее и цветистее. Некоторые другие «открытия» Голицына оказались не столько цветистыми, сколько неточными.

Пребывание Голицына в Британии длилось четыре месяца и закончилось неожиданно. В редакции правой «Дейли телеграф» узнали из Вашингтона, что в Британии находится важный перебежчик из КГБ, и стали раскапывать настоящее имя Голицына. В конечном итоге тот разозлился из-за того, что стало известно его местопребывание, и сразу улетел в Вашингтон. Есть подозрения, что утечку организовали сами американцы, чтобы вернуть Голицына. И если это действительно сделали американцы (доказательств этому нет), то они должны были сразу пожалеть. Как только он вернулся в свой потайной дом в пригороде Вашингтона, где жил под другой фамилией и на ежемесячном жаловании, он распалился ещё больше в своих обвинениях. Он стал утверждать, что все советские беглецы – это люди Кремля и их единственная цель – дискредитировать его и помешать его великой миссии в западном мире. Что касается мира американской политики и разведки, то Голицын дал ему неизмеримо мало по сравнению с тем, что он дал Лондону.

Свой сценарий, основанный на вере в проникновение КГБ во все сферы деятельности западного альянса без всяких доказательств, он продолжил применять в отношении Лондона. Пользуясь частыми поездками Вильсона в Москву во время нахождения в оппозиции, он стал утверждать, что Вильсон, возможно, завербован КГБ. Всё это были предположения. Чтобы получить серьезные обвинения против окружения Вильсона, нужно было подождать нового советского перебежчика, который появился на лондонской сцене в 1971 году.

Голицыну явно нужен был мощный покровитель для продвижения своих идей, и он нашел его в лице Джеймса Энглтона, тогдашнего главы контрразведывательного подразделения ЦРУ. Было бы оскорбительно для интеллекта и высокого профессионализма Энглтона считать, что Анатолий Голицын убедил его в вездесущности руки КГБ на Западе (то же касается и помощника Энглтона, полностью поддерживавшего его в этом вопросе, по имени Рэймонд Рокка). Энглтон, наполовину американец по рождению, но полный по ассимиляции и лояльности, был одной из самых ярких и уважаемых личностей в ЦРУ. Он ещё в 1944 году возглавлял

контрразведывательные операции в Италии, а тогда ему было 27 лет. Энглtonу на момент появления Голицына было только 45 лет, но за прошедшие годы он пережил много разочарований, прежде чем этот догматик-крестоносец из Москвы появился на сцене.

Энглтон, как и все в западных спецслужбах, были потрясены бегством Бёрджеса и Маклина в 1951 году. Но, как вспоминают его коллеги, именно известие о том, что Ким Филби много лет был советским агентом, разрушило веру Энглтона в окружающий мир. Энглтон работал с Филби двадцать лет, прежде чем тот улетел в январе 1963 года в Москву. Они познакомились ещё в 1943 году в Лондоне, когда Энглтон был ещё молодым сотрудником спецслужбы, а Филби возглавлял иберийский отдел Ми6. Несколько лет Филби работал в Вашингтоне, они поддерживали тесную и постоянную связь и по службе, и лично. Похоже, что Энглтон был особенно расстроен известием о том, что это Филби помешал Волкову уйти на Запад в 1945 году (и подписал тому смертный приговор). Если уж человек такого уровня был агентом КГБ, то за кого же можно было поручиться? Энглтон уже был полон сомнений, когда в Вашингтоне приземлился этот советский пророк судьбы.

Голицыну удалось поднять панику в ЦРУ, когда он занялся поисками предателей в Вашингтоне, вспомнив о приезде в 1957 году в американскую столицу главы Второго главного управления КГБ. По его мнению, такой чин мог приехать только для встречи с агентом из ЦРУ (хотя для этого могли быть десятки других причин). Однако Энглтон начал искать собственного Филби в штаб-квартире ЦРУ. Поиски эти ничего не дали ни тогда, ни позже.

Он затеял возню и в другом вопросе и, как это ни странно, был родоначальником новой кампании – о советской политике дезинформации. Он отмечал, что его миссия – обратить внимание Запада не на борьбу разведок и контрразведок, а на главную стратегию Кремля в битве с Западом. Эти его мысли были изложены в его единственном труде. В нем он написал об упоре Кремля на «активные мероприятия», о чем будет сказано в одной из следующих глав. Делал он это, как всегда, без документальных подтверждений, точных дат и свидетельств из первых рук. Он был в плену убеждения, что с момента основания дезинформационного отдела «Д» во главе с полковником

Агаянцем его веселая компания только и делала, что одерживала дезинформационные победы по всему земному шару.

По его «новой методологии» разрыв с Тито был показательным с начала и до конца, то же самое – советско-китайский конфликт, а «пражская весна» являлась «контролируемой операцией (чехословацкого) партаппарата» (зачем тогда надо было устанавливать ещё и контроль со стороны армий Варшавского пакта?) И совсем уж черным фарсом кажется довод о том, будто движение «Солидарность» в Польше явилось ещё одним хитроумным трюком полковника Агаянца. Спасибо хоть советское вторжение в Афганистан он не подал как ещё одну дезинформационную акцию, хотя и здесь, похоже, он готов был сделать открытие.

«Синдром Голицына» нанес значительный ущерб в Британии во время дебатов по поводу окружения Вильсона, а также из-за раздоров вокруг сэра Роджера Холлиса и других кандидатов на место главного предателя. Но если британская разведка была разделена надвое, то американское ЦРУ разлетелось на многие куски. У десятков самых способных сотрудников карьера прекратилась или была подпорчена. Особенно это проявилось при поиске правды относительно роли Москвы в убийстве Кеннеди.

Двадцать пять лет спустя пророк представлял собой жалкое зрелище. Американцы увидели всю его паранойю во время поездок через океан дочери Сталина Светланы Аллилуевой. Когда она впервые приехала в Штаты, Голицын сообщил, что ей разрешили поездку, чтобы Голицын встретился с ней из чистого любопытства и тут же попал в лапы киллеров из КГБ. Когда же после нескольких лет пребывания на Западе она вернулась в Москву, то он не нашел сказать ничего другого, кроме как что Кремль отказался от его убийства. Голицын не изменил себе, когда она, уже в качестве Ланы Питерс, вернулась в Соединенные Штаты. Он сказал, что там снова решили его убить.

Чтобы быть последовательным, он и гласность Михаила Горбачева должен был считать «активным мероприятием». Сидя в изоляции в своем доме, он бомбардировал предостережениями Белый дом. Он держал пистолет при себе, как единственная личность на Западе, голос которой Кремль хотел бы заглушить. Если КГБ и хотело когда-нибудь убить его, то не после того ущерба, который он нанес

западному разведывательному сообществу. После этого он скорее получил бы от КГБ не пулю, а орден.

«Кость в горле»

3 июня 1962 года, менее чем через полгода после того, как Голицын появился на пороге резидентуры ЦРУ в Хельсинки, другой офицер КГБ, служивший в службе безопасности при советской делегации по разоружению, в перерыве между заседаниями отшел в сторону одного американца и попросил его об организации ему личной встречи. Так началась сага о Юрии Носенко, который станет ещё более противоречивой фигурой, чем Голицын, если это возможно. В отличие от Голицына, Носенко спецслужбы взяли в крутой оборот, но он потом вкусил эффектное отмщение. До сих пор спорят, кто из этих двух был из породы ангелов, а кто – преобразившийся советский дьявол.

История Носенко и началась неоднозначно. На первых встречах с американцами в Женеве (вначале с Питером Бэгли, сотрудником ЦРУ из Берна, к которому потом присоединился Джордж Кизевальтер из советского отдела в Лэнгли, человек с русскими корнями) Носенко представился подполковником, а позже выяснилось, что он только капитан. Его первый ход в партии мало соответствовал его заявленному рангу: он потребовал только 800 швейцарских франков в качестве первоначальной платы за шпионские услуги. Сумма казалась на первый взгляд абсурдно малой. Носенко объяснил, что он протратился, запустил руку в кассу КГБ и ему нужны эти деньги, чтобы вложить их в кассу. В ЦРУ уже были известны такие истории, так что его объяснение не показалось выдумкой. На самом деле, как признался много лет спустя Носенко, это было чистой неправдой. Он посчитал, что ему, мол, не поверят в ЦРУ, если он предложит работать на исключительно идейной основе, и потому выдумал историю про долг.

С самого начала была путаница относительно его намерений. Его американские контакты были убеждены после его отъезда в Москву, что он не готов физически к побегу. Носенко позже отрицал это: «На этих встречах в 1962 году я не говорил, когда я совершу побег. Я оставил этот вопрос открытым. Я только сказал, что надеюсь встретиться с ними в Женеве на следующий год, когда возобновятся

переговоры по разоружению. Я запретил всякие контакты в Москве, потому что хорошо знал о высокой технике наружного наблюдения».

Носенко, как и Голицын, никогда не писал о своей жизни. Но трудно судить о перебежчике как о человеке, не зная его прошлого и окружения. Юрий Иванович Носенко родился в 1927 году в Николаеве. Дед его и отец были рабочими на судостроительном заводе, отец окончил вечерний институт и стал инженером. Мать его была дочерью городского архитектора и, стало быть, принадлежала к высоким слоям городского общества. Это была культурная женщина, оказывавшая влияние на отца и на сына. Отец неуклонно продвигался по служебной лестнице. В 1934 году семья переехала в Ленинград, а в 1939-м – в Москву. Отец дошел до министра морского флота, умер в 1956 году и похоронен в кремлевской стене. Его именем называли николаевский судостроительный завод. Спустя восемь лет, то есть после побега сына, завод переименовали.

Отец направлял сына по морской стезе, но под влиянием своей культурной матери он решил стать дипломатом. Благодаря положению отца он без труда поступил в элитный Московский государственный институт международных отношений и по окончании попал в ГРУ, в разведку ВМС. В военно-морской разведке он служил следующие три года.

Знаменательным для него был 1953 год. Начать с того, что по возвращении в Москву он в этом году женился. Людмила происходила из высокопоставленной семьи. На встрече Нового 1953 года он познакомился с первым замминистра МГБ генералом Богданом Кобуловым, состоялся разговор о будущей карьере, и вскоре Носенко перешел во Второе главное управление, занимавшееся контрразведкой.

На протяжении последующих десяти лет он ходил зигзагом между Первым отделом этого управления, занимавшемся американцами, и Седьмым, созданным в 1956 году специально для вербовки западных туристов, приезжавших в Советский Союз. 1959 год был, похоже, урожайным для Седьмого отдела. Носенко писал потом: «В 1959 году мы сделали немало вербовок, среди них немало весьма интересных – профессора и учителя». Среди американцев, приехавших осенью того года, был и человек, которому суждено было сыграть роковую роль в мировой истории, как и малом мирке Юрия Носенко. Это был Ли Харви Освальд, решивший тогда остаться в Советском Союзе, а после

возвращения в Соединенные Штаты ставший убийцей президента Кеннеди.

Прежде чем подойти к роли Носенко в этой драме, проследим, как он постепенно склонялся к бегству на Запад. Согласно его рассказу, этот процесс начался во время его первого визита за границу. Это было в 1957 году, он выехал в Англию с группой спортсменов под фамилией Николаев как сотрудник Министерства культуры СССР. Он испытал впечатление, знакомое и по другим перебежчикам – от изобилия в магазинах и от явно более высокого уровня жизни трудящегося человека. Однажды он разговорился с водителем автобуса и узнал, что у того свой дом, а не какая-нибудь комната в коммунальной квартире и что его жене нет необходимости работать, так как его зарплаты хватает.

В 1957 Носенко ещё не готов был уйти, но решил пойти на ни к чему не обязывающий контакт. На приемах часто появлялся некий «мистер Саттон», которого резидентура КГБ считала сотрудником Ми5. Носенко подошел к нему и попросил сводить в типичный лондонский паб. Англичанин с радостью оказал ему эту услугу. Пару часов они пили пиво и болтали. В конце Носенко подарил ему баночку черной икры. Перед отъездом делегации англичанин подарил ему сверток. Носенко надеялся найти там какую-то записку, но нашел только лондонскую пивную кружку. Если «мистер Саттон» и был из контрразведки, то по каким-то причинам воздержался от послания. С другой стороны, коллеги Носенко могли принять за контрразведчика обычного мистера Саттона.

По словам Носенко, он сделал попытку заинтересовать западные спецслужбы в 1960 году, когда в аэропорту Амстердама по дороге с Кубы он оставил пачку секретных документов с письмом, но никто их не взял. Поэтому для третьего контакта – через два года в Женеве – он выбрал американца из официального дипломатического списка. Но через год он не приехал в Швейцарию, потому что в 1963 году не было переговоров «с его участием», но приехал с делегацией в январе 1964 года и по условленному сигналу встретился с Бэгли. Дела стали развиваться быстро и приобрели для американцев неожиданный оборот. Бэгли свидетельствовал, что уже к концу 1962 года у него появились серьезные сомнения насчет надежности Носенко, и это объясняется информацией, которую давал Голицын и с которой Бэгли

познакомился в Вашингтоне. То, что говорил Носенко, расходилось с показаниями Голицына.

Таким образом, в 1964 году Носенко был совершенно незнаком Бэгли. Сотрудник ЦРУ по своей профессиональной привычке подозревал Носенко в том, что это «подстава» КГБ и она имеет цель дискредитировать предыдущего беглеца. Более серьезные подозрения появятся позже, а первое подозрение вряд ли было обоснованным, потому что русские, весьма скрупулезные в вопросах безопасности, не стали бы выпускать разгуливать по Западу человека, знавшего слишком много об операциях КГБ. Но как бы то ни было, подозрения Бэгли усилились на встрече, когда Носенко прямо сказал: «Питер, я не еду домой».

Бэгли пытался уговорить Носенко вернуться в Москву и быть «агентом на месте» (т. е. действующим, нерасшифрованным агентом. – Примеч. перев.), хотя связи с ним в Москве по-прежнему не будет. Образовалась тупиковая ситуация. В конце недели Носенко закончил препирательства тем, что сам явился в ЦРУ со своим багажом и заявил, что мосты сожжены. Когда его вновь стали отговаривать, Носенко, как он сам позже признал, соврал, что, мол, пришла грозная телеграмма об отзыве его в Москву. Он писал: «Я придумал это, чтобы надавить на американцев и заставить их действовать. Так и вышло: в ту же ночь меня перебросили во Франкфурт».

В жизни Носенко не случилось ничего особенного, что бы толкнуло его в начале 1964 года к бегству на Запад. Хотя он считался в своем ведомстве несколько необузданным человеком, сверх среднего пристрастившийся к водке и женщинам, его служебные перспективы, хотя и не блестящие, не были заблокированы, как у Пеньковского. Ему не давали заданий убивать людей, как Хохлову. У него не было неприкрытой вражды с начальством, как у Петрова или Голицына. В нем не происходило процесса постепенного разочарования, когда достаточно вспышки возмущения, чтобы уйти, как это было у Дерябина. Ему не угрожал арест, как Гузенко. Он не ненавидел жену, как Растворов. Или он решил, что пришло время навечно выбрать тот образ жизни, о котором он думал с юности?

Но это было бы слишком упрощенным объяснением. Что же касается семьи, то в этом сценарии ухода для неё не было места. Он пытался, по его словам, получить назначение в Эфиопию, чтобы

убежать оттуда с женой и двумя маленькими дочерьми, родившимися в 1954 и 1958 году, но эта попытка не удалась. В Москве ещё оставались брат и мать, которой он был многим обязан. Жена и мать прислали ему через американское посольство в Москве письма, полные упреков и призывов и написанные, очевидно, под диктовку.

Но существовало и другое, весьма отличное, объяснение его побега. Он принес с собой информацию невиданного политического значения. Он заявил, что вел в Москве дело Ли Харви Освальда и видел все тома дела об убийце президента Кеннеди. КГБ, заверил он американцев, «чисто» в этом деле, и Кремль не имеет ничего общего с убийством в Далласе.

Но вначале о личности убийцы. 26-летний бывший солдат морской пехоты приехал в Москву из Хельсинки осенью 1959 года. 31 октября он вручил Ричарду Снайдеру, консульскому сотруднику посольства США в Москве, заявление об отказе от американского гражданства; он также указал, что подал просьбу о предоставлении ему советского гражданства. В «вызывающей и агрессивной» манере он сообщил, что «предложил советским властям любую информацию, которую получил в бытность оператором радара». Эти слова были подчеркнуты в тексте телеграммы посольства в Госдепартамент. Освальд действительно служил одно время в Японии на авиабазе, которая обслуживала сверхсекретные самолеты У2, но не имел отношения к ним и к информации по ним. 21 октября, услышав от сотрудника «Интуриста», что его виза не может быть продлена, он вскрыл себе вены, но его вовремя перевезли из ванной комнаты гостиницы в Боткинскую больницу. 4 января 1960 года ему выдали вид на жительство, сказали, что советский Красный Крест будет выплачивать ему деньги, чтобы он мог начать новую жизнь, и сообщили, что жить он будет в Минске. «Это в Сибири?» – спросил он. Паспортист рассмеялся.

До конца своего пребывания в Советском Союзе он жил в Минске. Ему дали работу на радиозаводе, почти бесплатную однокомнатную квартирку в пяти минутах ходьбы от завода, с ванной и двумя балконами. («Это квартира-мечта для русских», – писал он в своем дневнике). 700 рублей в месяц он получал от Красного Креста и столько же зарабатывал на заводе. Но постепенно в нем усиливалось разочарование. 4 января он написал в своем дневнике: «Я начинаю

передумывать насчет желания остаться. Работа скучная, деньги, которые я получаю, тратить негде, никаких ночных клубов или боулинга, никаких мест отдыха, кроме профсоюзных танцев. Я сыт всем этим». После того как он направил первое письмо в американское посольство о своем разочаровании, он познакомился на танцах с девушкой по имени Марина и через две недели сделал ей предложение, которое было принято. На некоторое время новая жизнь притупила тоску по дому. В июне 1961 года он сказал своей «слегка вздрогнувшей» жене о намерении уехать с ней в Штаты. В феврале 1962 года родилась девочка. Русские не чинили препятствий в возвращении, и американцы вернули паспорт. Наконец, в июне 1962 года Освальд с семьей выехал в Вернон, штат Техас, где жила его мать. Русские больше не видели его и не слышали о нем. Но в сентябре 1963 года человек по имени Ли Харви Освальд пришел в советское консульство в Нью-Мексико, якобы поинтересоваться ответом на телеграмму, посланную им в Москву. Этот факт был отражен в деле ЦРУ на Освальда. А следующий документ касался уже Далласа, штат Техас.

Отбросив в сторону непостижимость того, чтобы Кремль решил убить в то время лидера западного мира, даже если бы он решился на это, КГБ ни за что не поручил бы такую работу Освальду, который за время пребывания в Советском Союзе показал себя личностью импульсивной, неустойчивой и ненадежной.

Но кажется и невозможным, чтобы режим каким-то образом не использовал Освальда, а КГБ не оказал ему особого внимания. Ему дали вид на жительство, деньги, «квартиру-мечту», не помешали жениться на дочери полковника милиции и, самое интересное, никоим образом не помешали возвращению в Соединенные Штаты, и вместе с семьей. А это противоречит утверждению Носенко о том, что КГБ «чист» в деле Освальда и никогда «активно» не занимался им. Поскольку подтверждений словам Носенко не было, допросы его длились не месяцы, а годы. На него напустился и Голицын, который утверждал, что Носенко прислан Кремлем, чтобы дискредитировать его, Голицына. Об этом он говорил и в офисе Энглтона. Того, учитывая его мрачную философию, не пришлось долго убеждать. Голицын пролил на Носенко весь свой яд, и это его заслуга, что ЦРУ держало Носенко 1277 дней, причем 292 дня из них его допрашивали,

временами при строгих условиях содержания. Лишь в октябре 1967 года Носенко дали «повышенную степень свободы и независимости».

Однако противоречия в его показаниях долго не давали покоя спецслужбам. В частности, удивлялись тому, что в КГБ не допросили Освальда по поводу его службы в морской пехоте – элитном роде войск – и его службе на аэродроме, который обслуживал самолеты У2. Заместитель директора ЦРУ Дик Хелмс, человек осмотрительный, спустя несколько лет сказал по поводу показаний Носенко об отношениях между КГБ и Освальдом, что он не знает, «как освободиться от этой кости в горле». Помогло время. Показания последующих беглецов не противоречили показаниям Носенко. Так что за недоказанностью противоположного показания Носенко остаются неоспоримыми. Правда же в том, что правды мы никогда не узнаем.

С Носенко в апреле 1969 года были сняты все подозрения, и ему начали платить деньги как советнику ЦРУ, временами с доплатами, хотя многие противники Носенко говорили, что ЦРУ зря приняло на службу этого противоречивого человека. Многим сотрудникам ЦРУ из числа старой гвардии эта «кость в горле» будет мешать до конца их дней.

Колесо крутится

Плюс и минусы

Переходя к 70-м и 80-м годам, мы должны сказать, что это были годы хорошего урожая для западных спецслужб, причем хорошего не по количеству, а по качеству. Отсчет начинается с любопытного, но важного плюса и нескольких равно любопытных, но относительно незначительных дел, которые и с плюсами, и с минусами.

Плюсом был Олег Лялин из состава огромного советского торгового представительства в Лондоне. У него не было диппаспорта, и это создало ему проблемы, когда на рассвете 31 августа 1971 года рано утром его машину, управляемую явно нетвердой рукой, остановила полиция. Водитель был пьян. Он назвал свое имя и официальный статус, но отказался пройти проверку на дыхательной трубке или анализ крови или мочи в местном отделении полиции. Он нарушил предписания закона, отказавшись пройти проверки, и утром предстал перед судьей, после чего был отпущен под залог в 50 фунтов, который внес сотрудник советского посольства Александр Абрамов, тоже, как и Лялин, из КГБ. Перед Лялиным стояла перспектива открытого суда и краткого срока тюремного заключения. Лялина нужно было высылать из страны.

Но это не входило ни в советские планы, ни в планы британской контрразведки Ми5 – правда, по другим причинам. Все дело в том, что ещё в феврале 1971 года Лялин был завербован ею в основном на почве бурного любовного романа со своей секретаршей, некой Ириной Тепляковой. Первым требованием в обмен на сотрудничество было предоставление надежного убежища в качестве любовного гнездышка для обоих, и это требование в конце концов было удовлетворено. Оба состояли в браке, но их супруги жили в Советском Союзе. Наступило время для обеих сторон этой сделки действовать, и Лялин официально стал беглецом.

Значение Лялина было и недооценено, и переоценено. Олег Лялин был определенной исторической вехой, так как явился первым послевоенным сотрудником советской разведки, оставшемся в Британии, первой вербовкой Ми5, в отличие от Ми6.

Один аспект его профессиональной деятельности также недооценили. В его задачу входило определение целей для террористических ударов по Британии изнутри в случае войны. Один из проектов, над которым он работал, был направлен на создание затруднений в работе железнодорожной системы. Другой предусматривал разбрасывание малюсеньких шариков с нервно-паралитическим газом в коридорах и под коврами британского МИДа, которые лопались бы под ногами и выводили бы из строя дипломатов.

В таком качестве Лялин работал на отдел «В» (саботаж, убийства в военное время). После бегства Лялина отдел был ликвидирован. Вновь ожил он через несколько лет в виде Восьмого отдела в управлении, занимавшегося нелегальной разведкой. Так что кратко – и среднесрочный ущерб операциям КГБ был нанесен чувствительный.

С другой стороны, хотя Лялин назвал и десятки имен, было бы неверно считать его единственной причиной массовой высылки в сентябре этого же года 90 советских сотрудников из Великобритании (и запрет на возвращение в страну 15 других, которые находились за пределами страны).

Лялин раскрыл несколько агентов. Любопытно дело агента Абдулкадера, выходца из Малайзии, который работал в департаменте выдачи автомобильных номеров при Большом совете Лондона, через которого проходили специальные списки номеров, принадлежавших спецслужбам. Абдулкадер был осужден 8 февраля 1972 года сроком на три года. А за два месяца до этого были осуждены соответственно на четыре и пять лет тюрьмы два других агента на связи у Лялина – греки-киприоты Константинос Мартиану и Кириакос Кости.

Однако последовавшая за его бегством массовая высылка – это не только результат его бегства. Род деятельности большинства из списка в 115 человек – по одной из оценок, 80 процентов – был известен британским властям и без помощи Лялина. Но если он и не был причиной, то предлогом для самой массовой в истории разведок высылки. Более поздние перебежчики показали, что она явилась ударом приливной волны по Центру.

Переиграли с его обвинениями в просоветских симпатиях в окружении Вильсона и связанных с этим опасных просчетах в вопросах безопасности, о чем десять лет говорила Кассандра в лице Голицына. И вот в начале 70-х Лялин снова вернул к жизни этот дух,

когда ещё действовал как «агент на месте». Хотя и не столь голословный, как Голицын, он дал только одну «наводку»: его коллега-литовец Ричардас Вайгаскус, также работавший «под крышей» торгпредства, был на связи с богатым британским производителем плащей Иозефом Каганом, также выходцем из Литвы, а Каган, в свою очередь, был другом и спонсором Гарольда Вильсона. В 1972 году Вильсон, будучи в оппозиции, сам попросил, чтобы его допросили в Ми5 по поводу всех обвинений. После того как ему ничего не предъявили по существу, он поблагодарил сотрудника контрразведки и сообщил ему, что Каган, его чисто светский знакомый, не получал сколько-нибудь важных документов. Отношений с Каганом Вильсон не прекратил, но это оказался не очень удачный друг для него: позже он был осужден за воровство. Позже, когда Вильсон пришел к власти, поговаривали, что некоторым министрам не показывали особенно важных документов. Но это уже другая история, в которую Лялин ничего не привнес, кроме специфической атмосферы.

Из событий начала 70-х следует отметить необычное стечение «повторных побегов» в Советский Союз офицеров, которые только на короткое время перешли на Запад. Серия началась, и в довольно странной форме, с Анатолия Кузьмича Чеботарева, 37-летнего майора из технической службы ГРУ, работавшего в Брюсселе под прикрытием тамошнего торгпредства. 2 октября 1971 он внезапно появился в британском посольстве в Брюсселе и попросил политического убежища, на что сотрудник посольства ответил ему, что в связи с начавшимся уик-эндом в посольстве никого нет и ему лучше зайти в понедельник. Чеботарев решил не мешать британскому посольству проводить уик-энд и тем же вечером отправился в американское посольство, где ему сразу пошли навстречу. Через пять дней он был уже в США, где указал на допросах 33 сотрудника спецслужб, работавших под разными прикрытиями в Брюсселе (большинство были выдворены потом бельгийским правительством).

В течение осени советское посольство бомбило американские власти просьбами разрешить советским представителям встретиться с Чеботаревым. Наконец, с согласия ЦРУ и под наблюдением ЦРУ Чеботарева 21 декабря 1971 года привезли на встречу с советским временным поверенным. Чеботарев ехал на встречу неохотно. Три дня спустя эта неохота настолько испарилась, что Чеботарев сам явился в

посольство и попросил отправить его в Советский Союз. Двумя днями позже он был отправлен самолетом в Москву – судя по всему, по его воле. Его дальнейшая судьба неизвестна, как неизвестны и доводы, с помощью которых его убедили вернуться (а что же делали присутствовавшие на встрече сотрудники ЦРУ? – Примеч. перев.). Очевидно то, что он с самого начала не был подсадной уткой КГБ. Не поддается логическому объяснению, чтобы русские подставили своего человека, он выдал разведывательную информацию, а потом его вернули в Москву и похлопали по плечу, вместо того чтобы оставить в логове противника.

Те же мысли посещают относительно другого из этой группы. 12 июня 1972 года Николай Григорьевич Петров, 32-летний капитан ГРУ, работавший переводчиком в аппарате военного атташе посольства СССР в Джакарте, разбил свою машину, будучи в пьяном виде, напротив посольства США и тут же заявился в американское посольство, чтобы попросить политического убежища (он понимал, что за разбитую машину придется отвечать). Однако вряд ли он намеревался попасть в Соединенные Штаты, когда в панике и под влиянием алкоголя принимал свое решение. 12 ноября 1973 года он вновь бежал – на сей раз в посольство СССР в Вашингтоне.

Совсем экстраординарный случай произошел вслед за этим. В июле 1972 года молодой лейтенант КГБ Артуш Оганесян вместе с женой и ребенком перешел в Турцию. Это было явно не импульсивное решение, как в случае с Петровым, потому что лейтенант организовал рыбалку вместе с семьей у самой границы. Месяц его допрашивали турки, потом его перевезли в Соединенные Штаты, где его чуть ли не год допрашивали в ЦРУ и где он сообщил много ценной информации, включая имена более двух сотен сотрудников КГБ, часть из которых работали в Штатах. Он привез с собой и весьма необычный «подарок» – ежегодно выпускаемый в КГБ перечень лиц (артисты балета и оперы, музыканты, ученые, моряки торгового флота, даже цирковые клоуны, а также сотрудники госучреждений), которые не вернулись из поездок на Запад. Это издание содержало тысячи имен с краткими биографическими данными на каждого. Так что искренность Оганесяна никак нельзя было ставить под вопрос (главным побудительным мотивом бегства была для него, по его словам, коррупция в КГБ).

Но прошли первые месяцы жизни в непонятной стране, и ностальгия по родине взяла верх над неприятием порядков там. Решающий эмоциональный кризис произошел весной 1973 года, когда жена сообщила ему, что у них будет второй ребенок. И оба решили, что, несмотря на любые последствия для них, ребенок должен родиться на их родине. Но они несколько затянули, и ребенок родился в самолете «Аэрофлота». По дороге самолет сделал посадку в аэропорту «Хитроу», где британские власти поинтересовались у пары, действительно ли они возвращаются по собственной воле. После этого на Западе о них ничего не известно.

Последний из этой серии случай оказался копией происшествия с Николаем Петровым. 10 сентября 1972 года лейтенант ГРУ Николай Георгиевич Сорокин, числившийся секретарем в советском военном атташате во Вьентьяне, врезался на автомашине в дерево в лаосской столице и вскоре после этого пошел в американское посольство с целью бежать на Запад. Как и Петров, он крепко выпивал и, как и Петров, не прижился в Соединенных Штатах, где успел сообщить некоторую не из ряда вон, но полезную информацию. Он был человеком настроения, импульсивным. В довершение его неприятностей пистолет, который он приобрел, октябрьским днем 1973 года случайно выстрелил и разбил телевизор. На следующий же день он явился в советское посольство в Вашингтоне и попросился в Союз. 26 октября он отправился на родину. На следующий день его бывший шеф по Вьентьяну полковник Владимир Петрович Гречанин был вызван в Москву. Сорокин – единственный из этой группы, о котором что-либо известно: в одном из самиздатовских сборников сообщалось, что ему дали 20 лет.

Четыре сотрудника КГБ и ГРУ бежали в США в течение года и все вернулись через несколько месяцев в Советский Союз. По заведенному порядку? Есть ли в этом что-то зловещее? Трудно сказать. Даже самые фанатичные беглецы типа Голицына не могли сказать, что они были посланы на Запад. Если и да, то мотивы затуманены до крайности. А между тем они нанесли известный ущерб советской разведке – от умеренного до существенного. Их информация при проверке в основном подтверждалась. Они не внесли никакого разброда в разведки Запада, не сообщали дезинформацию. В каждом случае их просьбы о репатриации были выражены по собственному

выбору и объяснялись семейными обстоятельствами (в случае с Оганесяном) или проблемами характера (остальные три). Возможно, что более внимательное отношение к ним со стороны принимающей стороны удержало бы кого-то из них на Западе.

Заместитель Генерального секретаря

Это была весьма экстравагантная сцена: весенним вечером 1976 года высокий советский официальный представитель стоит с расширенными глазами в ванной комнате дорогого гаванского отеля. Его ужас вызван не тем, что он видит, а тем, чего он не видит. А не видит он станка для безопасной бритвы с цифрами на ручке для регулировки наклона лезвия. А дело в том, что перед отбытием из Нью-Йорка на конференцию по апартеиду на Кубе ЦРУ дало ему два станка-близнеца. Разница между ними была в том, что в одном из них был запрятан микрофильм с планом бегства в случае опасности. И вот теперь, кажется, горничная украла станок вместе с рубашками. Тот ли станок, который может выдать его?

В холодном поту он лезет в чемодан и достает близнеца. Его охватывает паника, когда он вертит ручку, а она не поддается. Значит, горничная – агент и его секрет выплывет наружу! Он повторяет попытку, уже более внимательно – и потайная камера открывается, показывая спрятанный ролик микрофильма. Значит, человек в безопасности и может продолжать свои обязанности в составе советской делегации. Если бы он действительно был выдан в этот день кубинским агентом, то кубинские и советские спецслужбы испытали бы самое большое потрясение в своей истории. Ибо человеком с двумя станками был Аркадий Николаевич Шевченко, заместитель Генерального секретаря ООН, который в последние несколько месяцев работал на американцев и будет потом самым высоким советским официальным лицом из когда-либо бежавших на Запад. Шевченко никогда не состоял в советских спецслужбах, хотя в начале карьеры его пытались убедить перейти к ним. А вот ЦРУ добилось своей цели к концу его карьеры. Но, несмотря на это, он знал о механизме советского полицейского государства не меньше перебежчика из КГБ или ГРУ.

Карьера дипломата получилась у него сама собой. Родился он в 1930 году в Горловке на Восточной Украине. Отец его был местным врачом, мать медсестрой. Когда ему исполнилось пять лет, семья переехала в Евпаторию, где отец стал администратором

туберкулезного санатория (ему дали звание подполковника, приняли в партию). Потом пришла война, вызвавшая у ребенка подъем патриотических чувств. На войне погиб старший брат, воевавший в авиации. В 1945 году отец приобщился, хоть и на несколько часов, к высокой дипломатии. В Ялте проходила конференция, на которой Сталин принимал в качестве хозяина больного президента Рузвельта и премьер-министра Черчилля. Доктор Шевченко был вызван на церемонию встречи в симферопольском аэропорту как один из членов команды врачей, которым было поручено пронаблюдать и доложить о состоянии здоровья американского президента. Вернувшись домой, рассказывал, что здоровался за руку с великим Сталиным и был представлен обоим западным государственным деятелям. Он привез с собой кое-какие слухи о том, что эти гиганты собираются создать какую-то новую международную организацию по сохранению мира в послевоенном мире. Его сын потом писал: «Думаю, мой интерес к ООН берет начало в те годы». В 1949 году, окончив школу, он делает первый шаг в этом направлении. Он отверг родительские попытки направить его по семейной, медицинской, линии, а подал заявление и поступил в МГИМО, откуда черпало кадры министерство иностранных дел. «Меня привлекала идея стать дипломатом и ездить по миру», – писал он позже.

И не только его. Институт был популярен у тогдашней «золотой молодежи», там учились дети министров и партийной элиты. Эти людям были доступны все радости жизни, которые мог предложить Советский Союз, и им хотелось двигаться ещё дальше в этом направлении, наслышавшись рассказов друзей или родственников о жизни за рубежом. Аркадий поступил в институт отчасти благодаря положению его семьи, хотя и весьма умеренному, и отчасти благодаря своим школьным знаниям. В четырехэтажном здании у Крымского моста в Москве Аркадий учился на факультете международных отношений, основным иностранным языком был французский, он мечтал стать дипломатом в Париже. Окончив пятигодичный курс, он одно время хотел пойти по академической стезе, но встреча со значительной кремлевской фигурой изменила его планы.

Институт с ним оканчивал Анатолий Громько, сын советского министра иностранных дел, и он предложил Шевченко написать вместе статью в журнал «Международная жизнь» – полуофициальный

орган МИД СССР, главным редактором которого был сам Андрей Громыко, – о роли парламентов (как это слово понимали в коммунистической системе мер) в борьбе за разоружение. А весной этого 1955 года Шевченко уже опубликовал в этом журнале статью «Проблемы атомной энергии и мирного сосуществования». И вот Анатолий с другом и их общей статьей пришли к Андрею Громыко. Великий человек радушно принял их в своей мрачной квартире, одобрил статью, внося легкие поправки, а потом спросил Шевченко, что он собирается делать. Тот сказал, что разрывается между намерением пойти по академической части, защитить диссертацию, и дипломатическим поприщем. Министр заметил, что то и другое можно сочетать. Пока на этом и кончилось. Но через несколько месяцев Шевченко пригласили в МИД и предложили место атташе в новом отделе по вопросам ООН и разоружения, возглавлявшемся Семеном Царапкиным.

Были две причины, по которым Шевченко согласился на эту карьеру. Во-первых, потому, что он был женат, у него был ребенок. Он с первого взгляда влюбился в красивую блондинку Лену, это было на катке в парке культуры Горького зимой 1951 года, а в июне того же года они поженились. В ней была редкая смесь кровей – польская, латышская, латвийская, белорусская. Ее многочисленные родственники, говорившие на разных языках, не любили советское полицейское государство. Желание Лены увидеть жизнь получше исходило из рассказов о жизни в советской зоне оккупации Австрии. Там жила её мать с отчимом, который работал инженером на заводе, захваченном Красной армией в качестве части военных репараций. Одежду, которую она время от времени привозила, сама по себе говорила о качестве жизни почти на другой планете, хотя страна и находилась под четырехсторонней оккупацией. Супругов Шевченко не нужно было убеждать, что жилищные условия самого бедного австрийского крестьянина были лучше, чем у них: они начали семейную жизнь в комнате трехкомнатной коммунальной квартиры, в которой ютилось пятнадцать человек.

Вторым резонансом работать в МИД был тот факт, что его специальность, разоружение, стала привлекать интерес Кремля. С приходом Хрущева он надеялся применить свои знания на практике. Счастливый и энергичный Аркадий Шевченко пришел в украшенное

орнаментами 23-этажное здание на Смоленской площади, которое впредь будет направлять его жизнь.

Сразу же у него возникли недоумения. Он пришел в МИД в середине октября 1956 года, а 23 октября началось восстание в Венгрии против коммунизма и русской оккупации, которое через десять дней было подавлено советскими танками, а затем порядок поддерживался с помощью полицейских репрессий в духе худших времен сталинизма. Как же Хрущев, который публично порвал со сталинизмом, мог одобрить такую жестокость? Не только поиск ответа на этот вопрос беспокоил молодого сотрудника.

Годы спустя он писал о своем недоумении по поводу того, что, сидя, как он думал, в центре активности и информационного потока, увидел отсутствие полезной информации с первого до последнего дня венгерского кризиса. Сотрудники ограничивались чтением обычных телеграмм ТАСС из Будапешта, которые давали только общую картину событий. Даже закрытые сообщения ТАСС, предназначенные для высокого руководства, давали отрывочную и одностороннюю картину. Старшие и младшие сотрудники напрасно ждали реакции из посольств в западных, нейтральных странах и странах «третьего мира». Эти телеграммы не приходили в министерство. Это был для Шевченко первый привкус голодного рациона насчет официальных инструкций и информации. На это он будет сетовать всю свою карьеру.

Но его, так сказать, физический комфорт рос. Он прошел через стальные двери, за которыми находился спрятанный мир привилегированных советских каст. МИД имел собственный ресторан, свое медицинское обслуживание, свои дома отдыха и здравницы, свои магазины одежды. Теперь Шевченко уже больше не будет обыкновенным советским гражданином. На высших уровнях власти это разделение принимало порой комический характер. Министр Андрей Громыко, по словам его дочери Эмилии, двадцать пять лет не ступал ногой на московские тротуары. С ним была тесно связана карьера Шевченко.

В сентябре 1958 года, после двух лет работы по подготовке советских предложений в области разоружения, он осуществил свою детскую мечту – поездку за границу, причем в Соединенные Штаты. Он вместе с советской делегацией выехал на три месяца в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН в качестве эксперта. Хотя он

был больше подготовлен к встрече с Нью-Йорком, чем простой гражданин, Нью-Йорк произвел на него сильное впечатление ухоженными домами, аккуратными лужайками, бесконечной стремниной автомобилей, обилием магазинов и лавок, богатством выбора в них. Членам делегации в воспитательных целях организовали поездку по самым неприглядным районам, включая Гарлем и Боури, но и там он увидел обилие фруктов и богатые книжные магазины, а также дешевые магазинчики, которые могли бы показаться пещерой Аладдина по сравнению с московскими магазинами.

К счастью для этого молодого человека, МИД связал его карьеру именно с этим городом, который так пленил его. В сентябре 1960 года он снова приехал в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи – уже как полноправный член делегации, которую возглавлял Никита Хрущев. Делегация прибыла в Нью-Йорк на борту небольшого лайнера «Балтика», вместе с Хрущевым на борту были партийные лидеры Венгрии, Румынии и Болгарии. Десять дней Шевченко жил в такой обстановке и общался с руководителями коммунистического мира. Хрущев, «простой человек, почти лысый, с маленькими пороссячьими глазками и несколькими крупными бородавками на круглом, типично русском лице», был тогда в несомненном зените власти. Он произвел на Шевченко впечатление своей безграничной, неукротимой энергией. Особенно это впечатление усилилось во время шторма, когда пассажиры и чуть ли не половина команда слегли от качки, а Хрущев как ни в чем не бывало ел, пил и посмеивался над слабаками. Шевченко много раз видел этого великого человека. Дипломата часто видели читающим, но произведения западных авторов ему были малоинтересны, а учить иностранный язык не имел намерения. «Мне бы русский как следует выучить», – признавался он.

Хрущев много переписывал и правил свою речь перед Генеральной Ассамблеей, где собирался выдвинуть идею всеобщего и полного разоружения. Раз молодой эксперт осторожно заметил, что эта идея не заменяет практических дискуссий между Востоком и Западом. Хрущев на это ответил, что по советской расстановке вещей пропаганда и реальные переговоры не противоречат друг другу, а дополняют.

1 октября Шевченко и остальная советская делегация окаменели и ступшевались на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, когда

Хрущев стал показывать себя в самом негативном виде перед всемирным форумом. Это был тот широко известный случай, когда Хрущева так занесло в атаке на испанского диктатора генерала Франко, что его был вынужден осадить председательствовавший на ассамблее ирландец Фредерик Боланд за выпад против главы государства – члена ООН. Но это было лишь легкой увертюрой к последовавшей затем сцене, которая разразилась, когда на трибуну поднялся для ответа испанский министр иностранных дел Фернандо Кастиэлья. Вначале Хрущев в знак протеста стал стучать кулаками по столу, а потом в нем и вовсе прорвался скверный актер и необузданный крестьянин: он снял ботинок и стал колотить им по столу, чтобы заставить говорящего замолчать. И далее, когда Кастиэлья возвращался на свое место и проходил мимо стола советской делегации, Хрущев прямо-таки бросился на него, размахивая кулаками, так что охрана в зале бросилась защитить хрупкого испанца. Хрущев долго не мог успокоиться. Остальная делегация была ошарашена. Громыко побелел от гнева. Хотя Шевченко тогда и не понимал этого, он присутствовал при том, как Хрущев забивает своим ботинком первый гвоздь в свой политический гроб.

Через два года был гвоздь покрупнее – кубинский кризис. Шевченко наблюдал за ним со спокойных берегов Женевского озера, где работал в составе советской делегации в Комитете по разоружению. В течение месяца он и его коллеги вместе со всем миром затаив дыхание следили за событиями. Они ничего не знали о планах Хрущева, не получали никакой информации, кроме сообщений западных СМИ, пока развертывалась борьба между Кремлем и Белым домом. Из Москвы не пришло ни строчки информации, никаких инструкций главе делегации Семену Царапкину, нужно ли продолжать переговоры с Соединенными Штатами и Великобританией о запрещении ядерных испытаний, когда мир находился на пороге полномасштабного ядерного взрыва. Это был ещё один пример наплевательского отношения высшей инстанции к остальной официальной сети. Кубинский кризис похоронил иллюзии Шевченко в отношении Хрущева.

В 1963 году Шевченко снова направляют в Нью-Йорк, теперь уже не только экспертом по разоружению, но и во главе ключевого подразделения советского представительства при ООН – по делам

Совета Безопасности и политическим вопросам. Среди двадцати восьми дипломатов только семь были мидовцами, остальные – из КГБ и ГРУ.

Он позднее писал о проблемах, возникавших в связи с таким положением. Он постоянно жаловался шефу КГБ в Нью-Йорке генерал-майору Глазкову, что эти псевдодипломаты лишь расшифровывают себя, отказываясь принимать участие в работе представительства. Но к его словам не прислушивались. У генерала были свои «ниши» в представительстве, выделенные Москвой, и только Политбюро могло их отнять. Как бы то ни было, сотрудники КГБ игнорировали работу в представительстве и потому были безразличны и к самой ООН. Для этих кукушек в дипломатическом гнезде мировое сообщество было лишь платформой для проведения разведывательных операций против американцев. Они никогда не вмешивались в решения Шевченко, потому что не испытывали никакого интереса к ним.

Однако такое подавляющее присутствие спецслужб имело и свои плюсы: в КГБ были лучше, чем дипломаты, осведомлены о преобладающих настроениях в Москве, а потому могли знать о ближайших поворотах в советской внешней политике. Они курсировали то в Москву, то обратно и приносили «внутреннюю информацию», которую Шевченко и его коллеги по крупицам собирали. Телеграммы из МИДа, как обычно, мало помогали его работе, если вообще помогали, особенно во время такого крупного дипломатического кризиса, приковавшего внимание всей ООН, как Шестидневная война между Израилем и арабскими странами в 1967 году. МИД не давал никаких инструкций и лишь тогда, когда стала ясна победа Израиля, в экстраординарной форме – открытым текстом по телефону – велели представительству следовать американской линии на заключение перемирия любой ценой. Москва, конечно, имела стратегические цели на Ближнем Востоке и в арабском мире – расширить свое влияние, подорвать позиции Запада и создать таким образом трамплин для экспансии в Средиземноморье и в Индийском океане, – но не имела соответствующей политики для воплощения этих целей в жизнь. Решения принимались сугубо прагматические. Масштабные теории не пользовались доверием членов Политбюро. Выступать с инициативами было опасно, потому что в случае неуспеха

автору больше всех и досталось бы. Москва реагировала на события, а не предпринимала превентивные шаги. Решения, принимаемые внутри советской орбиты влияния, как, например, о вторжении в Чехословакию в 1968 году с целью заморозить «пражскую весну», – это было другое дело. Это был уже вопрос не дипломатии, а самосохранения.

Весной 1970 года у Шевченко закончился срок командировки, и он вернулся в Москву, оказавшись впервые в жизни на расстоянии вытянутой руки от вершин власти в Советском Союзе. Андрей Громыко, его покровитель с первых шагов его карьеры и по-прежнему министр иностранных дел, предложил ему пост личного советника. Он сразу же согласился на это предложение, хотя ему предлагали перейти в ЦК. В свои сорок Шевченко был нарасхват, как мы видим, и в правительственных, и в партийных кругах. Его статус и зарплата в Нью-Йорке (где он дошел до полномочного посланника) дали ему возможность купить первую большую квартиру для Лены и двух детей и хорошую дачу в лесной местности под Москвой. Это были материальные символы его принадлежности к номенклатуре. Он вошел в эту элиту до возвращения через три года в Нью-Йорк на престижнейший пост, который окажется для него судьбоносным. В Москве он пробыл с апреля 1970 по апрель 1973 года и близко соприкоснулся с верховной властью – конечно, через своего министра, который имел тесный контакт и значительное влияние на Леонида Брежнева. Громыко проницательно поддерживал Брежнева и в хрущевские времена.

Портрет, который Шевченко дает своему шефу, не сильно отличается от тех представлений, что существуют на Западе: холодный, настойчивый, сдержанный, неутомимый, без юмора, и прежде всего высокий профессионал, робот типа Талейрана в том, что касается дипломатического искусства. Однако Шевченко сумел пролить новый свет на эту известную фигуру. На Западе Громыко называли «Мистер Нет», он был воплощением советской враждебности и непримиримости, а Шевченко утверждает, что он на самом деле был настолько поглощен советско-американскими отношениями и необходимостью держать их «на ровном киле», что сторонники жесткого курса в Политбюро часто критиковали его за излишнюю приверженность к «реальполитик». Критика

приглушилась, когда в 1973 году Громыко самого ввели в Политбюро. С тех пор и до постепенного отхода на задний план при Горбачеве у него была прочная база для действий, какой он раньше никогда не имел, но он и не стремился к обретению более широкой власти в партии. Один из секретов его выживаемости состоял в том, что он был уникально ценен в своей сфере и не старался выходить за её пределы. Все кремлевские лидеры от Хрущева до Андропова полагались на него в разработке и реализации вопросов советской внешней политики. Никто из них не имел ни малейших оснований опасаться в нем соперника. Действительно, он специально отгораживал себя от внутрипартийного соперничества и вообще от внутренних проблем страны. Может, потому, что считал их ещё более трудноразрешимыми, чем запутанные международные проблемы.

Шевченко повезло работать с Громыко во время, когда министр иностранных дел купался в фаворе Брежнева, находившегося тогда на пике своего влияния. И правда, за три года, что Шевченко работал в советниках у Громыко, ни одно из предложений Громыко по внешней политике не только не было отвергнуто, но и существенно подправлено руководством. Если бы министр почуял в воздухе какую-либо оппозицию, он сразу предпринял бы меры, пойдя напрямую к Брежневу за спиной Политбюро. Его поведение потому не вызывало большой враждебности, что все знали: он отстаивает свои интересы, а не амбиции.

У него было немало и других желающих помочь в формировании внешней политики – КГБ, военные и Международный отдел ЦК. Связи Громыко с КГБ неизбежно усилились после его вхождения в Политбюро. Его секретариат в МИДе раздался за счет охраны из КГБ, новых советников, которые обрабатывали для него телеграммы КГБ и ГРУ из-за рубежа, сотрудников по связи со штаб-квартирой КГБ. Громыко давал разведывательным службам всё, что им было нужно с точки зрения дипломатического прикрытия за рубежом, но всячески дистанцировался от них лично. Его всегда раздражало, когда возникали дипломатические проблемы из-за репрессий КГБ против, например, диссидентов или «отказников». Типичным для него был тот факт, что он никогда не ступал ногой в здание КГБ для обсуждения вопросов обоюдного интереса, а только принимал у себя. Одним из слабых мест этого верного слуги партии было то, что он не

понял, как важны для международной арены стали вопросы прав человека.

С военными у Громыко постоянно возникали конфликты. Его главным противником здесь был сторонник жесткой линии, министр обороны маршал Гречко, злейший противник разрядки вообще и переговоров по разоружению в частности. Как специалисту в этой области, Шевченко часто приходилось видеть их противостояние в действии. Когда, например, начинались переговоры по первому договору об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1), возник спор по поводу того, кто должен возглавлять советскую делегацию. Громыко хотел, чтобы главой был военный, а Гречко настаивал на гражданском лице. Каждый готовил оправдания, чтобы в случае неудачи вину за это не повесили на его ведомство. Согласно Шевченко, у Гречко была навязчивая идея – не выдать бы секреты. Он боялся, что военного, не искушенного в тонкостях дипломатии, прожженные американские участники переговоров выманят за пределы данных ему инструкций и тот может выдать важные детали об истинной ситуации в Советском Союзе в ядерных делах. Этот раунд выиграл маршал, и во главе делегации поставили гражданское лицо.

Там, где в советскую дипломатию привносились геополитические интересы (нельзя сказать, чтобы это было нечасто), Громыко и Гречко часто руководствовались разными мотивами. Прежде всего это касалось отношений с «третьим миром», где советские военные поставки составляли главную опору советского влияния. Министры или их заместители вместе вели переговоры с этими странами и вместе подписывали соглашения. Споры часто начинались после, в Москве, как это было, по описаниям Шевченко, в драматическом случае с поставками оружия Египту. После осуществления первых поставок Министерство обороны, предположительно с одобрения Политбюро, начало оказывать давление на египетского президента Анвара Садата, человека с независимым мышлением, придерживая поставки жизненно важных запчастей для армид устаревших советских самолетов и танков, поставленных Египту. Громыко, хотя и не получал должных советов от посла в Каире Виноградова, тем не менее был озабочен перспективой того, что Садат может рассердиться на игру Москвы и прикрыть тот политический и стратегический плацдарм, на котором удалось закрепиться русским в Египте. Громыко

оказался прав. В июле 1972 года терпение Садата из-за задержек с запчастями лопнуло. Он одним махом закрыл все советские военные базы по стране, включая важнейшую военно-морскую базу в Александрии, и выкинул из Египта сотни советских советников при вооруженных силах Египта. До настоящего времени Советский Союз так и не нашел сравнимого с Александрией оплота в Средиземноморье, хотя, конечно, можно возразить, что с каждой ступенью развития ракетной техники такие базы становятся все менее важными.

Ко времени самой большой ошибки Кремля в послевоенное время вторжению в Афганистан в конце 1979 года Аркадий Шевченко уже не только не находился в основном фарватере советской дипломатии, но и полностью порвал связи с родиной. Но он убежден, что если в Политбюро и прозвучал сдерживающий голос относительно решения о вторжении – из-за огромного вреда, который будет нанесен в результате вторжения Советскому Союзу, особенно в «третьем мире», – то это был голос его бывшего учителя и начальника.

Третьей силой, которая всегда старалась наложить свою лапу на внешнюю политику, была, конечно, сама Коммунистическая партия и, в частности, Международный отдел её ЦК. На Западе часто говорили, что этот орган контролирует работу советской дипломатии, а МИД – это просто его инструмент. Шевченко внес коррективы в эту теорию, по крайней мере в том, что касается периода, когда он работал при Громыко и когда министр был сильной фигурой и имел влияние в Политбюро, особенно среди живших в Москве его членов, составлявших внутреннюю руководящую ячейку этого органа.

По словам Шевченко, не существует правил в отношениях между МИД и Международным отделом ЦК, и в его время министерство никогда не было обязано представлять предложения своему сопернику. Но был основной предмет столкновений между министром (и особенно при его наследнике), который работал на мирное сосуществование, и Международным отделом, который старался распространить советское влияние за границей через местные компартии или вооруженные «освободительные движения». Эта часть составляет глубокий конфликт в советской истории между прагматизмом и идеологией, а на тайном фронте этот конфликт был особенно острым, пока Международным отделом управлял

убежденный сторонник жесткого курса и инстинктивный противник разрядки.

Были случаи, вспоминает Шевченко, когда противоборствующие силы были вынуждены действовать совместно. Так, по Организации Освобождения Палестины решения всегда принимались согласованно, потому что ООП объединяла оба их «мира». Но по политике на Ближнем Востоке в целом (а Шевченко в годы пребывания в ООН стал в некотором роде экспертом по проблеме) стычки бывали часто довольно открытыми. Например, после победы Израиля в Шестидневной войне 1967 года Громыко понял, что просто нереально ожидать от победителя, что он отступит к своим старым границам. Пономарев же, ставя цель улучшить отношения со всем арабским миром, выступал за оказание давления на Израиль, с тем чтобы он оставил все занятые территории. Последнее слово, как всегда, оставалось за Политбюро, которое не имело никаких процедурных правил, не вело стенографических записей и было подвержено постоянным вспышкам личных неприязней. По той картине системы власти в Советском Союзе, которую нарисовал Шевченко западным экспертам, им оставалось лишь удивляться, как в период между Хрущевым и Горбачевым в Кремле вообще удавалось принимать решения.

Настало время вернуться к тому случаю, когда он приехал в Гавану с двумя бритвенными станками от ЦРУ, и как он спустя два года порвал с карьерой, партией и родиной и навсегда ушел на Запад. Здесь тот же набор мотивов, как и у беглецов из спецслужб. Как и в их случаях, проблема состоит в том, чтобы за субъективными искажениями и самообманом разглядеть истинный баланс мотивации бегства.

Сам Шевченко и те, кто советовал или помогал ему в написании мемуаров, делает упор на идеологию: разочарование из-за лицемерия, коррумпированности, гнетущей атмосферы, неэффективности и институционализированного неравенства в советской системе. Но правда состоит в том, что Шевченко никогда не ставил идеологию на первое место. Это был прагматик, партия ему нужна была для карьеры – попасть на хорошее место за границей. Даже ностальгия по родине в его случае не служила серьезным фактором: он в общей сложности

провел десять лет в ООН, в Штатах, которые стали для него вторым, запасным, домом.

Этому человеку было что терять, причем как никому из перебежчиков. В сорок с лишним заместитель Генерального секретаря ООН, он вполне естественно дошел бы до замминистра на родине. Еще в 1970 году, когда он стал личным советником Громыко, он пользовался привилегиями высшей правительственной элиты. Если бы он решил продолжать службу в Москве, его жизнь и жизнь его семьи становились бы все более и более обеспеченными по коммунистическим стандартам. Несчастье в том, как он понял, этих стандартов было недостаточно с точки зрения более свободной и полной жизни. Как и в случаях с бежавшими разведчиками, разногласия с коллегами и семейные проблемы также сыграли свою роль в том, что его связи со своей страной стали непрочными.

Похоже, у Шевченко не было какого-то единичного инцидента, подтолкнувшего его к бегству. Разве что с советским представителем при ООН Яковом Маликом, злостью рыцарем холодной войны, он был в натянутых отношениях, хотя и здесь не было никакого взрыва, который заставил бы Шевченко повернуться спиной к коллегам. Хотя, по его собственным оценкам, его брак находился в стадии увядания, не было никаких ссор с женой, которые могли бы подтолкнуть его к решительному шагу. Просто заместитель Генерального секретаря, сидя в своем кабинете на 35 этаже здания ООН, в одну прекрасную пятницу решил, что уже достаточно и пора сделать давно задуманный шаг.

Это было для него опасным решением. Был пик разрядки, которой, вполне вероятно, американцы не хотели бы наносить ущерб. Во всяком случае, не было прецедента, как поступать с перебежчиком такого уровня. К тому же, не имея разведывательного опыта, он был ребенком в том, что касается умения камуфлировать свои действия от собственных спецслужб. Еще большая опасность грозила ему после того, как он через одного американского коллегу-дипломата установил контакт с сотрудником ЦРУ. Первый контакт ограничился передачей записок вначале в библиотеке ООН, а потом в одном нью-йоркском книжном магазине. Когда же произошла настоящая встреча в здании из бурого камня на дальнем конце нью-йоркского Истсайда, «Берт Джонсон», приехавший на встречу с Шевченко из Вашингтона, передал просьбу американцев пока что оставаться на своем ключевом

посту и оттуда подкармливать американцев информацией. Одно дело – беглый дипломат, а другое дело – агент «на месте». Шевченко был не для этого. Он не имел специальной подготовки, да и внутренне не был готов к такому варианту. Бросить открытый вызов – это почетно, а шпионаж отдавал обманом и предательством.

К тому же дело было опасным. Суд в Москве 1963 года над полковником Олегом Пеньковским живо запечатлелся в его мозгу. Он также вспомнил разброд среди официальных американских кругов в оценке беглеца из КГБ Юрия Носенко. Если он окажется втянутым в эту запутанную шпионскую игру, не навлечет ли на себя подозрений новых его хозяев по шпионажу? Однако в конце концов Шевченко согласился. Он понял, что все равно уже попался, раз обратился за политическим убежищем. Если КГБ регулярно практикует шантаж, то чем лучше ЦРУ? Он стал взвешивать потенциальные преимущества. Он выиграет время, чтобы убедить жену Лену (которая представления не имела о его планах и, вероятно, будет возражать) в правильности своего выбора. Дороже Лены была для него дочь Анна. Геннадий, сын, счастливо устроился в Москве, начав карьеру в МИД. Его не вытацишь, даже если бы он и захотел. Но дочь, его любимый ребенок, была с ними, в Нью-Йорке, и она будет ходить здесь в советскую школу, пока не доучится до старших классов, и тогда ей нужно будет возвращаться домой. Надо будет взять её с собой... В результате более двух лет заместитель Генерального секретаря работал в своем кабинете в качестве американского агента.

Он как будто бы никогда не переснимал советские документы для ЦРУ. «Референтура» – подразделение посла Малика в посольстве, ведавшее шифрами и связью, – охранялась, как крепость, за каждым пришедшим наблюдала электроника. Что Шевченко мог – и он это делал, – так это запоминать содержание телеграмм, которые он читал, и передавать американцам содержание дискуссий по политическим вопросам в советском представительстве. Таким образом американцы узнавали всё, что знали в самой миссии о взглядах Кремля на разрядку, советской позиции по Ближнему Востоку, отношениях СССР с Кубой, участии Кубы в африканских делах и, конечно, закулисных мероприятиях по специальности Шевченко – разоружению. Он также сумел дать американцам полную картину наличия сотрудников разведки в ООН.

За исключением одного или двух неприятных случаев, оказавшихся ложными тревогами, которые Шевченко пережил, будучи агентом ЦРУ, он обнаружил, что быть шпионом менее трудно и опасно, чем он представлял себе. Он был все более уверен в своих способностях играть в эту двойную игру, весной 1977 года произошла первая серьезная проверка его деятельности. Олег Трояновский, который сменил в начале года Малика, собрал всех высоких советских официальных лиц из советского представительства и секретариата, чтобы заслушать информацию шефа КГБ по ООН Юрия Дроздова. Это был призыв повысить бдительность перед лицом «империалистических провокаций». Выступление было довольно длинным, составленным на знакомом языке партийной пропаганды. Но в конце было указание усилить контроль за всеми контактами с иностранцами и ограничить передвижения по городу, что касалось и сотрудников Секретариата ООН. Тогда Шевченко не почувствовал персональной угрозы в свой адрес.

Это случилось следующим летом, когда, находясь в отпуске, он поехал в Крым к матери, он впервые начал подозревать, что слежка за ним носит вовсе не рутинный характер. В Курске в поезд сел человек, который все время торчал в коридоре у купе Шевченко. На обратном пути из Евпатории он столкнулся с тем, что ему поменяли место без объяснения причин – чтобы ещё одному человеку из КГБ было удобно следить за ним. Он потом писал:

«Андрей Громыко и все его подчиненные в МИДе относились ко мне абсолютно нормально. Но секретная полиция, похоже, заняла другую позицию, угрожающую».

Это неприятное внимание к нему продолжилось и после того, как они с женой поехали в Кисловодск. Там для них был заказан номер в элитной гостинице. Там их уединение всё время нарушали двое мужчин, которые то и дело навязывали им себя в собеседники, липли к ним во время прогулок и пикников. У Шевченко остался неприятный привкус во рту от последнего вкушения прелестей номенклатуры.

В Нью-Йорке он провел беспокойную зиму. Расстроились отношения с коллегами. Однажды в субботу вечером в начале 1978 года он сослался на болезнь, чтобы не участвовать в очередном заседании партбюро, и остался дома. Раздался настойчивый стук в дверь. Шевченко не стал отвечать, но на другое утро узнал, что

приходил советский врач и Юрий Щербаков, офицер безопасности представительства. Они «беспокоились за него». Шевченко почувствовал, что кольцо вокруг него стремительно сжимается. В пятницу 31 марта 1978 года по надеждам поиграть ещё был нанесен удар. Его начальство решило, что пора кончать. Пришла телеграмма с вызовом его в Москву «на консультации в связи с предстоящей специальной сессией Генеральной Ассамблеи по разоружению и другим вопросам». Москва спрашивала, когда он сможет вылететь.

У него были суббота и воскресенье на раздумья. В эти дни он встретился со своими американскими шефами по шпионажу. В понедельник утром посол Трояновский высказал пожелание, чтобы Шевченко летел первым же самолетом. Его слова прозвучали угрожающе. Но сигнал тревоги замигал ярко-красным светом, когда в тот же день за обедом он спросил близкого друга из советского представительства, что это в МИДе возник интерес к специальному комитету по разоружению. Приятель ответил, что особого интереса нет, что в Москве все вопросы решены наперед, им нужен будет только ретроспективный отчет о работе комитета. Значит, вызов шел явно не от Громыко. Это ловушка КГБ. Прямо из ресторана он позвонил своему связному из ЦРУ и в тот же вечер встретился с ним. На встрече днем бегства был определен четверг той же недели, когда до отлета в Москву оставалось бы три дня. Опять же, как во многих других случаях бегства разведчиков, последним импульсом оказался вызов в Москву.

Однако по сравнению со столь многими другими случаями, механика побега Шевченко из-под наблюдения советских служб безопасности оказалась детской игрой. Жил он в частной квартире в Нью-Йорке, работал в самом знаменитом, самом населенном и интернациональном здании мира. В назначенный день он задержался на рабочем месте допоздна. Он собирал свои дела и записи. Он также достал из сейфа письмо жене с просьбой простить его, целью которого было показать КГБ, что она не состояла в его заговоре. Она все равно не ушла бы с ним, оставив дочь-школьницу в Москве. Более того, будучи человеком горячего темперамента, она могла бы выдать его. Так что он сошел с её жизненного пути так же, как со своего карьерного. Он пришел домой после полуночи, бросил взгляд на спящую жену, оставил ей прощальное письмо и денег в том же

конверте, спустился на двадцать пролетов по черному ходу. В пятидесяти ярдах на 46-й улице его ждал автомобиль ЦРУ. Задняя дверца была открыта. Через несколько секунд машина уже летела по дороге в Пенсильванию, в безопасное место в Поконосе, в двух часах от города.

Статус Шевченко в ООН облегчал его бегство. Теперь он использовал этот статус в качестве трамплина в новую жизнь. Хотя Москва отозвала его как советского гражданина, но у него сохранялся двухлетний контракт гражданского служащего с ООН. В таком качестве его хозяином был не Андрей Громыко, а Курт Вальдхайм, Генеральный секретарь ООН, в то время находившийся за рубежом. Шевченко должен был обратиться к нему по его возвращении в Нью-Йорк. ООН действовала открыто, без секретности. Она знала только отставку, но не бегство. Следующие несколько недель прошли в давлении со стороны КГБ, которое сопровождалось типовыми официальными ответами чиновников ООН.

Давление на Шевченко оказывалось по привычной схеме. Его жена собрала вещи и была отправлена домой вскоре после его бегства. Он получил письма от неё и от сына Геннадия (он работал в советском представительстве при женевском отделении ООН и был сразу в сопровождении отправлен домой), которые призывали его вернуться. Оба письма звучали неестественно. Письмо сына было напечатано на машинке и не подписано. Попытки заставить Шевченко изменить свое мнение предприняли Олег Трояновский и Анатолий Добрынин, советский посол в Вашингтоне, во время встречи с ним, организованной в Нью-Йорке, в конторе адвоката Эрнеста Гросса, на которого было возложено представлять интересы Шевченко. Его бывшие коллеги проигнорировали письмо, которое Шевченко оставил на имя Леонида Брежнева. В письме он формально объявлял о своем выходе из компартии и предлагал Москве сделку: он уходит в отставку со своего поста, что спасет Москву от дальнейших неприятностей, если только «будут решены определенные вопросы, касающиеся моей семьи». Нечего и говорить, что никакого ответа от лидера партии он не получил. Вместо этого Кремль развил максимальное давление на Вальдхайма во время его тура по странам мира с целью заставить его уволить беглеца и заявить об этом публично.

К его чести, Вальдхайм держался до конца. Но некоторые заявления о заместителе Генерального секретаря появились. Прошло десять дней, и далее отсутствие Шевченко невозможно было скрывать и трудно объяснять. В понедельник 11 апреля представитель ООН на регулярном брифинге сделал заявление:

«Г-н Шевченко информировал Генерального секретаря, что он по своему желанию отсутствует на работе, и в этом отношении заявил, что имеет разногласия со своим правительством. Делаются попытки прояснить ситуацию, и по этой причине в настоящее время г-н Шевченко считается в отпуске».

Именно на это и надеялся Шевченко в контактах с Секретариатом. Он был пока заместителем Генерального секретаря и нес ответственность перед ним, а не перед Кремлем. Одновременно было ясно показано, хотя и не выражено словами, что он порвал с советским режимом и хочет политического убежища.

Последний акт был разыгран на 38-м этаже здания ООН вечером 25 апреля, сразу после возвращения Генерального секретаря из Европы. Флаг ООН защищал Шевченко до конца. Хотя ко входу в здание Шевченко доставила американская охрана, в кабинет Вальдхайма его сопровождала служба безопасности ООН. Как только Вальдхайм убедился, что его помощник действовал по своей воле и не собирается создавать трудности, все формальности были быстро и дружелюбно улажены. Всё прошло по правилам ООН. Вальдхайм и его советский помощник подписали формальные бумаги, были урегулированы и финансовые вопросы. Он получил более 72 тысяч долларов единовременно, пенсию с накоплениями, компенсацию за неиспользованный отпуск и прочее. Пожатие рук с Вальдхаймом, бросок вниз, в гараж, на лифте, и он вновь в сопровождении американской охраны на улицах Нью-Йорка – теперь уже частное лицо, без статуса и даже гражданства.

Начало его новой жизни получилось горьким. Утром 11 мая, когда он собирался на очередную встречу с американскими следователями, ему передали сообщение одной западной газеты о том, что его жены Лены больше нет. Это были не слухи. Новость исходила от Виктора Луиса, советского гражданина, который работал московским корреспондентом лондонской газеты «Ивнинг ньюс». Этот человек, связанный с КГБ, был, например, в 1964 году был выбран для того, что

бы сообщить на Запад новость об устранение от власти Никиты Хрущева. Согласно Луису, Елена Шевченко покончила с собой. Он никогда не узнал правды. Несмотря на многочисленные письма и телеграммы детям, он никогда не узнал, что произошло с ними. Было и ещё одно невеселое событие в его жизни. Он пожаловался на одиночество, и через ЦРУ его познакомили с некой Джуди Чавес, но эта мексиканская леди через несколько недель сбежала от него и передала свою историю жизни с известным беглецом в прессу, раскрыв между делом и его местожительство.

С этой низкой точки дела Шевченко пошли неуклонно на подъем. В декабре того же 1978 года он женился на интеллигентной и привлекательной южанке и приобрел американскую семью и американскую жену, которые помогли ему устроиться в новом для него мире. Его заработки как лектора и автора хорошо расхваливавшихся книг скоро стали достигать его прежней зарплаты высокого советского служащего. Вначале он надевал черные очки и носил искусственные усы, но потом принял свой обычный вид. Это было не бравадой, а здравым смыслом: КГБ вряд ли стал бы провоцировать возмущение в мире, тронув человека, который был заместителем Генерального секретаря ООН.

Американское правительство часто использовало его в качестве консультанта. Вот что он, в частности, сказал после прихода к власти Горбачева: «Процесс, который начал Горбачев, необратим. Возврат к террору немыслим. Также немыслимо и возвращение к изоляции... Но Горбачев – переходная фигура... Какова будет политическая форма России в следующем веке, я не могу судить. Но в течение одного поколения коммунизм как система там будет обречен».

Идеальный солдат

13 сентября 1985 года в Великобритании прошли самые крупные после Второй мировой войны военные маневры, закончившиеся массовым парашютным десантом в Тетфорде, Южная Англия. Эти маневры под названием «Бравый защитник» длились восемь дней, в них участвовало 65 тысяч человек. Упор был сделан на защиту от диверсантов в ходе третьей мировой ключевых объектов страны – ракетных установок, баз ВВС, радиолокационных станций, электростанций, складов топлива, портов, передающих радиостанций и прочих. Масштаб этих оборонительных мероприятий производил впечатление, и он вполне соответствовал уровню угрозы, которая была весьма полно освещена в британских СМИ за недели до учений.

«Бравый защитник» не походил на обычные театрализованные битвы с неназванными «силами противника». Эти маневры были нацелены на борьбу с десантом «Спецназа» Советской армии, специально подготовленными террористическими подразделениями Кремля, основным назначением которых было парализовать в военное время способность стран НАТО к сопротивлению в качестве прелюдии или аккомпанемента к полномасштабному наступлению.

Потом был новый взрыв публикаций и выступлений в СМИ, после того как учения закончились и судьи объявили их успешными с натовской точки зрения. Но два менее удовлетворительных итога учений так никогда и не были оглашены штабом маневров, не раскопали этого и толпы репортеров, присутствовавших на маневрах. Один из них состоял в том, что один из британских генералов, поставленных командовать частью сил Спецназа, сумел вывести из строя целую американскую базу, приказав не трогать хорошо охраняемые бомбардировщики, а «уморить газом» всех летчиков во сне, выложив баллоны «с отравляющим веществом» возле установок, которые снабжали кондиционированным воздухом жилые помещения. Будь операция и баллоны настоящими, диверсанты добились бы полного успеха.

Второе, и более существенное, событие произошло после того, как было издано официальное коммюнике и репортеры разъехались.

Высших офицеров обеих сторон собрали вместе и велели забыть о театрализованной войне, а приступить к настоящей военной операции. Им следовало прочесать густые леса Норфолка и найти склады оружия и боеприпасов, заготовленные советскими агентами на случай реальных операций самого настоящего Спецназа. Похоже, ничего так и не было найдено, но этот вопрос с тех пор не давал покоя компетентным службам.

Сам факт того, что «Бравого защитника» вообще поставили на военной сцене, не говоря уж о необычном шуме в прессе вокруг него, во многом был связан с бегством в Британию за семь лет до этого молодого офицера советской военной разведки, предыдущий период военной карьеры которого был напрямую связан со спецназом^[51]. Это был Владимир Богданович Резун, который передал себя британским властям в июне 1978 года и был сразу же переброшен в Великобританию. Он оказался весьма полезным источником информации о Советской армии в целом. Он дал также самую законченную картину военной разведки ГРУ, какой Запад не получал со времен Пеньковского в течение более чем двадцати лет^[52]. Но самый большой его вклад состоял в детальном описании подготовки, организации и, самое главное, развертывания «сил специального назначения», или «спецназа». На Западе знали о существовании этих сил, так же как знали в 1960 году о существовании запасов химического оружия у Советского Союза. И разоблачения Резуна относительно Спецназа были сравнимы с разоблачениями Пеньковского в вопросе о запасах отравляющих газов (наряду с другими военными темами) в Советском Союзе: они показали не только подлинную натуру, но и масштаб угрозы.

Документы, принесенные Резуном^[53], показывали, что эти специальные диверсионно-террористические подразделения стали частью всего советского военного, военно-морского и разведывательного механизмов. В военное время каждая из 41 советских армий имела бы роту Спецназа численностью в 115 человек во главе с майором. Хотя они и составляли часть регулярных войск, но подчинялись напрямую разведке. Согласно Резуну, оперативная структура вооруженных сил состояла из военных округов, которые во время войны стали бы так называемыми «фронтами», четырех групп в Восточной Европе и четырех флотов. Каждому военному округу,

группе и флоту придавалась целая бригада Спецназа, и на этом уровне к ней добавлялись воздушно-десантные батальоны, а также рота, которая предназначалась для выполнения ещё одной первостепенной цели Спецназа в войне. Помимо разрушения самого организма и нервной системы данной страны НАТО (что включало в себя объекты, на защиту которых были направлены вышеупомянутые маневры), Спецназ готовили и для уничтожения «мозга» нации. Это означало уничтожение ведущих политических деятелей партий, военного руководства, верхушку полиции, религиозных иерархов и профсоюзных боссов – то есть всех, кто в подвергшейся нападению стране может возглавлять отпор в час опасности^[54].

В Британии есть эквивалент Спецназа (SAS), как и в других странах НАТО, но в более умеренных масштабах, так что, можно предполагать, их задачи во многом сходны. Чем примечателен Спецназ (помимо его размаха), так это методами отбора кандидатов для службы в нем. В него набирают с минимальным учетом пожеланий призывника. Резун пишет про конечный продукт системы подготовки: «Типичный солдат Спецназа – скептик, циник и пессимист. Он верит в порочность человеческой природы и знает (по собственному опыту), что в критической ситуации человек становится зверем... По мнению спецназовца, самое опасное для него – это слепая вера в товарища, который в самый критический момент может превратиться в зверя... Лучше сразу принимать своих товарищей за зверей, чем делать это открытие в самой безнадежной ситуации»^[55].

Резун рисует мрачную картину роботов, запрограммированных на терроризм. Во главе оперативной пирамиды находятся профессиональные спортсмены, которые в мирное время должны приносить славу Советскому Союзу, а во время войны истреблять своего противника. Основой системы набора спортсменов является Центральный Спортивный Клуб Армии^[56]. Это, по словам Резуна, «самая авангардная, богатая и крупная спортивная организация в Советском Союзе, в числе которой, даже по статистике 1979 года, 850 чемпионов Европы, 625 чемпионов мира и 182 золотых медалиста Олимпийских Игр».

Будучи в армии, профессиональный спортсмен может быть «любителем» и участвовать в соревнованиях, получая твердую ставку, которая ему обеспечена и после участия в соревнованиях, как и

пожизненная пенсия. Однако независимо от того, являются они активными спортсменами или сошли с дорожки, свою жизнь они ведут в смешении спорта, шпионажа и подготовке к терроризму. Неприятно думать, что некоторые спортсмены, тепло приветствуемые западной публикой, когда они победителями поднимаются на пьедесталы олимпийских стадионов, в другой их жизни тренируются, чтобы убивать лидеров тепло приветствующих их стран.

Здесь нужно сказать, что сам Резун не является представителем категории «хomo советикус». А его знания о Спецназе восходят к 1970 году, когда он, лейтенант ГРУ^[57], был направлен в разведку штаба Волжского военного округа. За год, который он провел там, он получил основную подготовку спецназовца (правда, без тех ужасов, которые приходится терпеть рядовому солдату)^[58], а потом его послали как проверяющего и офицера разведки вместе с группой из 808-й Отдельной разведроты на парашютные тренировки. Хотя эти 23 дня были заполнены тренировками до отказа, на него выпала, по его признанию, легкая задача: «Моей задачей было задавать вопросы солдатам, а также их командиру и его помощнику в самых неожиданных обстоятельствах... У меня был список из сотни вопросов, ответов на многие из которых я сам не знал. Моей задачей было задавать вопросы и записывать ответы».

В книгах, которые он пишет под псевдонимом «Виктор Суворов», он ни слова не говорит о себе, о своей семье, детстве и юности, видимо, потому, что пишет от имени полувывмышленного лица. Чтобы понять реального человека, эти данные пришлось восстанавливать с его собственных слов.

Ему было почти что на роду написано носить военную форму. Родился Резун в 1947 году в военном гарнизоне под Владивостоком, где служил его отец. Его отец, украинец, начал свою военную карьеру в 1939 году, со временем он стал командиром полка ПВО. Но военные традиции этим не ограничивались. Все пятеро братьев отца пошли по военной линии, один из них дослужился до командира корпуса. И дед по отцу был военным, и он имел пятерых братьев, и все они носили военную форму. Четверо воевали в Белой армии и эмигрировали, когда гражданская война была проиграна. Но, красные или белые, они были военными. Даже его мать, русская, познакомилась с отцом «по-военному». Она была в 1943 году врачом воинского госпиталя в

Старой Руссе, когда туда попал его раненый и тяжело контуженный отец. Они и поженились на фронте – это была краткая церемония в присутствии командира полка. После войны родители вели обычную жизнь военных, кочуя из гарнизона в гарнизон. Мать иногда принималась за свою медицинскую профессию, иногда занималась семьей.

Позднее Владимир Резун писал: «Об армии я думал с детства. Все наши детские игры были в войну. В дальневосточном гарнизоне наш детский мир состоял из танков и самолетов, особенно во время Корейской войны. Мужчину без погон я увидел впервые в десять лет. Все разговоры детей были об армии и об армии: “Какое у твоего отца звание?”, “Кем он служит?” Это у меня была единственная шкала измерений».

В 1958 году он поступил в Суворовское училище и учился там семь последующих лет – важных лет, формирующих человека. Пять лет училище находилось в Воронеже, а последние два – в Калининне. Он рос солдатом, поскольку учащиеся с первого дня числились в армейских рядах. И он был одним из членов молодой военной элиты. Почти все его товарищи были из военных семей. Быть суворовцем и носить специальную черную форму с красными полосками на брюках было весьма почетно. Были у школы и другие преимущества. Там прекрасно кормили, но там была ещё и пища для мозгов. В училище имелась отборная, по советским масштабам, библиотека, включавшая «одобренных» западных классиков от Диккенса до Гюго и даже западные труды XX века по военным вопросам. Во время обучения он получил и неплохие лингвистические навыки, а именно в немецком языке. Этот иностранный язык продолжал быть профилирующим после войны. Резун вспоминает, что все пять лет в Воронеже уроки немецкого были каждый день. На немецком преподавалась математика, а два дня в месяц все училище говорило исключительно на немецком. Только в конце 50-х центр тяжести стал перемещаться в сторону английского – после смены образа главного противника.

В 1965 году Резун окончил Суворовское училище и поступил в Высшее общевойсковое училище – вначале немного в Одессе, а затем училище перевели в Киев. В 1968 году, во время учебы в училище, он вступил в партию.

1968-й стал для него знаковым. В этом году по его вере внезапно был нанесен удар. Шок, который он испытал, со временем притупился, но не изгладился. В этом году произошло советское вторжение в Чехословакию, и Резун оказался втянутым в это почти что случайно. Когда он с отличием закончил учебу в Киеве, ему было предложено выбирать для службы любой из шестнадцати военных округов. Он выбрал Прикарпатский, потому что им командовал тогда генерал с неординарным мышлением. Этот округ стал ударным во время вторжения, так как находился на границе с Чехословакией. лейтенант Резун стал винтиком военной машины, с грохотом двинувшейся для нанесения удара по «человеческому лицу», которое товарищ Дубчек пытался придать чехословацкому коммунизму. Если быть точным, Резун служил командиром роты 2-го батальона 247-го полка 24-й ударной мотострелковой дивизии 38-й армии. Он оказался в гуще событий и благодаря этому увидел всю реальность событий и отталкивающий характер кремлевской акции. В последней части одной из его книг об армейской жизни он дает отрывочные о своем опыте того времени. Вот, например, как он узнал, что операция началась:

«Я прибыл в батальон в конце июля 1968 года. Он уже несколько недель принимал участие в маневрах Варшавского пакта, которые шли полным ходом. И вот 17 августа привезли сапоги. Тысячи и тысячи новых пар сапог выгружались с грузовиков. Земля была завалена ими – причем из чистой кожи, а не кирзовыми, которые мы всегда носили. И тогда я понял, что мы вот-вот перейдем границу. Советские “освободители” должны маршировать в настоящих кожаных сапогах. Нельзя, чтобы “освободителей” видели в плохой обуви».

На пути до Праги солдаты не могли не видеть, что и городские, и деревенские жители живут несравненно лучше, чем советские горожане и крестьяне. Это был один настораживающий фактор. Другой состоял в отношении к солдатам со стороны жителей Чехословакии. Вот как Резун это описывает:

«В самом начале нашего пребывания в Чехословакии всё шло по плану: в нас бросали помидорами, а мы стреляли в воздух. Но очень скоро все изменилось. Я не знаю, было ли это особой тактикой или спонтанным явлением, но люди начали относиться к нам иначе. Они стали мягче, и к этому наша армия... оказалась неподготовленной... Отсутствие враждебности к простым солдатам вызывало у них

неверие в нашу официальную пропаганду, так как что-то не сходилось. Теория входила в противоречие с практикой. С другой стороны, в умах солдат появились и начали быстро набирать силу мысли о том, что контрреволюция – не такое уж плохое дело, если она позволяет жить людям лучше. Солдаты не могли понять, зачем такую красивую страну надо было загонять силой в состояние той же бедности, в которой жили мы».

Это были действительно святотатственные идеи. Неудивительно, что после операции 1968 года, как после Венгрии, основная масса выведенных войск была отправлена в реабилитационные центры или прямиком на Дальний Восток, чтобы выветрилась западная «отрава». Еще менее удивительно, что любой советский солдат, кто пытался проявлять солидарность с «освобождаемыми» и переметнуться на Запад, расстреливался без суда как дезертир (Резун был свидетелем одного такого показательного расстрела перед строем после возвращения полка на Западную Украину).

Рассказ Резуна о продвижении в августе в Восточную Чехословакию и возвращение домой через Карпаты (после того как угроза дубчековского либерализма была снята) с военной точки зрения был интересен в одном: Советский Союз готовился к интервенции задолго. Например, Резун приводит такой факт: майор Журавлев, командир 508-го разведывательного батальона 6-й Гвардейской мотострелковой дивизии, войскам которой предстояло первыми вступить в Прагу, знал улицы столицы наизусть. Четыре месяца его батальон по планам, макетам и фотографиям осваивал город вплоть до последнего закоулка. До начала «Операции Дунай» (как было названо вторжение) все двадцать офицеров батальона совершили поездку в Прагу под видом обыкновенных туристов и ездили на автобусах по улицам, где им предстояло вести бронетехнику^[59]. Резун пишет, что «Операция Дунай» была разработана за восемь месяцев до интервенции, то есть в январе 1968 года^[60], когда ещё Брежнев обменивался с Дубчеком вежливыми, хотя и натянутыми улыбками. Однако долгие приготовления не спасли войска от путаницы и накладок во время интервенции. Так, все бронемшины «дружественных», то есть интервенционистских, войск должны были иметь белую полосу, а танк без такой полосы должен был считаться

вражеским. Но в решающий день запасы краски иссякли, в результате возникли опасные недоразумения в ходе продвижения.

Лейтенант Резун считался обладавшим достаточным иммунитетом от опасности заразиться ненужными поветриями, тем более мыслью бежать на Запад. Так что после возвращения домой он остался в прежнем военном округе, и годы с 1968 по 1970 были самыми приятными в его военной карьере. Ему дали роту 66-й Гвардейской мотострелковой дивизии в городе Черновцы на румынской границе. Это было чудесное место с обилием вина, женщин и песен. Однако его сослуживцы не знали, что в душе этого образцового офицера на хорошей должности в идиллическом гарнизоне творится неладное. Сам он примерно двадцать лет спустя писал:

«Чехословакия оказалась для меня поворотным пунктом. Меня учили защищать свой народ. Но оказалось, что мы угнетаем другой народ, таких же простых людей, как мы сами. Каково было слышать чехов, особенно пожилых, когда они говорили: “Что вы делаете здесь? Мы помним настоящих освободителей 1945 года”. Я был в таком подавленном состоянии, что, будь я в западной части страны, а не в восточной её половине, я вполне мог бы сбежать тогда».

Но, как бы то ни было, он оказался в Советском Союзе и, несмотря на скрытое недовольство, продолжал свою карьеру. Однажды он отличился на учениях, и высокий офицер, наблюдавший за учениями, чуть ли не на месте предложил его в военную разведку штаба Приволжского военного округа. После года службы на новом месте он был направлен на три года в Военно-дипломатическую академию в Москве и почти сразу после этого в звании капитана – в Женевскую резидентуру ГРУ. Это было завидное назначение. Женева, в высшей степени роскошный и космополитический город, благодаря нейтральному статусу Швейцарии и расположению там множества международных организаций, являлась ключевым центром разведывательной деятельности как Востока, так и Запада.

К этому времени он был уже семейным человеком. Еще перед академией начальство подталкивало его к тому, чтобы он женился. Жена его, Татьяна, восемнадцати лет, была дочерью офицера ВВС и работала в весьма секретном подразделении Приволжского военного

округа. В Женеву они приехали с маленькой дочерью, а там у них родился и мальчик.

Пошел уже пятый год командировки, когда Резун совершил побег. Что же толкнуло его на это? Версия, которую он дал в своей книге, представляет собой художественный вымысел. По книге, дело происходило в Австрии, в Вене, и Резун сбежал в британское посольство из-за интриг в ГРУ и опасений за собственную жизнь. На самом деле Резун не работал в Вене, бывал там только проездом, и ничто не угрожало его карьере, тем более жизни. На самом деле всё происходило в Женеве, события развивались медленно и неоднозначно. Вот как он сам об этом говорит:

«Конечно, чисто материальный контраст с жизнью в Советском Союзе играл свою роль. С самого момента приземления в женевском аэропорту мы поняли, что приземлились в другом мире, мире неслыханного изобилия... Но были и другие вещи, помимо жизненного уровня, вызывавшие беспокойство. Я знал, что отзывы о моей работе отличные, и служебные перспективы выглядели в розовом свете. Но я все время чувствовал себя стоящим не на твердом граните, а на плывучем песке. Несмотря на чехословацкий шок, который навсегда оставил во мне след, Хрущев оставался моим кумиром, и я не мог поверить услышанному, когда узнал, что его сместили. Неприятный эффект усиливался тем, что на его место поставили Брежнева».

Хотя побег был совершен в 1978 году, капитан Резун начал прощупывать пути на Запад с первых дней пребывания в Женеве. Так, на одном из коктейлей в женевской штаб-квартире ООН Резун подошел к приглянувшемуся ему американскому дипломату и в разговоре упомянул про Брежнева, что это «не слишком умный человек». Другой бы, услышав такое от советского дипломата, принял это за прозрачный намек и затеял шпионскую игру, Но Резун выбрал не того человека. Американец просто согласился с ним, и на этом кончилось.

Позже Резун время от времени продолжал тщетно прощупывать эти пути. Он вспоминает:

«Позже я начал заговаривать с американцами о коллекционировании монет, включая золотые. Это могло бы быть хорошей зацепкой. Профессионал понял бы намек и пригласил бы

домой, чтобы посмотреть альбомы друг друга, если бы захотел воспользоваться этим предложением. Однажды даже, я помню, я купил в Женевском банке на свои деньги дорогой золотой царский рубль и подарил его одному американскому коллекционеру. Никакой реакции не последовало».

В июле 1977 года ему удалось установить контакт с британской разведкой. Этот контакт с самого начала был плодотворным. Одиннадцать месяцев спустя, согласно его просьбе, был переправлен в Великобританию. Он не может толком объяснить свое решение вдруг попросить политического убежища и считает его «и внезапным, и давно задуманным». Не было никаких телеграмм об отзыве, что могло бы посеять в нем панику. Однако в апреле 1978 года он стал свидетелем обеспокоившего его события в советском представительстве. Надо напомнить, что это был месяц, когда в Нью-Йорке миру поведали о бегстве Аркадия Шевченко, заместителя Генерального секретаря ООН. Сын Шевченко, Геннадий, который пошел по стопам отца, работал в то время в Женеве. В течение нескольких часов после того, как услышали новость из Нью-Йорка, его сына посадили на самолет «Аэрофлота» и отправили в Москву. Его «транквилизировали», чтобы он не доставил неудобств своим сопровождающим в международном аэропорту. Об этом Резун услышал от одного из своих коллег, который работал под прикрытием «Аэрофлота». С этого момента, по словам Резуна, он стал задумываться о своем будущем. 10 июня 1978 года он был спокойно переправлен по воздуху вместе с женой и двумя детьми в Лондон.

Когда Резун прибыл на Запад, он был всего лишь капитаном, но разнообразие его карьеры и острая наблюдательность с лихвой восполняли низкий ранг беглеца. Так, помимо своих разоблачений по поводу Спецназа, он оказался способным детально рассказать об устройстве и организации девятиэтажного прямоугольного здания возле старого Ходынского аэродрома – штаб-квартире ГРУ, так называемом «аквариуме». Что касается Спецназа, то он сумел по памяти реконструировать его функциональную раскладку со всеми двенадцатью отделами и подотделами. Он дал общее описание сети научно-технического шпионажа ГРУ на всемогущую советскую Военно-промышленную комиссию. Он обновил знания Запада о структуре резидентур ГРУ при посольствах и о работе агентурных

сетей, в том числе «нелегальных», о способах связи с ними. Почти не менее интересными были его наблюдения о жизни Советской армии. Он рассказал, как выглядит советский рядовой солдат, сержант или старшина, офицер, он был с ними и в казармах, и в танке.

Вот здесь и кроется главный аспект его бегства. Владимир Резун был идеальным солдатом, продуктом нескольких поколений военных, патриот, дисциплинированный, лояльный и послушный до мозга костей. Но этот идеальный солдат оказался не машиной. Он обладал душой и совестью, и впервые они восстали против власти в 1968 году. Десять лет спустя к ним присоединились материальные факторы, которые окончательно сокрушили его верность.

«Активные мероприятия»

«Активные мероприятия» – это термин КГБ, который содержит весьма широкий смысл. В нем и шпионаж, и контрразведка, а всё вместе – это наступательное оружие советской дипломатии. И здесь КГБ не снабжает Кремль информацией и не охраняет его лидеров, а помогает в осуществлении его грандиозных стратегических планов, проникая в иностранные правительства, подрывая доверие в систему, дискредитируя лидеров, внося раздор в лагерь союзников. В этих целях он старается, например, контролировать или манипулировать медиасредствами, особенно на Западе, затруднять оценку происходящего распространением дезинформации или фальшивых «официальных документов», влиять на общественное мнение через контролируемые коммунистами массовые организации и даже свергать силой правительства путем поддержки «освободительных движений». Это идет гораздо дальше так называемых covert actions (тайных операций) ЦРУ и других западных спецслужб. У последних это носит более избирательный и спорадический характер и обычно направлено на специальный объект для достижения специальных целей, может прекращаться и возобновляться в интересах демократически избранных правительств. Активные мероприятия КГБ имеют более глубокий и широкий характер и, помимо того, постоянный. Здесь мы имеем дело с постоянно действующей разрушительной машиной, вгрызающейся в основы западного общества, словно огромный механический экскаватор, который Кремль никогда не выключает.

Некоторые способы известны на протяжении десятилетий: использование, например, псевдообщественных политических организаций, напрямую не связанных с Советским Союзом. Прокоммунистические организации стали давней и общепризнанной на Западе угрозой ещё с тех пор, как в 1950 году был образован Всемирный совет мира. Но внутренняя картина активных мероприятий стала известна только в 1968 году, когда на Запад перебежал Ладислав Биттман, который четырнадцать лет служил в чехословацкой разведке, причем последние два года – заместителем начальника отдела дезинформации. На бегство его подтолкнула советская интервенция в

его страну. Он описывает, как его отдел, созданный по советскому образцу, осуществлял различные активные мероприятия на чехословацкой территории. Сюда относятся строительство ложных ракетно-пусковых комплексов с целью обмануть западные разведки относительно ядерной ударной мощи советского блока или выдача информации о том, что якобы на дне Богемского озера обнаружен секретный список нацистских агентов, после чего начинают нервировать Бонн настоящим компроматом из московских архивов.

Биттман также рассказал о соучастии его отдела в советских акциях за рубежом: в пропагандистской кампании правого сенатора Барри Голдуотера в 1964 году, когда сенатор был кандидатом в президенты США, или, например, попытки приобрести для Советского Союза «агентов влияния» среди западных журналистов и даже парламентариев. Это свидетельство произвело впечатление, и ЦРУ воспользовалось им в качестве предлога для опубликования списка советских подставных организаций по всему миру и советских пропагандистских кампаний вроде кампании против американской так называемой «нейтронной бомбы» в конце 70-х годов. Кампания, которая, по оценкам, обошлась русским более чем в сто миллионов долларов, оказалась дорогой, но завершилась громким успехом. Американцы отказались от планов создания этого оружия в качестве уступки тому, что президент Картер назвал «спонтанной волной возмущения во всем мире» против оружия, которое убивает людей, сохраняя здания. На самом деле это было оружие поля боя, предназначавшееся для вывода из строя экипажей танков с помощью повышенной, но кратковременной радиации, и оно было призвано нейтрализовать огромный перевес Варшавского пакта над НАТО в танках.

И все же эта картина активных мероприятий, написанная Биттманом и сотней других менее ценных источников, представляла собой взгляд извне, из окна, обращенного на Кремль. Насчет картины, написанной внутри, Западу пришлось ждать до одного из октябрьских вечеров 1979 года, когда на коктейле в токийском отеле «Санно» один русский, приглашенный на коктейль, отвел в сторону американского капитана 3 ранга и попросил, чтобы его свели в американскую разведку. Что и было немедленно сделано. Человеком, ломившимся в

американскую разведку, оказался майор Станислав Левченко, первый специалист по активным мероприятиям, сбежавший на Запад.

Левченко, которому было тогда 38 лет, всю свою профессиональную жизнь готовился для выполнения одной задачи в одном районе мира. Отец его был ученым-химиком, возглавлял отдел в военном НИИ, получил там офицерское звание и закончил жизнь генерал-майором. Его мачеха (первая жена ученого-химика, еврейка, умерла при родах, когда Станиславу было три года) была детским хирургом. Так что он происходил не из рядовой семьи, и будь его отец человеком не столь строгих принципов, они не жили бы в комнате коммунальной квартиры вместе с семьей другими семьями. В 1958 году Левченко поступил в Институт Азии и Африки при МГУ, где изучал японский язык, литературу, историю и экономику Японии. Он заслужил репутацию прилежного ученика, а также любимца женщин. В институте он дважды вступил в брак. Первой его женой была студентка по имени Елена. Брак продержался два года. Ему запомнились леденящие душу рассказы деда Елены, в давние времена землевладельца, о времени, проведенном им в тюрьме на Лубянке в сталинские времена. Потом была студентка архитектуры Наталья. Левченко начал вращаться в московских интеллектуальных кругах. Его новый тесть был членом Академии наук СССР. И от него он многое услышал про сталинскую эпоху, многие родственники Натальи пострадали во время чисток. Рассказы родственников обеих жен сыграли свою роль в конечном выборе Левченко расстаться с режимом.

Но в течение пятнадцати лет после окончания в 1964 году вуза Левченко в различных ипостасях старательно служил этому режиму – все время на основе использования японского языка. На последнем году обучения он три месяца плавал на патрульных судах в Японском море – помогал в допросах задержанных японских рыбаков. В результате после окончания института он попал на скучную работу в Министерство рыбного хозяйства СССР. С этой работы его вытащили через год, когда предложили работу в Советском комитете защиты мира – организации, руководившей деятельностью Всемирного совета мира. Еще через год он стал работать в Советском комитете стран Азии и Африки организацией, целью которой было манипулировать странами «третьего мира» в интересах борьбы с Западом под

руководством Международного отдела ЦК КПСС. Одной из его важнейших задач тогда было ведение пропаганды против войны во Вьетнаме и против, конечно, американцев. Левченко позднее писал, что частью этой кампании было склонение американских военнослужащих, проходивших лечение в Японии, к дезертирству с последующей переброской на японских рыболовецких судах в советские территориальные воды.

В 1966 году он был призван для отбытия воинской повинности. Его направили на специальные курсы по ведению разведывательной работы в военное время. Предметом его пристального изучения был английский порт Ливерпуль. Но этот эпизод его деятельности по линии ГРУ был отклонением от его будущего курса. В 1971 году, когда он был одним из официальных представителей своего комитета, КГБ завербовало его в свое самое престижное подразделение – Первое главное управление, занимавшееся разведывательными операциями за рубежом. После обучения – от шифров до боевых единоборств – в школе внешней разведки в населенном пункте Юрлово, расположившейся в подмосковных лесах, он, старший лейтенант КГБ, был направлен на работу в московскую штаб-квартиру разведки. Естественно, по Японии. Для начала ему передали дела на два десятка агентов из всех слоев японского общества, работавших на Советский Союз. Он вступил в соблазнительный мир привилегий. Его зарплата и прочие выплаты составляли более 300 рублей в месяц – примерно вдвое больше того, что получал ученый, учитель или инженер. К этому приплюсовывались 120 рублей Натальи, архитектора-дизайнера, а от её родителей они унаследовали двухкомнатную квартиру.

К этому времени Левченко уже успел увидеть, какие блага может предложить мир за пределами Советского Союза. Его работа в Комитете солидарности позволила ему съездить на конференции в несколько столиц «третьего мира», включая космополитический Каир в 1971 году. Между 1966 и 1974 годами, когда он выехал в командировку по линии КГБ, он не менее двенадцати раз выезжал за рубеж с советскими делегациями. Сотрудник КГБ превращался в корреспондента журнала «Новое время». Решением Политбюро 12 из 14 зарубежных корпунктов этого журнала были отданы КГБ. В феврале 1975 года в один из таких корпунктов – в Токио – выехал и Левченко.

Его первые часы в новом статусе зарубежного сотрудника разведки получились с горьковатым привкусом. Вместо того чтобы после длительного перелета через семь часовых поясов отдохнуть в отличной гостинице, каких много в Токио, он обнаружил, что для него с женой нашли дешевую, где номера сдавались на почасовой основе для клиентов без багажа. Первый вызов в резидентуру КГБ на десятом этаже огромного советского здания не поднял духа. Резидент, генерал-майор Дмитрий Ерохин, ограничился несколькими дежурными фразами: поздоровался, сказал, что от него ждут отличных успехов, и отпустил. Его непосредственным начальником по линии «ПР» – политическая разведка – (он ведал также активными мероприятиями) был подполковник Владимир Алексеевич Пронников, крестьянский сын, коренастый, экспансивный и куда опасней резидента. Жил он по-спартански и работал как черт. Пронников сказал Левченко, что всё знает про его личную жизнь – от пуделя-медалиста до красавицы-жены. Пронникову суждено было стать смертельнейшим врагом Левченко.

Первым делом он занялся вопросами своего обустройства, причем сделать это надо было так, чтобы было и комфортабельно, и соответствовало стандартам, в которых жили западные журналисты. На средства журнала он снял и обставил мебелью большую квартиру с тремя спальнями, купил новый японский автомобиль. Он обзавелся хорошей одеждой, жена Наталья обновила свой гардероб по последней западной моде. Всё это оправдывалось оперативной необходимостью. Если к этому добавить полную свободу передвижения, то по своим условиям существования он находился в привилегированном положении, и ему завидовали те советские граждане, что жили в посольском здании, хотя там и имелись собственный бассейн, баня, теннисный корт, свой магазин и кинотеатр.

Чтобы оправдать свое привилегированное положение, Левченко должен был добиться успехов. В то время в Токио насчитывалось около трехсот советских сотрудников (включая и торговое представительство, представительство «Аэрофлота», журналистов), из которых половину составляли сотрудники КГБ и ГРУ. Во времена Левченко в этой сети оказалось около двухсот японцев, причем мало кто из них на идеологической основе, из любви к марксизму. Некоторые были втянуты на основе просто-напросто дружеских

отношений (дружелюбные японцы, как считалось, весьма уязвимы с этой стороны). Большинство же были тонко куплены. Так и Левченко добился своего первого успеха.

Среди переданных ему связей для продолжения их «разработки» (человек десять с лишним) была и влиятельная фигура – член Социалистической партии Японии и депутат парламента по кличке «Кинг». Левченко втянул его в сеть, используя все три формы вербовки. Этот человек был когда-то коммунистом, что предполагало общность платформ, хотя не обязательно просоветскую направленность. Он был падох на лесть, и Левченко говорил ему, что считает его источником мудрости в том, что касается японской политики, и Левченко рассчитывает на его помощь в написании материалов в «Новое время» – без ссылки на его имя. «Кинг» был ещё более польщен, когда Левченко сообщил ему «доверительно», что его журнал является фактически органом Международного отдела ЦК и что информация, которую он как корреспондент посылает в Москву, помогает формированию политики в Кремле. Этим «признанием» Левченко убивал двух зайцев: во-первых, журналист становился больше, чем журналист, не показывая в то же время, что он разведчик, а во-вторых – японский друг верил, что таким незаметным образом он может влиять на мировые события.

Но сцементировала союз твердая наличность, хотя подавалась она до поры до времени тонко закамуфлированной. Однажды после завтрака из девяти блюд в отдельном кабинете одного из лучших токийских ресторанов «Кинг» доверительно сообщил Левченко, который был хозяином стола, что давно вынашивает мечту издавать свою собственную небольшую политическую газету и вся проблема в деньгах. И хотя он поднакопил кое-что из своего неплохого жалованья, только его сбережений не хватит на развертывание дела, которое он оценил в миллион иен. Левченко, увидев, что перед ним открытая дверь, не стал сразу же ломиться в нее. Он перевел разговор на другую тему, а к этой вернулся спустя месяц после того, как из Москвы пришел положительный ответ. В другой раз японский друг признался, что ни от кого не может получить денег, и Левченко предложил ему «братскую помощь»: он положил на ресторанный столик толстый конверт с банкнотами. Когда же «Кинг» без особых колебаний взял деньги, Левченко извиняющимся тоном попросил у него любого вида

расписку в получении денег, чтобы показать начальству, как он объяснил, что он не положил эти деньги себе в карман. «Кинг» тут же нацарапал расписку на обратной стороне своей визитной карточки.

Цемент был залит. Когда жертва, понимая опасность сделанного, через два дня попросила уличающую карточку обратно, ему было уже твердым тоном заявлено, что карточка улетела специальным курьером в Москву, где заперта в сейфе на вечное хранение. С этих пор уже Левченко давал приказания. Через несколько недель он подъехал к дому «Кинга» с тремя миллионами иен. «Кинг» спокойно пересчитал деньги и написал расписку, хотя его и не успели попросить об этом. Это было в декабре 1975 года, и в течение четырех последующих лет, пока «Кинг» не был разоблачен вместе с другими связями Левченко, он играл важную роль в планах Кремля относительно Японии.

Приоритет отдавался противодействию созданию любого альянса между Соединенными Штатами, Японией и коммунистическим Китаем. Левченко позже говорил:

«В Кремле вбили себе в голову параноическую идею о возможности возникновения “военного треугольника” Вашингтон – Токио – Пекин. Там верили в эту возможность до начала эры Андропова, хотя КГБ заверял Кремль, что такой альянс просто нереален. Но там не слушали. Кремль оказался жертвой собственной паранойи и пропаганды».

В качестве части этой кампании по борьбе с воображаемым привидением Левченко и его коллеги делали по приказаниям из Центра все что могли для сеяния недоверия между Японией и Соединенными Штатами и предотвращения сближения между Японией и Китаем. Одновременно им следовало проникать в японскую прессу, общественное мнение и партии оппозиции и создавать там просоветские лобби, но не вызывать при этом политических потрясений, потому что Москва была заинтересована в сохранении стабильной Японии, в которой она могла бы осуществлять свое влияние. Социалистическая партия «Кинга» являлась ключевым элементом в этом процессе, и, до того как с «Кинга» сорвали маску, он, похоже, заработал миллионы иен тем, что, например, блокировал избрание в парламент прокитайских кандидатов и способствовал распространению в партии марксистской доктрины. Самой большой персональной услугой «Кинга» Кремлю было создание японо-

советской парламентской ассоциации. Под зонтиком этой ассоциации осуществлялся частый обмен делегациями японских парламентариев и членов Верховного Совета СССР. Ассоциация также открывала хорошие возможности для ведения вербовочной работы КГБ. К концу 70-х ещё девять других влиятельных членов Социалистической партии попали в ту же сеть, в которой запутался «Кинг».

Самый крупный переполох в токийской резидентуре во времена Левченко случился 6 сентября 1970 года, когда старший лейтенант Виктор Беленко приземлился на своем перехватчике МИГ-25 на острове Хоккайдо и попросил американского политического убежища. В резидентуру тут же хлынул поток телеграмм из Центра с требованиями докладывать, какие сведения сообщил беглый летчик и что японские власти делают с самолетом, сверхсекретное электронное оборудование которого представляло большой интерес для американцев, произошло ли предусмотренное самоуничтожение этого оборудования. На следующий день резидентуре пришлось сообщить, что все сверхсекретные приборы в целости и сохранности и что их уже осматривают американские специалисты.

Тут в работу включилась служба активных мероприятий в Москве. Специальный курьер привез в Токио слезное письмо, написанное от имени жены Беленко, в котором она умоляла своего заблудшего мужа вернуться и положить конец страданиям семьи. Левченко было поручено протолкнуть это письмо в японскую прессу и подкрепить тем самым старания советских дипломатов, направленные на то, чтобы убедить японцев передать Беленко советской стороне. Левченко удалось сделать это через молодого журналиста при американском информационном агентстве, который горел желанием попасть в штат агентства на сенсационной истории. Но советская акция не удалась. Состоялась холодная встреча Беленко с советским офицером безопасности в присутствии представителей японских полицейских властей. Беленко отверг все приманки, которые, как он прекрасно понимал, представляли собой смертный приговор, украшенный ленточками и бантиками. На встрече он повторил свою просьбу о предоставлении ему политического убежища в США, и японские власти передали Беленко в руки ЦРУ.

Потеряв летчика, Центр направил свои усилия на возвращение самолета. Была задействована вся сеть КГБ в Японии. Через советских

«агентов влияния» японское правительство старались убедить, что для Японии унижительно быть пешкой в американских руках и ставить под угрозу будущее японо-советских отношений. В конце концов японцы разрешили американцам разобрать самолет и осмотреть его по кусочку, но не удовлетворили просьбу американцев испытать машину в воздухе. Так что все активные мероприятия в этом вопросе привели к скромному успеху. Однако Левченко исполнил свою партию хорошо, одиозного Пронникова отозвали к этому времени в Москву, и теперь все больше и больше заданий осуществлялось через него. Весьма важным в его работе было руководство с агентом «Аресом» – журналистом, завербованным лет десять назад. Этот агент оказался важным приобретением резидентуры: у него были ценные источники в японской контрразведке.

Внешне дела у Левченко шли благополучно, соответственно увеличивались и нагрузки. В начале 1979 года его поздравили с присвоением звания майора. Истинная картина была несколько иной.

Всерьез о бегстве он начал думать после отпуска, проведенного в Москве. Его бегство представлено как чисто нравственный выбор, продиктованный растущим неприятием цинизма Советского Союза и разочарованием, что подтолкнуло Левченко искать успокоения в церкви. Заманив «Кинга» в сети КГБ, он, как говорили, пошел в единственный русский православный храм в Токио и помолился об отпуске ему прощения и за души свою и своей жертвы. Однако позже Левченко приглушает религиозный аспект, заявив, что «он никогда не был доминирующим». Как и в случае со многими другими перебежчиками, моральный фактор играл важную роль в его выборе. Он помнил рассказы о родственниках его жен, пострадавших от сталинского террора. Тем не менее, это не остановило его от желания поступить на службу в КГБ и добросовестно работать там. И так же как и случаях с предшествовавшими ему перебежчиками на Запад, надо учесть и другие, более прозаические, чем идеология, факторы.

Начать с того, что его карьера в КГБ не была ни розовой, ни гарантированной, как можно подумать из сказанного. Его главный враг Пронников, с которым он не раз сталкивался по разным вопросам, был теперь полным полковником и был в Москве заместителем начальника в службе активных мероприятий. Полковник уже пару раз отвергал предложения Левченко из Токио, и, несмотря на снисходительно

дружеский прием с его стороны во время нахождения его бывшего подчиненного в отпуске, Левченко был уверен, что тот всегда встанет ему поперек пути, если Левченко будет продолжать заниматься той же работой. Конечно, можно было перейти в другой отдел, но Левченко стало тошнить от интриг, которыми сопровождалась карьера в КГБ, где ни служи. Главным притягательным мотивом была служба за границей, но она не вечна: Левченко знал, что осенью 1979 года ему предстоит возвращаться и служить в душной атмосфере московского Центра. Так почему бы не растянуть командировку на неопределенное время? Его могло ждать на Западе негарантированное будущее, но в одном он был уверен: только там он мог продолжить тот стиль жизни, к которому его приучило долгое пребывание в Токио. У него не было побуждения взять с собой Наталью, даже если бы она этого пожелала (их единственный сын в это время учился в московском вузе). Брак постепенно становился все более безрадостным, а Левченко был мужчиной, который недолго оставался без женского общества. Так что существовало много факторов, которые подталкивали его сделать последний шаг, и мало таких, которые удерживали бы его от этого шага.

Что касается выбора времени, то он был подсказан ходом событий. В сентябре 1979 года ему приказали до отъезда в Москву, намеченного на конец октября, передать все свои связи другим сотрудникам резидентуры. А список был впечатляющий. Помимо политических «агентов влияния» во главе с Исидой и другими лидерами соцпартии там были Такуи Ямане, помощник редактора массовой консервативной газеты «Санкей», профессор Ямамото, возглавлявший группу агентов-интеллектуалов, а также множество «дружеских связей». «Активные мероприятия» запустили свои когти в японские медиа и академический мир, как и в японский парламент.

Но «Арес», журналист со связями в контрразведке, был наиболее ценной оперативной связью. Когда Левченко сказал тому, что уезжает, «Арес» сделал ему прощальный подарок – 700-страничный справочник с именами, адресами и номерами телефонов всех сотрудников службы безопасности. Левченко, в свою очередь, также решил сделать КГБ прощальный подарок. «Арес» мог держать в руках справочник в течение двух часов, и то ночью. Выбрали время с 1 часу до 3 ночи 24 октября. Справочник как надо был передан – путем так

называемой «моментальной передачи» возле Японо-французского культурного центра, затем Левченко с товарищами из резидентуры отвезли справочник в резидентуру, спешно пересняли, и в 1 час 40 минут Левченко передал справочник «Аресу». Эмоции взяли верх над конспирацией, и оба тепло попрощались. Утром, съев последний завтрак, который приготовила Наталья, Левченко занялся, казалось бы, рутинным делом – отправился в пресс-клуб, после в парламент, а затем – в долгий путь через книжные магазины и большие универмаги – убедиться, что за ним нет слежки. Как уже написано, день у Левченко закончился отнюдь не рутинным образом – подходом на коктейле в отеле «Санно» к незнакомому американскому морскому офицеру.

В Токио последний побег советского разведчика на Запад до этого имел место 20 лет назад подполковником МГБ Юрием Растворовым. Как и Растворову, майору Левченко пришлось провести беспокойное время в японском аэропорту, прежде чем самолет повез его на Запад.

Тот морской офицер действовал молниеносно. Левченко беспрепятственно отвели в пустой номер отеля, из ниоткуда явились два американских военных полисмена, они заперли номер изнутри, а офицер бросился в находившееся неподалеку американское посольство. Вернулся он менее чем через полчаса со старшим сотрудником, который, задав пяток вопросов по составу советской резидентуры, убедился, что Левченко – настоящий. Человек из ЦРУ исчез, чтобы через 20 минут появиться с сотрудником посольства, который объявил Левченко, что ему предоставлено американское политическое убежище и он может выехать в Соединенные Штаты немедленно. Вся процедура заняла менее двух часов – налицо был большой прогресс по сравнению с неспешными действиями, с которыми пришлось столкнуться первым послевоенным перебежчикам.

Но отлет произошел отнюдь не немедленно. ЦРУ надеялось отправить его военным самолетом с базы в Ацуги, но Вашингтон не разрешил. На рассвете 25 октября после ночи, проведенной в безопасном месте, Левченко сказали, что он будет отправлен вечером нормальным рейсом компании «Панамерикэн» из токийского аэропорта «Нарита». Ему вручили билет первого класса и вернули паспорт, который взяли на ночь. Там стояла американская въездная виза. В аэропорту, чего и боялся Левченко, начались затруднения.

В сопровождении старшего сотрудника ЦРУ и ещё одного американца Левченко прошел оформление и, когда он следовал в зал ожидания 1 класса, его узнали два японских контрразведчика. Они сообщили в полицию и МИД, и скоро зал ожидания наполнился японскими официальными лицами, которые пожелали узнать, почему корреспондент «Нового времени» (которого они, вероятно, подозревали в работе на советскую разведку) отправляется в Вашингтон с американским эскортом. Ажиотаж усилился, когда Левченко сообщил им, что он попросил и получил политическое убежище в Соединенных Штатах. Один из мидовцев, эксперт по России, заметил на русском языке, что по существующему у его правительства консульскому соглашению с Москвой, Левченко перед отлетом имеет право увидеть официальное лицо из советского посольства. Левченко отказался от встречи и ринулся в свое последнее «активное мероприятие», на этот раз во имя спасения собственной головы. Он заявил японцам, что, мол, «второй по значению капиталистической стране мира» нечего гнуться и дрожать перед Советами из-за такой пустячной проблемы. Продолжая браваду, он заказал шампанского – для себя, поскольку знал, что японцы при исполнении пить не будут.

Но под этой бравадой прятался растущий страх. Улетел второй самолет «Пан-Ам» на Штаты, третий, а препирательства всё продолжались. Постепенно группа сотрудников японской службы безопасности оттирала эскорт ЦРУ в другой конец зала, отделяя его от подопечного. Но в конце концов оказалось достаточно звонка в посольство. Услышав о ситуации, американский советник-посланник связался с японским министром иностранных дел и заявил протест против незаконного задержания пассажира с билетом до Соединенных Штатов, с действительным паспортом и въездной американской визой. Хотя времена генерала Макартура и оккупации Японии миновали, американское политическое влияние в Токио было таковым, что Советский Союз ничего не мог ему противопоставить. Старший сотрудник МИДа, находившийся в зале, был подозван к телефону. Он вернулся весь красный и сказал Левченко: «Вы свободны покинуть территорию Японии».

Следующий авиалайнер уже ждал взлета, и Левченко быстро отправили туда. Он и его сопровождающие покинули зал ожидания

вовремя, иначе дело могло бы закончиться потасовкой. В советском посольстве были встревожены сообщениями, полученными от японцев, три автомашины полетели в аэропорт «Нарита», и их пассажиры уже развернули свои ряды в здании терминала. Но, когда они подходили к пропускному пункту, самолет был уже в воздухе.

Левченко перед отлетом успел нанести последний удар своему старому недоброжелателю. Среди нескольких официальных лиц, которые сопровождали его по бетону аэродрома, был миниатюрный сотрудник контрразведки, и он спросил Левченко, кто из старших офицеров КГБ в Москве представляет наибольшую опасность для Японии. «Пронников, – ответил он, поднимаясь по трапу. Владимир Пронников», – повторил он, чтобы его правильнее поняли.

Полный цикл

На службе Франции

«Конец там, откуда мы отправляемся». Эта строка (в вольном переводе. – Примеч. перев.) из Т. С. Элиота весьма подходит к истории одного из самых крупных секретных агентов Франции – или в данном случае всего Запада, – работавших против Советского Союза, и тем более из самой Москвы. Человек с пророческим кодовым именем «Фэрвел» (Farewell – по-английски «прощай») был исключительным не только с точки зрения поставлявшейся им информации за время краткого, но ослепительного всплеска активности. Он был редким также по контрастам темперамента и характера. Его ум был полон презрения к режиму, которому он служил, и был холоден и тверд, как ледник. Но в его сердце пылал огонь, и при всплеске эмоций и страстей он напоминал персонаж, сошедший со страниц русских романов. Эти страсти никогда не ослабляли его волю и смелость. Но именно одна из таких вспышек и сгубила этого человека в его одиноком крестовом походе. Случилось это так.

Февральским вечером 1982 года у «Фэрвела» была весьма интимная встреча с шампанским, которая происходила в его автомобиле, поставленном в укромном уголке московского лесопарка. Партнером была его любовница, секретарь из штаб-квартиры КГБ по имени Людмила. Внезапно их пирушка была прервана стуком в стекло автомашины. «Фэрвел» выскочил и увидел человека, в котором то ли узнал, то ли не узнал коллегу КГБ. Узнал или не узнал, но его первой реакцией была мысль о том, что за ним следят, что его тайна раскрыта и его собираются схватить как западного шпиона. Человек поспокойнее и в более спокойном состоянии души вряд ли запаниковал бы, заметив, например, что нарушитель спокойствия вроде бы один. Но, как отмечалось, «Фэрвел» обладал отнюдь не спокойным темпераментом и даже трезвый находился в напряжении от своей двойной жизни. А в эту ночь он был к тому же ещё и крепко выпивши, если не совсем пьян. Разум отступил на второе место. Он выхватил нож и ударил пришельца. Тот упал замертво. Увидев это, пришедшая в ужас Людмила выскочила из машины и попыталась скрыться от своего любовника за деревьями. Но тот уже обезумел.

«Фэрвел» догнал девушку и нанес и ей удар ножом, бросив её умирать в снегу. Потом сел в машину и уехал.

Примерно часом позже – снова как в классической трагедии – его, преступника, потянуло на место преступления. Там уже была милиция, но это был не самый страшный удар для «Фэрвела». Людмила, которую, как он считал, он убрал как свидетеля, была жива и указала на него. Он показал документы, и милиция увидела, что арестованный убийца (поначалу милиция подумала, что это была ссора из-за женщины) является полковником КГБ. Первое впечатление о ссоре из-за женщины усилилось тем обстоятельством, что мужчина – жертва преступления, который действительно оказался здесь один, жил в Москве, километрах в десяти от места убийства. Самое простое объяснение трагедии состояло в том, что он тоже имел связь или был влюблен в Людмилу и в этот вечер выследил парочку, чтобы застать её на месте со своим соперником. Протрезвевший «Фэрвел» понял, к своему горькому сожалению, что против него нет ни малейших подозрений в шпионаже. Но убийцей он, безусловно, был. За это его судили, и в таком явном преступлении принадлежность к КГБ не дает защиты. В конце осени 1982 года «Фэрвел» начал отбывать 12-летний срок в иркутской тюрьме. И только тогда власти начали подозревать его в вещах гораздо более тяжких в их глазах, чем убийство. И выдал себя осужденный преступник. Вот с этого конца мы и должны вернуться к началу повествования. Оно было почти столь же необычным. Шпионская карьера, которая закончилась убийством в московском лесопарке, совершенном из его автомобиля, началась на парижских улицах примерно за пятнадцать лет до этого с того, что он разбил свой автомобиль (автор приводит как факты, но не отмечает ещё одну «необычную» общность двух случаев: и там и там он был пьян. – Примеч. перев.).

«Фэрвел» начал свою взрослую жизнь, получив диплом инженера автомобильной промышленности. Подразделение, ведавшее в Первом главном управлении КГБ (внешней разведке) добыванием технической информации, всегда искало таких специалистов для, как это называлось, «линии икс». В их задачу входил сбор на Западе любыми средствами любой крупинки научно-технической информации для советской военной машины. Многообразие целей этого огромного аппарата Кремля было впервые раскрыто «Фэрвелом», и об этих целях

будет сказано ниже. А сейчас в центре нашего внимания сам «Фэрвел», молодой сотрудник советской разведки, направленный в Париж отделом «Т».

Он пробыл там пять лет под дипломатическим прикрытием, разрабатывая французских ученых и промышленников, у которых мог получить информацию или, если возможно, образцы продукции. Контакт с таким потенциалом был один французский бизнесмен, занимавший видную позицию на предприятии французской электронной промышленности – ключевом объекте советского проникновения. «Фэрвел» оформил свою связь как перспективную письмом в Москву. Если забыть про профессиональную сторону, у «Фэрвела» установились добрые отношения со своей «разработкой». Эти отношения стали совсем близкими, после того как «Фэрвел», находясь в пьяном виде за рулем, как-то ночью разбил свою машину на парижской улице. Он знал, что его за это ждут большие неприятности, если об этом узнает его здешний начальник. В состоянии крайнего расстройства он обратился за помощью к бизнесмену. Этот джентльмен то ли по доброте, то ли по расчету оплатил полный ремонт машины и, более того, сделал так, чтобы машину отремонтировали в считанные часы. Когда «Фэрвел» увидел свой воскресший автомобиль, то, по словам бизнесмена, у него появились слезы благодарности и он буквально упал на колени перед своим благодетелем. Начало его истории как шпиона Запада, хотя она и началась, по существу, через несколько лет, может быть датировано этим моментом.

В 1970 году «Фэрвел» с сожалением уехал из Парижа, сохранив о нем множество теплых воспоминаний. Его друг и спаситель (ему потом предстоит съездить в Россию по делам не менее сотни раз) имел естественные рабочие отношения с французскими спецслужбами, которые взяли на учет русского как долговременную перспективную связь. «Фэрвел», со своей стороны, вполне мог допустить, что его французский друг работает на спецслужбы своей страны, хотя и зарегистрировал его как важный источник технической информации для Москвы. Это может показаться сложным уравнением, но весьма распространенным в алгебре шпионажа. Основополагающими здесь были дружеские отношения, сложившиеся между двумя людьми, закрепленные со стороны «Фэрвела» долгом признательности.

В течение десяти последующих лет французские спецслужбы проявляли примерную профессиональную выдержку, заботясь лишь о сохранении контакта. Во время своих визитов в Москву бизнесмен периодически встречался со своим советским другом, но это были контакты на личном уровне, без каких бы то ни было оперативных дел. В Париже решили играть в долгую игру, надеясь, что в один прекрасный день «Фэрвел» сам сделает нужный шаг. В конце 1980 года выдержка французов была вознаграждена. Бизнесмен получил в Париже письмо от «Фэрвела» и устное послание. Ни там, ни там не было никаких предложений о прямой работе на Францию, а попросту содержалась просьба о новой встрече в Москве. Французским спецслужбам хватило этого намека. С этого времени дело «Фэрвела» вступает в активную фазу.

Операция оказалась оригинальной в том смысле, что её вела в течение всего времени, сколько она длилась, ДСТ (контрразведка). Во время работы во Франции русский автоматически подпадал под её наблюдение. После отъезда, когда контроль над ним должен был бы осуществляться в Москве, его, казалось бы, следовало передать коллегам (и злейшим конкурентам) из СЕДЕК (разведки). Директор ДСТ Марсель Шале и новый министр внутренних дел Гастон Деффер поставили вопрос перед президентом Миттераном, который пришел на смену Валери Жискар д'Эстену летом 1981 года. «Раз дело идет, пусть и идет по-старому», – лаконично ответил Миттеран. Таким образом только что пришедшие к власти социалисты показали, что они понимают потенциальную значимость дела для интересов Франции и Запада в целом.

К лету 1981 года дело «Фэрвела» шло не просто хорошо, а замечательно. Но Раймон Нар, который, как глава советского отдела контрразведки, который должен был вести это дело, встретился с трудностями. Требовалось организовать связь и руководство «Фэрвелом» на чужой территории – в Москве. Операция требовала импровизации и привыкания к новым условиям. Она принесла великолепные результаты, но ставила порой перед такими сложными задачами, преодолеть которые удавалось только благодаря холодным нервам и галльской удали.

Первым из возникших вопросов было – как отнестись к настойчивому приглашению «Фэрвела» на встречу. Сам бизнесмен не

мог немедленно выехать в Москву, но к этому времени у его фирмы появился постоянный офис в советской столице, и его возглавлял в качестве представителя другой француз. И первые шаги было решено сделать через него. Этот представитель был кавалером ордена Почетного Легиона и, когда его пригласили в Париж и изложили суть дела, счел своим патриотическим долгом участвовать в деле, хотя это было и небезопасно для него как для лица, не имеющего дипломатического иммунитета. Ему рассказали о «Фэрвеле», обучили основным приемам шпионского искусства и после этих молниеносных курсов сроком менее чем в неделю отправили обратно в Москву. Редко когда такую крупную разведывательную операцию подвешивали на такой тонкой нити.

Дело упрощалось тем, что «Фэрвел» уже сам всё проработал. Так что, когда француз позвонил ему, «Фэрвел» тут же назначил ему встречу в центре Москвы, почти под кремлевскими стенами, и передал ему первую стопку документов. Некоторые были оригиналами, их следовало переснять в офисе фирмы и незамедлительно вернуть при следующей встрече, другие же «Фэрвел» уже переснял. Любопытно, что на большинстве документов стоял штамп «Снятие фотокопий запрещено!»

Это была первая партия документов, которая прибыла в Париж (представитель направил её коммерческим багажом в составе французской диппочты – нормальное явление) и которую Раймон Нару увидел собственными глазами. Он сообщил своему руководству о размерах полученного богатства. «Фэрвел» был к этому времени старшим офицером в отделе «Т», втором по величине в Первом главном управлении КГБ. Оно занималось сбором «специфической информации» за рубежом, прежде всего связанной с ядерными исследованиями на Западе, ракетными и космическими программами, компьютерными технологиями. К тому же отдел занимался оценкой полученных со всех концов света материалов и распределением их в заинтересованные ведомства Советского Союза. Так что «Фэрвел» был в курсе самых последних нужд Кремля по части военно-промышленных секретов и того, как КГБ удовлетворяет эти нужды.

Раймону Нару и его коллегам стало ясно, что работа с таким бесценным источником должна быть поставлена на более солидное основание, а это означало создание во французском посольстве

некоего экстерриториального образования. Московский представитель фирмы рисковал своей свободой и, может быть, головой при каждой передаче материалов. Марсель Шале воспользовался близкими отношениями с генералом Жеану Лаказом, начальником штаба Вооруженных Сил Франции, из военного атташата в Москве был выбран один офицер, оказавшийся другом Раймона Нара. Этот офицер был введен в Париже в курс дела. Ему сказали, что всё это надо хранить в строжайшей тайне, даже – предупредили его – от посла. Это решение не сулило ничего, кроме выгод. Офицер, хотя и не специалист из области разведки, был все-таки профессионалом, переснятые документы теперь могло осуществляться в безопасном месте посольства, сам офицер имел дипломатический иммунитет.

Но имелись при этом и неудобства, связанные прежде всего с тем, что офицеру приходилось исполнять и свои официальные функции. Однажды, например, он был обязан появиться на официальном мероприятии на даче своего посла сразу же после получения материалов от «Фэрвела» (обычно это делалось на машине). Что ему было делать с ценным товаром, который вряд ли можно было тащить на прием, да и на себе его не спрятать? Нельзя было и выпускать его из рук, поскольку за дачей вела наблюдение охрана.

Тогда он подошел к охраннику и сказал ему, что в машине лежит коробка виски и он не хотел бы, чтобы её украли, пока он находится на приеме. Чтобы поощрить охранника, он дал ему бутылку спиртного. Охранник точно исполнил его указания. Так в течение двух часов советский часовой нес охрану лежавших в автомобиле нескольких сот советских секретных документов.

Следует добавить, что с чисто физической точки зрения операция упростилась. По просьбе «Фэрвела» ему передали фотокамеру с высокой разрешимостью, и с конца лета 1981 года он передавал материалы в гораздо более удобной форме – в маленьких кассетах. Так длилось до конца деятельности «Фэрвела».

Прежде чем вернуться к драматической развязке этой истории, возьмемся оценить значение «Фэрвела» среди других советских перебежчиков.

Прежде всего он представил Западу полную картину сети научно-технического шпионажа, действующей против него. В центре её стоит Военно-промышленная комиссия со своей структурой. Запад знал о её

существовании, но считал её функции ограниченными координацией производства внутри страны с целью сглаживания недостатков и предотвращения дублирования. «Фэрвел» раскрыл вторую и параллельную задачу – определение технической информации, которую необходимо достать для Военно-промышленной комиссии за рубежом для латания дыр в собственных знаниях, распределение приоритетов между задачами.

Он назвал шесть организаций, ответственных за реализацию поставленных задач: КГБ с его специальным отделом «Т», ГРУ – военная разведка, Государственный комитет по науке и технике (ГКНТ), Академия Наук СССР, Министерство внешней торговли и Госкомитет по внешнеэкономическим связям (ГКЭС), занимавшийся в основном странами «третьего мира». «Фэрвел» объяснил, что все вместе они решают задачу не упустить поезд всемирных технических инноваций. Чтобы не отстать от этого поезда, они готовы тратить миллионы рублей, чтобы купить на него билеты. Но, если билеты нельзя купить, их следует украсть. «Фэрвел» подчеркивал все увеличивавшуюся помощь Москве со стороны разведок восточноевропейских стран. В течение, например, одного отчетного периода поляки и восточные немцы добыли собственными усилиями бóльшую часть информации по ядерным вопросам, 40 процентов всей информации по «звездным войнам», ценную информацию по западному химическому и биологическому оружию, а также материалы по обычным вооружениям, например по танку «Леопард». Вена – резиденция Международного агентства по атомной энергии – были первыми целями восточноевропейских спецслужб.

«Фэрвел» представил результаты того, что сумел втянуть в себя этот всемирный «пылесос», в виде совершенно секретных отчетов Военно-промышленной комиссии за 1979–1980 годы. За первый год за границей было добыто 58 516 документов и 5824 образца техники. Благодаря этим приобретениям, утверждалось в отчете, в Советском Союзе было запущено 164 новых проекта исследований и развития, а работа над 1262 проектами была ускорена и сокращена по времени. За следующий год число материалов сократилось, но качественно выросло, что позволило инициировать 200 проектов и сэкономить на работе над 1458 проектами. За четыре года, по данным «Фэрвела», было добыто 30 000 образцов техники, поступило 400 000 западных

документов. А отчет подразделения «Т» за 1980 год показывал, что в предыдущем году только КГБ истратил на неуказанные образцы западной техники 800 000 рублей в иностранной валюте плюс ещё 1,5 миллиона – на «контрольно-измерительные приборы, радиоприемники и передатчики, охрану информационных каналов» и пр. Эти цифры дают представление об общих расходах в рамках ВПК.

Такая статистика, представленная Военно-промышленной комиссией своим хозяевам из Политбюро, возможно, несколько натянута. Но у Запада не было необходимости в информации «Фэрвела», чтобы получить представление об основных примерах хищений в области научных разработок, видимых невооруженным глазом. Так, основной самолет радиолокационной разведки советских ВВС является прямой копией американского AWAC; русский бомбардировщик «Блэкджек» (по натовской терминологии. – Примеч. перев.) смоделирован по американскому В1-В; транспортный самолет с коротким взлетом «Антонов-72» – близнец «Боинга YС-14»; новейшие советские торпеды для подводных лодок сделаны по образцу американской МК-48; по сообщению другого советского перебежчика, хищение всех чертежей американской субмарины «Джордж Вашингтон» (вряд ли такой объем чертежей можно похитить чисто физически; см. также предисловие от издателей. – Примеч. перев.) позволило русским построить собственную копию, которую с юмором обозвали «Жоржиком». Как показывают эти примеры, значительная часть золотой пыли, которая имеет происхождением Соединенные Штаты, всасывается упомянутым «пылесосом». Документы «Фэрвела» показывают, что в 1980 году, например, 61,5 процента информации поступило из американских источников, 10,5 – из Западной Германии, 8 – из Франции, 7,5 – из Великобритании и 3 – из Японии.

Среди более чем трех тысяч секретных и совершенно секретных документов, которые «Фэрвел» переправил на Запад, были и два списка сотрудников, составленных на основе документов, хранившихся у него в сейфе. Первый список насчитывал 250 сотрудников, работавших по «линии икс» под различными «крышами» по всему миру. Этот список позволил, по крайней мере на короткое время, парализовать операции КГБ в этой области. Но «Фэрвел» сумел нанести удар по контактам на местах офицеров «линии икс» по всему

свету. Он передал Западу данные, которые позволили выйти более чем на сто шпионов, действовавших в научно-технической области как минимум в 16 натовских или нейтральных странах. Некоторые были арестованы, судимы и получили сроки. Других отпугнули или сделали их безвредными. За третьими установили наблюдение, в некоторых случаях через них Москву снабжали фальшивками.

Как и остальные разоблачения «Фэрвела», это была информация, вплотную затрагивавшая интересы партнеров Франции по НАТО. Этих партнеров, прежде всего Соединенные Штаты, которые, как показала статистика КГБ, являлись главной целью, поставили в известность по полной программе. Бытует история, что на саммите десяти стран в Оттаве в июле 1981 года новоизбранный президент Франции Миттеран отвел президента Рейгана в сторону и показал ему досье «Фэрвела», и, согласно этой версии, американский президент избавился от подозрений в отношении президента-социалиста и в мгновение ока проникся сердечностью к нему. На самом деле эта перемена настроения имела место не в самой Оттаве, а на двусторонней встрече двух лидеров по дороге на саммит. И представление документов, хотя и заслужило благодарность Рейгана (особенно позже, после того как информацию оценили и пустили в дело), сразу не изменило американского отношения к Миттерану. Тем не менее досье «Фэрвела», безусловно, помогло Франции, которая временами по своей инициативе держалась в стороне от союзников по НАТО, повысить свой авторитет в семействе спецслужб НАТО. Более того, разоблачение в глазах Белого дома глубины и целей советского научно-технического шпионажа оказалось, пожалуй, главным политическим отзвуком дела «Фэрвела». В Соединенных Штатах и во всем западном мире надолго запомнили реальность угрозы и необходимость принятия определенных контрмер против этой угрозы. Началась новая атака против «технобандитов» – западных бизнесменов, готовых за кругленькое вознаграждение помочь в контрабанде запрещенных товаров в Советский Союз. Ужесточились меры со стороны КОКОМ (Координационного комитета стран НАТО плюс Японии по продаже высокотехнологичной продукции в Советский Союз), особенно по самым высокотехнологичным товарам, как компьютеры и роботы. При сильной поддержке Франции КОКОМ стал специальным консультативным органом по контролю за продажей

технологического оборудования, которое может представлять особый военный интерес для Москвы.

Но все эти мероприятия наталкивались на присущую западным, особенно американскому, обществам открытость. Благодаря этой открытости КГБ могло 40 процентов научно-технической информации черпать из открытых и законных источников, таких как статьи в технических журналах, доклады и дискуссий на международных научных конференциях и так далее. Благодаря предупреждениям «Фэрвела» даже в этой традиционно прозрачной области были предприняты определенные усилия по уменьшению утечек ценной информации.

Это одна часть его стратегического значения как шпиона. Другая состоит в раскрытии им военных секретов Советского Союза, которые он раскрыл, и почти бессознательно – одновременно с передачей перечня разведывательных устремлений Кремля. Так, сведения о настойчивой охоте Москвы за данными на самолеты с вертикальным взлетом привели к раскрытию того факта, что Советский Союз занимается производством новой и на тот момент неизвестной Западу машины этого типа, а именно ЯК-44. Полетный радар на последних советских истребителях МИГ-29 стал «читаться» гораздо легче, когда было установлено, что он частично позаимствован у западных моделей. Равным образом знаменитые советские ядерные ракеты среднего радиуса SS-20 не представляли большого секрета для Запада, так как значительная часть её технологии пришла с Запада.

Что касается наземных вооружений, то НАТО впервые узнало, что в 90-х годах у Красной армии будет новый боевой танк, после того как «Фэрвел» возвратил на Запад чертежи, ранее украденные и использованные при строительстве танка. Значительные пробелы выявились в области советских ракетных двигателей – одной из относительно редких областей, в которой русские удерживали значительное преимущество перед Западом. Хотя русские хвастались, что им нечего занимать в этой области, «Фэрвел» раскрыл, что Москва на самом деле очень интересовалась секретами «криогении» – особой сжатой смеси кислорода и азота, которая использовалась как горючее во французских ракетах «Ариан». Интерес Кремля к французским ракетам явился причиной того, что президент Миттеран в течение

своего срока пребывания у власти холодно относился к русским, и это ещё один пример влияния «Фэрвела» на политические события.

Но пора вернуться в Советский Союз в зиму 1982 года и увидеть, как «Фэрвел» сам закрыл шпионское досье на себя. Начнем с того, что мало было известно о нем самом и его семье, хотя это играло ключевую роль в его провале. Поскольку он отклонял предложения о встрече в Париже^[61], отрывочная информация о нем была собрана лишь двумя французскими связниками, которые встречались с ним в Москве.

«Фэрвел» родился в Москве в 1928 году и происходил, очевидно, из мелких сельских дворян, поскольку при удобных случаях говорил, что он «из бывших». Он был явно хорошо образован и начитан, у него была старинная мебель и старинные произведения искусства и вообще вкус к хорошей жизни в её традиционном понимании. Он ненавидел коммунистический режим за его вульгарность, своекорыстие, ложь – пожалуй, так же, как прусские юнкера ненавидели нацистский режим, которому вынуждены были служить. Коммунисты в его глазах утратили всякое уважение и его лояльность, потому что никогда всерьез не пытались взять на себя главную ответственность любого правительства – служить нации. Однажды он вытащил кошелек. «Смотрите, что мы получаем! – воскликнул он. – Все деньги идут на оружие. И ничего народу». Деньги не играли никакой роли в его решении работать против режима. Он никогда не пытался торговаться за бесценные материалы, которые передавал, и принимал небольшие суммы на покрытие своих расходов.

Жена его была тоже не из пролетариев. Об этой женщине известно ещё меньше сверх того, что она была дочерью адмирала и весьма культурным человеком.

Разоблачение «Фэрвела» произошло после того, как он сам, уже осужденный за убийство, начал понемногу проговариваться. Несмотря на его отдельные любовные приключения вроде романа с Людмилой, его брак был вполне счастливым – на русский манер. И вот в своих письмах жене из иркутской тюрьмы он не смог удержаться, чтобы не вставить ностальгических намеков на «нечто большое», от чего он теперь вынужден отказаться. Такие намеки не могли не обратить на себя внимание. «Фэрвел» должен был понимать и, возможно, понимал, что все написанное им проверяют тюремные власти. Подключился

КГБ, и зимой 1982–83 года к нему пришли следователи из его прежней организации, где начали подозревать, что он не только убийца, но и предатель.

Запад узнал об этих допросах и вообще о том случае, который привел к аресту «Фэрвела» и заключению его в тюрьму, благодаря исключительному совпадению. Офицером, которого послали допрашивать «Фэрвела», был полковник Виталий Сергеевич Юрченко, с сентября 1980-го до марта 1985 года возглавлявший 5 отдел Управления «К» Первого главного управления КГБ, и в его обязанности входило, помимо прочего, расследовать подозрительные на шпионаж случаи среди сотрудников. А в августе 1985 года, через пять месяцев после того, как Юрченко был направлен за рубеж на оперативную работу против Соединенных Штатов и Канады, он совершил «импульсивный побег» в американское посольство в Риме. И хотя спустя три месяца он совершил другой импульсивный побег – в советское посольство в Вашингтоне, – достоверность его информации была подтверждена другими перебежчиками. Одна из вещей, которую он поведал американцам за то прискорбно малое время, какое он был у них в руках, это развязка с «Фэрвелом» и его связанная с этим психологическая травма, которая первоначально толкнула Юрченко на побег^[62].

Согласно Юрченко, было неудивительно, что «Фэрвел» не только сразу признался в шпионаже в пользу Франции, но воспользовался случаем, чтобы клеймить режим и воздать хвалу Западу. Он написал длинный документ под названием «Признания предателя», которое по своей остроте воскрешает в памяти «Я обвиняю» Эмиля Золя. Острейшей критике он подверг службу, в которой работал. Первое главное управление КГБ, заявил он, «совершенно разложилось, пропитано алкоголизмом, коррупцией и деспотизмом». Его тирада заканчивалась словами: «Мое единственное сожаление в том, что мне не удалось нанести ещё больше ущерба Советскому Союзу и оказать ещё больше услуг Франции».

«Фэрвел» знал, что он обречен, но не каждый из обреченных встречает смерть как последний раунд борьбы. В его «Признании» отражены два аспекта его характера: и холодное презрение интеллектуала, и горячая славянская страсть сливаются в одно. Не

последним из важных уроков, преподанных «Фэрвелом», является то, как он закончил свою жизнь.

Он улыбнулся бы тому, что случилось после его казни. Так, 5 апреля 1983 года французское правительство единым махом изгнало из страны 47 сотрудников советских спецслужб, действовавших во Франции под разными видами дипломатических прикрытий. Основную массу составляли офицеры «линии икс», взятые из списка двухсот пятидесяти, который был передан «Фэрвелом» в ДСТ за год до этого. Эта массовая высылка наделала много шума и в западной прессе была напрямую связана с ударом, который до этого нанесли французам русские. За три месяца до этого французское посольство в Москве было вынуждено со стыдом признать, что КГБ шесть лет прослушивало связь с Парижем через «жучки», вмонтированные в посольские телетайпы таким образом, что русские читали сообщения до того, как они зашифровывались перед отправкой в Париж, и после того, как расшифровывались – после получения из Парижа. Высылки явились ответом на такое унижение, и этого не скрывали. На самом деле оба эти события никак не были связаны между собой. Советские разведчики были высланы, потому что месяцем раньше Раймон Нар и его коллеги получили подтверждение о смерти «Фэрвела», так что теперь можно было разрушать названную им сеть, не боясь навредить ему.

Хотя Кремль воздержался от ответных мер, КГБ старался отомстить за свое поражение и спустя долгое время после смерти «Фэрвела». Летом 1984 года они пытались заполучить в свои руки того самого бизнесмена, с которого всё началось – когда в конце 60-х был отремонтирован разбитый автомобиль. Бизнесмен получил письмо, написанное рукой жены «Фэрвела», в письме бизнесмену предлагалось приехать в Москву. Но эта очевидная ловушка была проигнорирована.

Имя этого бизнесмена, очевидно, упоминалось в качестве оперативного контакта «Фэрвела», когда тот был в Париже, и вовсе не значит, что его имя получили от «Фэрвела» во время допросов, перед смертью. И французский коммерческий представитель в Москве, возобновивший опасный контакт, и сотрудник аппарата военного атташе, который принял эстафету, доработали свои сроки в Москве, как было запланировано, и до возвращения домой, через год или два,

их никто не трогал. «Фэрвел» продолжал служить Франции даже после того, как он уже больше не мог служить Западу.

Резидент

Олег Гордиевский – это третий гигант из длинного списка офицеров советской разведки после 1945 года, который отверг систему и стал служить Западу. И он единственный из этого трио остался жив. Пеньковского в начале 60-х и «Фэрвела» в начале 80-х поймал, пытал и казнил режим, который они предали. Гордиевский чудом сумел избежать той же участи благодаря собственному высочайшему профессионализму и, можно сказать, помощи со стороны британцев, на которых он прилежно работал более десяти лет, пока его тайна не потрясла Москву.

Все перебежчики, без пяти минут перебежчики и «агенты на месте», про которых сказано в этой книге, тоже не пигмеи. Гиганты же среди них те, чья значимость вышла за рамки их чисто профессионального занятия. 5500 совершенно секретных документов, которые полковник Пеньковский передал Западу, изменили военное мышление в странах НАТО и распутали загадку ракет на Кубе. 3000 документов «Фэрвела», в основном того же совсекретного качества, сблизили Францию с западным альянсом и побудили Запад забить тревогу по поводу масштабов советского технологического воровства и шпионажа. Гордиевский не принес с собой кип документов, когда ему пришлось бежать. Да в этом у него и не было необходимости. К этому времени он был и. о. резидента в Великобритании, возглавлял все операции в стране – второй по значению после Соединенных Штатов разведывательной цели Советского Союза. Он занимал ключевой пост, который обычно должен возглавлять генерал-майор, и в этом смысле Гордиевский был самым влиятельным из советских офицеров, когда-либо переходивших на Запад.

Вместо документов, которые передавали те два его предшественника, Гордиевский передавал уникальное знание внутреннего мира Кремля, которое было доступно ему в силу его высокого ранга и тех постов, которые он ранее занимал в своей карьере. Как у Пеньковского и «Фэрвела», у него была своя миссия. В его случае вклад в отношения между Западом и Востоком состоял не в военной или научно-технической информации, а в глубоком

проникновении в умы советских лидеров. Некоторые из его открытий потрясли. Все вместе они помогли Западу изменить свои представления о советском режиме, и они работают до сих пор (напоминаем, что книга вышла в 1985 году. – Примеч. перев.).

Первым таким открытием в начале 80-х годов было то, что Запад даже не заметил, как он тогда прошел в опасной близости от войны. И дело было не во всплеске советской агрессивности, а в приступе паники. Гордиевский служил тогда в Москве, когда была запущена «Операция РЯН» – по начальным буквам слов «ракетно-ядерное нападение».

В конце ноября 1981 года в резидентуры всех столиц натовских и других важных и влиятельных стран вроде Японии, Швеции и Швейцарии, а также некоторых латиноамериканских государств была направлена циркулярная телеграмма. Получателям приказывалось отслеживать признаки того, что Запад готовит молниеносный ядерный удар по Советскому Союзу. Далее следовало перечисление пунктов, по которым надо было собирать информацию – они варьировались в зависимости от конкретной страны. Гордиевский сам направлял приказ по «РЯН» в Лондон.

От лондонской резидентуры требовалось внимательно наблюдать за режимом работы Даунинг-стрит, 10, министерств обороны и иностранных дел (и докладывать, горит ли по ночам свет). Аналогичное наблюдение вменялось вести за американским посольством на Гросвенор-сквер и штаб-квартирами Ми5 и Ми6, прослеживать активность передвижений курьеров и офицеров связи между этими ведомствами, наблюдать перемещения министров, отмечать, как часто Маргарет Тэтчер ездит в королевский дворец, обращать внимание на необычные передвижения войск и на оживление на авиабазах и в морских портах, отмечать, не проводится ли накопление запасов продовольствия, банков крови и прочие меры гражданской противовоздушной обороны, свидетельствующие о подготовке советского ядерного контрудара. Регулярные доклады следовало посылать каждые две недели, но в случае наличия чрезвычайной информации направлять её немедленно.

Циркуляр намечалось разослать из Москвы намного раньше, но были потеряны месяцы, потому что сводная команда из шестидесяти офицеров КГБ и ГРУ, на которую была возложена разработка

циркуляра, с самого начала не восприняла это задание слишком всерьез. (Это было время, когда во главе КГБ стоял ещё Юрий Андропов. Он якобы скептически отнесся к этой затее, но его убедил присоединиться к ГРУ «ястреб» – советский министр обороны маршал Устинов.)

«Операция РЯН» датируется маем 1981 года, когда впервые в своей истории два конкурирующих ведомства по приказу Политбюро скооперировались в работе по сбору глобальной информации. ГРУ поручили отслеживать чисто военные признаки планирования Западом нанесения первым ядерного удара, тогда как КГБ – собирать доказательства принятия политического решения о пуске ядерных ракет против Советского Союза Соединенными Штатами или в рамках НАТО. В Москве считали, что критическое решение может быть принято за 7–10 дней до нападения. Это, считали в Кремле, было минимальным сроком, необходимым для осуществления всех многоплановых тайных приготовлений – не только по части собственно ракет, но и по широкому спектру правительственного управления, связи между союзниками, экономического планирования и гражданской обороны. За обнаружением этих различных признаков подготовки последовал бы переход советского руководства и всех вооруженных сил и ракетных войск на более высокий уровень готовности.

Что касается Первого главного управления (где служил Гордиевский), занимавшегося шпионажем за рубежом, то все сомнения в серьезности операции были развеяны обращением главы ПГУ генерала Владимира Крючкова к высшим офицерам. Он сказал им, что указание о проведении «специальной военно-стратегической оценки» исходит напрямую из Политбюро (это происходило в заключительной фазе брежневского застоя). «Милитаристские империалистические круги в США, – говорилось в наставлении руководства, – проводят военные приготовления и разрабатывают новые виды оружия, которые могли бы сделать внезапное нападение реальным». Советское руководство решило, таким образом, мобилизовать все свои разведывательные службы на глобальную кампанию по повышению бдительности. Лозунгом было «Не прозевать!»

Тогда в некоторых головах в Советском Союзе (а позднее, когда появилась информация Гордиевского, и на Западе) возник вопрос: что

это – настоящий политический страх или сложная разведывательная и военная игра? Гордиевский считал, что первое. Он утверждал, что, хотя этот страх самовозбужденный и подогреваемый изнутри, он базируется на внешне достоверной оценке ситуации в Вашингтоне (явно взаимоисключающие доводы, тем более что автор следующие абзацы посвящает обоснованию упомянутых опасений. – Примеч. перев.). Советская истерия насчет того, что мир может оказаться на грани ядерной войны, вспыхнула в конце 70-х – после кризиса вокруг тегеранских заложников и возникновения амбициозных планов президента Картера по созданию крупных и с прицелом на использование во всем мире сил быстрого развертывания США. Но запал по-настоящему начал дымиться в начале президентства Рейгана. В КГБ думали, что, как и Никсон, Рейган после нескольких месяцев жесткой риторики пойдет на разрядку, но он как начал, так и продолжал гнуть свою линию.

Масла в огонь добавил факт, который Москва расценила как угрозу на ракетном фронте – появление новых и более точных американских ракетных систем. Она увидела в этом возросшую способность Запада к нанесению ответного удара по советскому ядерному арсеналу, выживанию и победе. Техническими индикаторами этого явилось развертывание ракет МХ («Защитник мира»), «Трайидент II» и «Першинг II», а также крылатых ракет наземного, морского и воздушного базирования.

Еще большую тревогу в Москве вызвало так называемое «двойное» решение НАТО, принятое в 1979 году – развернуть наземные крылатые ракеты в Европе и одновременно продолжать переговорный процесс. Кремль обратил внимание на одну сторону этого решения – на развертывание и усмотрел в нем отчетливые признаки того, что весь западный альянс поддерживает американские усилия по достижению решающего военного перевеса над Советским Союзом, несмотря на дорогостоящую советскую пропагандистскую кампанию, направленную на предотвращение западной солидарности. В Москве возобладали искренние опасения насчет того, куда может завести жесткий курс Белого дома.

Последняя публичная речь Леонида Брежнева подтверждала оценки Гордиевского. 27 октября 1982 года советский лидер заявил высшим военачальникам: «Военные приготовления Соединенных

Штатов достигли беспрецедентного уровня... Мы переживаем период, когда боеготовность нашей армии и флота должна стать ещё выше... Советская Армия должна быть на высоте во всех областях... Отставание в этой конфронтации нетерпимо».

Через две недели, 10 ноября 1982 года, Брежнев умер. Однако, как показали заключения Гордиевского, с ним не умер военный невроз Кремля. И действительно, ещё более тревожный случай (более тревожный, потому что явился неожиданным и специфичным) имел место почти точно через год после смерти Брежнева, когда в Кремле подходило к концу короткое и полное катастроф время властвования ещё одного из его ископаемых лидеров – Юрия Андропова. Со 2 по 11 ноября 1983 года в НАТО проходили командные учения «Меткий стрелец» («Able Archer») по отработке процедур применения ядерного оружия. Как обычно, разведки Варшавского пакта занялись наблюдением за ходом учений, а западные разведки, тоже как обычно, – наблюдением за наблюдателями.

Скоро и британским, и американским прослушивающим центрам стало ясно, что что-то идет не так, и здорово не так. Вместо нормального прослушивания через железный занавес зафиксировали резкое увеличение радиообмена – по объему и интенсивности – между странами восточного блока. 8–9 ноября паника в Кремле достигла предела. Заметив изменения формата радиообменов в ходе учений «Меткий стрелец», московский Центр разослал во все резидентуры запрос по «РЯН». Случилось, казалось бы, немыслимое: Варшавский пакт заподозрил, что он в любой момент может подвергнуться ядерному нападению.

Гордиевский объяснил, что это было вовсе не немыслимым. Классический советский план нападения на Запад предусматривал маневры как комбинированное маскировочное прикрытие и трамплин для настоящего нападения. Естественно, русские подумали, что их противник сделает то же самое. Поэтому Центр, пояснил Гордиевский, всегда отдавал приоритет ведению разведки за учениями НАТО и получению разведанных о процедурах приведения в боеготовность. Для Запада было жизненно важно не сбить противника с толку в этом вопросе. В результате предупреждений Гордиевского Запад внес поправки в свою практику, чтобы избежать провоцирования

противника в будущем. И, насколько известно, паника 1983 года больше не повторялась.

В более широком политическом аспекте участие Гордиевского привело к ещё большим переменам. В сентябре 1985 года британские официальные лица передали американцам информацию Гордиевского по «РЯН» с его подробным анализом не только кремлевской стратегии, но и кремлевской психологии. Документ под названием «Советские представления о ведении ядерной войны» насчитывал 50 страниц.

Его самый настойчивый вывод состоял в том, что советское руководство слишком верует в собственную пропаганду насчет «агрессивных империалистических кругов» и Западу следует быть очень осмотрительным и не давать развиваться этой опасной паранойе, дабы не подтолкнуть Кремль к переходу грани. До тех пор в Белом доме искренне верили, что сообщения, шедшие в Москву от таких людей, как Анатолий Добрынин (советский посол в Вашингтоне более двух десятилетий), создавали верную картину по существу миролюбивой Америки. Теперь стало ясно, что долгое время даже этот уважаемый ветеран говорил Кремлю то, что тот хотел слышать.

Президент Рейган, говорят, прочел доклад Гордиевского от начала до конца, что отнюдь не было его обычной практикой. Предостережения Гордиевского возымели результат. Вскоре после этого знаменитое рейгановское «империя зла» стало употребляться всё меньше, пока не исчезло из его лексикона.

Но влияние сообщений Гордиевского не ограничивалось политической сферой. Он мог сказать вещи огромной важности профессионалам спецслужб Великобритании и других западных стран. Он мог со знанием дела рассказать, какой ущерб операциям КГБ в Великобритании нанесла настойчивая политика британского правительства по сокращению с 1971 года числа советских офицеров разведки в Лондоне. Жесткая британская политика в вопросах высылки возымела успех как минимум на двух фронтах. Во-первых, это деморализовало офицеров и нанесло ущерб карьерам выдворенных (три офицера из числа выдворенных в 1983 и 1984 годах абсолютно лишились перспективы выезда, а из трех выдворенных из Дании в начале 70-х один запил, ещё один тоже покатился вниз). Во-вторых, в результате выдворения остался персонал, не подходящий для работы, оставили тех, кто сохранил свою «незапятнанность», но удалили

сотрудников посмелее, приобретших опыт работы за рубежом. К тому же, поскольку он работал по английской линии в КГБ, он знал, кто числится по реестрам КГБ как агенты или «разработки».

Он смог убедить Миб, что лондонская резидентура КГБ в период с 1982 по 1985 годы работала крайне неэффективно. Большинство её контактов были низкого уровня, с ограниченным доступом к важной информации. У резидентуры не было успешного проникновения в высокие слои британского истеблишмента. Существовал значительный контраст с настойчивой, преданной и порой блистательной работой КГБ в других странах и низким уровнем работы лондонской резидентуры, которая порой обманывала Центр. Резидентура обманывала Центр относительно количества и качества имевшейся агентуры. Центр обманывал Политбюро, снабжая его информацией, которую там хотели слышать. Не гнушалась резидентура порой и фабрикацией информации, хотя чаще она составлялась на основе прессы. Однажды лондонская резидентура получила запрос из Центра о реакции на Западе на встречу Горбачева в Москве с делегацией Социалистического Интернационала. Поскольку у резидентуры не оказалось подходящей информации, сообщение было придумано со ссылкой на более или менее убедительные источники.

Кем же был этот русский, который в тридцать с лишним начал на основе чисто идеологического убеждения работать против Советского Союза и до достижения пятидесяти лет сумел трансформировать восприятие Западом советского режима? Что можно сказать о прежней жизни и работе Олега Гордиевского?

Он родился в Москве в октябре 1938 года. Отец его был офицером НКВД (как тогда назывался КГБ) и с 20-х годов являлся функционером партии. Это был образованный человек, воспитанный на русской культуре, но одновременно верил в то, что пишет пресса – даже в оправдание чисток. Мать была родом из Средней Азии, а её мать была почти неграмотной крестьянкой с глубокой религиозной верой. Мать и бабушка предприняли попытку покрестить Олега, но она сорвалась. Так и шло перетягивание Олега на ту или другую сторону всё его детство и отрочество.

Семья проживала в московском здании, почти сплошь заселенном сотрудниками КГБ. Во время неоднократно повторявшихся чисток конца 30-х годов они часто слушали в предрассветные часы стук в

двери соседей, один за другим коллег из КГБ увозили, и они больше не возвращались.

Еще до смерти Сталина Олег слышал, как родители обсуждали порядки в стране, у матери были вопросы к власти, отец её защищал. Но в 1956 году отцу пришлось в полный голос обсуждать партийные дела со всей семьей. По Москве ходила знаменитая речь Хрущева на XX съезде КПСС с разоблачением сталинского террора. К юношескому скептицизму в отношении верхов добавился шок, произведенный речью Хрущева.

1956 год оказался значимым и для его карьеры. Он поступил в МГИМО, а это традиционно вело в разведку или дипломатию. Гордиевский был уверен, что его судьба за рубежом, только форма, которую примет эта судьба, не снилась ему даже в самых необычных снах.

Это был год возбуждения в советском обществе – год венгерской революции. Гордиевский позже говорил, будто искренне верил, что это начало новой эры, но он быстро подавил в себе эти настроения, когда обнаружил сдержанную реакцию сокурсников на них. И вовремя, потому что через несколько дней пришли сообщения о начале подавления восстания.

В августе 1961 года, перед последним курсом, Гордиевского направили на практику в Советское посольство в Берлине. Он находился там до января 1962 года. Эти месяцы открыли ему глаза не только на дипломатическую работу. Он прибыл в примечательный момент: на другой день после его приезда была воздвигнута Берлинская стена, после чего сразу последовала пропагандистская кампания оправдания этого чудовищного сооружения, которая, может быть, с профессиональной точки зрения произвела на Гордиевского впечатление, но у него появились сомнения в превосходстве «рая для рабочих» и в нравственности тех, кто управлял им.

Эти месяцы в Восточном Берлине заставили его о многом задуматься. Он и в институте получил представление о западном мире, читая западногерманские газеты. В Берлине эти представления стали прочнее и отчетливее. Каждый день он имел возможность смотреть западные телепрограммы и читать западные газеты как они есть. Для образованного молодого человека с пытливым умом недостатки и

особенно вопиющая неэффективность системы, которой он служил, высветились довольно контрастно.

В Москву вернулся молодой человек, полный скрытых сомнений, чтобы в том же году последовать по стопам отца в КГБ (?! – Примеч. перев.). После годичной подготовки он провел три последующих года в подразделении «С» штаб-квартиры Первого главного управления, который ведал организацией советской нелегальной сети (то есть разведчиков, не имевших официального прикрытия). В январе 1966 года он был направлен в свою первую командировку на теплое местечко – в Копенгаген. Там он занимался оперативной работой по расширению и руководству агентурной сетью в Дании.

Он пробыл в датской столице до января 1970 года, и за эти четыре года его неприятие коммунистического режима сформировалось окончательно. Это было не то что в Берлине, откуда он видел западный мир урывками, через решетку клетки. В Копенгагене он находился внутри свободного мира. Всё, что он знал о терроре сталинской системы и других эксцессах недавней советской истории, приобрело новую перспективу и обнажило его истинные настроения в отношении системы, в которую он был призван верить и должен был защищать.

Летом 1968 года произошло вторжение в Чехословакию. Для Гордиевского чехословацкий кризис оказался заключительным доказательством того, что даже под руководством человека типа Хрущева система не способна к изменениям (фраза не совсем логична: Хрущева уже четыре года не было у власти. – Примеч. перев.). И в глубине души он решил, что должен бороться с системой, но ещё не был готов психологически к действиям в соответствии с этим решением.

Он провел в Москве чуть менее двух лет – с января 1970 по октябрь 1972 года. Он снова работал в московском Центре, и в этот период произошел его переход от административных к политическим обязанностям. Работа по «нелегалам» в Центре была ещё менее привлекательной после занятия тем же делом в Копенгагене. Он перешел в 3 отдел, где требовалось больше ума, это был уровень повыше. 3 отдел занимался операциями КГБ в Великобритании, Ирландии, Австралии, Новой Зеландии, на Мальте, а также в Скандинавии и Финляндии. Первоочередной задачей 3 отдела тогда

было восстановить лондонскую резидентуру из ничтожной кучки, оставшейся от неё после массовой высылки – 105 сотрудников – в сентябре 1971 года по следам разоблачений, сделанных Лялиным. Позже Гордиевский сообщил британцам, что метла сработала нечисто и не вымела всю шпионскую сеть, как на это надеялись. Около восьми сотрудников КГБ и пяти из военной разведки ГРУ «выжили», потому что даже Лялин не знал об их существовании. Тем не менее эта массовая чистка, наиболее крупная за всю историю шпионажа между Востоком и Западом, явилась для Центра подобием землетрясения. Даже одно выдворение вызывало там серьезные колебания почвы. Нет такой шкалы, по которой можно было измерить силу удара, нанесенного выдворением единым махом 105 человек. И плохо то, что удар был нанесен по лондонской резидентуре, которая дала КГБ так много беглецов в прошлом и всегда считалась образцом советской разведывательной деятельности. Но шок был не единственной реакцией на случившееся: к нему примешивалось определенное уважение к правительству, у которого хватило нервов и уверенности в себе бросить Москве такой вызов.

Этот эпизод поднял в глазах Гордиевского профессиональный авторитет британцев. Он уже обдумывал, как можно сделать шаг навстречу Западу во время следующей зарубежной командировки. В принципе, он был готов связаться или с ЦРУ, или с Миб. На то время у него были веские доказательства, включая вердикт одного из резидентов копенгагенского периода, который заведовал британским направлением работы в московском Центре, о том, что сейчас нет риска для его собственной безопасности при работе с англичанами: «Время Филби и Блейков прошло».

Когда Гордиевский осенью 1972 года прибыл вторично в Копенгаген, он был готов вступить в контакт с Западом. Первыми сделали шаг навстречу британцы, но все случилось не сразу. Самым удобным местом для его обработки оказались дипломатические коктейли. На первых стадиях Гордиевский проявлял осмотрительность – не в отношении того, что он делает, а того, когда и где нужно действовать. Так или иначе, но к 1975 году он начал сотрудничать с англичанами на регулярной основе.

Как сотрудник 3 отдела, Гордиевский, очевидно, досконально знал всю «легальную» сеть КГБ, действующую с территории советского

посольства (которой он сам занимался, работая в Центре), и датских граждан, активно работающих на Москву или по тем или иным причинам податливым советскому влиянию. Он был также в состоянии многое рассказать о работе КГБ в более широком скандинавском плане. Доподлинно известно, что в основе ареста полковника Берглинга из шведской военной разведки и советской шпионки в МИД Норвегии Хаавик в предыдущем году лежала информация, полученная от Гордиевского.

Западный альянс в долгу перед Гордиевским за ту его роль в поимке в свою сеть ещё более крупной норвежской рыбы КГБ – Арне Трехольта. Трехольт был в конце концов арестован в 1984 году, пойманный с поличным при передаче документов. 20 июня 1985 года он был приговорен в Осло к двадцати годам тюремного заключения по обвинению в шпионаже с 1975 года. На суде было сообщено, что КГБ поймал его, как и его норвежскую коллегу мисс Хаавик, на том, что зафиксировал на фотопленке его участие в сексуальной оргии, и пригрозил сделать снимки достоянием гласности, если он не пойдет на сотрудничество. У Трехольта, которому тогда было лет тридцать пять, открывалась впереди блестящая карьера, согласился сотрудничать. Одним из итогов сотрудничества явился устойчивый поток секретных документов НАТО, касающихся не только планов альянса по защите уязвимого северного фланга НАТО от угроз советских атак, но и закрытых дискуссий между норвежскими министрами и другими западными лидерами, включая д-ра Генри Киссинджера, западногерманского канцлера Гельмута Шмидта и британского министра иностранных дел лорда Каррингтона. Другим почти столь же важным результатом вербовки Трехольта было то, что Советский Союз приобрел в Осло важного «агента влияния», потому что молодой пресс-секретарь Министерства иностранных дел был в прекрасных отношениях почти со всеми членами правительства Норвежской рабочей партии. И правда, ему вменялась частичная ответственность за решение правительства об отказе правительства на размещение любого ядерного оружия НАТО на норвежской территории, пока не разразится настоящая война между Востоком и Западом.

Величайшая услуга Британии со стороны Гордиевского пришла после его возвращения в июне 1978 года в Москву. Истоком её были внутренние интриги. Хотя Гордиевский был всю свою оперативную

жизнь специалистом по Скандинавии (в дополнение к беглому датскому он говорил немного и по-шведски), Гордиевский сумел в 1981 году перевестись в британское подразделение 3 отдела Первого главного управления. Он пошел на этот шаг со своими представлениями о лояльности и с целью попасть в командировку в Лондон. Так оно и вышло. В январе 1982 года в британское посольство в Москве пришел запрос о предоставлении визы для работы в советском посольстве некоему Олегу Гордиевскому. Это был приятный новогодний сюрприз. Визу выдали без проволочек.

Гордиевский приехал в Лондон в июне 1982 года со своей второй женой Лёлей (первый брак, заключенный в 1963 году, оказался неудачным, детей не было, он развелся, женился второй раз в 1978 году, от второго брака родились две дочери – Мария и Анна). Он имел звание полковника КГБ и приехал на посольскую должность советника – высочайшая дипломатическая «ниша», отводимая для сотрудника разведки. Его должность облегчала контакты с Миб, поскольку одной из первейших его задач была разработка любых источников информации, перспективных на предмет последующей вербовки.

В Лондоне Гордиевский быстро закинул удочку на должность резидента. Британцы, естественно, оказали ему всяческую помощь как отвечающему за политическую разведку, снабжая его такой информацией, которая как нельзя лучше могла удовлетворить его руководство. Неудивительно, что Гордиевский скоро приобрел репутацию высокого знатока британской политической сцены. Он, например, предсказал убедительную победу Маргарет Тэтчер на выборах 1983 года и убедил Москву, что стачка горняков, возглавлявшихся Артуром Скагиллом, в конечном итоге потерпит провал. Его контакты, похоже, приносили немалые дивиденды Кремлю.

В 1983 году Игорь Титов, заместитель резидента и потенциальный противник Гордиевского на занятие высшего поста, был выдворен из Великобритании на том основании, что он нарушил «дипломатические нормы», сделав попытку завербовать в Великобритании американского студента. На другой год самому резиденту, генералу Аркадию Гуку, пришлось паковать вещи в связи с делом Беттани. Майкл Беттани, офицер службы безопасности среднего ранга с доступом в святая святых британских спецслужб, попытался предложить свои услуги

генералу Гуку, а Гордиевский оказался в состоянии узнать об этом предложении, и Беттани, естественно, арестовали, приговорили к 23 годам тюремного заключения. Так что Гордиевский помешал КГБ приобрести опасного шпиона и тем самым оказал Западу ещё одну великую услугу.

1984 год был годом большого события – визита в Великобританию Михаила Горбачева, который начался 15 декабря. Горбачев был тогда только членом Политбюро, но, как один из секретарей ЦК по идеологии, уже занимал ключевую позицию в режиме и считался на подходе к власти. Гордиевский и его британские помощники своего не упустили. Как заместитель резидента по политическим вопросам, Гордиевский готовил подробные личные данные на премьер-министра, министра обороны, спикера Палаты общин и все другие ведущие фигуры, с которыми Горбачев должен был встречаться, а также справочный материал. Во время визита он отвечал за составление откликов по событиям дня, которые отсылались в Москву. Он не всегда присутствовал, когда поздно ночью эти сводки прочитывал визитер, но скоро узнал, что они оценивались как первоклассные и почти всегда передавались без каких-либо изменений.

Был случай, обнаруживший калибр будущего генерального секретаря. В день, когда Горбачев собирался по плану выехать в Шотландию, из Москвы пришло срочное сообщение о смерти министра обороны и члена Политбюро маршала Устинова. Сразу отложить визит? Его советники, включая Замятина, нынешнего (еще раз напоминаем, что книга вышла в 1988 году. – Примеч. перев.) советского посла в Лондоне, выступали за немедленное возвращение. Горбачев не спал до трех утра, обсуждая и взвешивая проблему. Наконец, он объявил свое решение: он поедет в Шотландию, но вместо двух дней пробудет там один. Это был поступок человека, который знает, чего хочет, и уверен в своих суждениях.

Успешный визит Горбачева наложил благоприятный отпечаток и на карьере Гордиевского. В следующем месяце, в январе 1985 года, его вызвали в Москву и открыто дали понять, что после отъезда полковника Никитенко он станет резидентом. С этой целью он был посвящен в личный код резидента, что означало высшее доверие.

Однако через четыре месяца случился удар, после которого Гордиевский едва уцелел.

Утром 17 мая 1985 года для него пришла личная телеграмма. Звучала она вполне нормально. Ему было велено приехать в Москву для получения руководящих указаний на предмет вступления в должность резидента. В то время не было никаких оснований подозревать ловушку. Его последний визит в Москву, как и предыдущие, прошел гладко, и, по его мнению, не было видимых причин для подозрений против него, поэтому он решил подчиниться приказу.

Но как только он приземлился в Москве, Гордиевскому стало ясно, что за ним установлено наблюдение. Консультации на высоком уровне, ради которых он был якобы вызван, не проводились. За ним велась слежка, и, наконец, с ним провели устную проверку на лояльность. Но его собеседники, очевидно, не нашли подтверждений, которых искали, ибо его оставили на свободе. Тем временем жену и детей перевезли из Лондона в Москву, КГБ следил за каждым его шагом.

Гордиевский решил бежать и искать спасения на Западе. Ему нужно было принять нелегкое решение бросить семью, потому что знал: из кольца, смыкавшегося вокруг него, вчетвером не вырваться. На субботу-воскресенье он отправил семью за город. Жена ничего не подозревала. Сам же Гордиевский, проявив недюжинную решимость и высокий профессионализм, несмотря на плотную слежку, сумел осуществить план ухода на Запад, – план, который до сих пор не может быть раскрыт. 12 сентября МИД Великобритании объявил, что Олег Гордиевский попросил и получил политическое убежище в Великобритании.

Почему Гордиевский столь внезапно попал из фаворита в подозреваемые? Ответ на это не готов, и он появится, возможно, с будущими перебежчиками, которые служили в Центре в соответствующее время. Самый вероятный ответ состоит в том, что аналитики в Центре, анализируя утечки информации за предыдущие десять лет, сошлись на одном человеке в коротком списке подозреваемых. Ясно, что обвинений против него набиралось всё больше, но они были косвенными. Единственный сюрприз состоит,

пожалуй, в том, что, несмотря на рискованность Гордиевского, КГБ не мог так долго поставить под вопрос его лояльность.

В качестве немедленного оперативного результата побега Гордиевского было выдворение 37 советских разведчиков из КГБ и ГРУ, работавших в Великобритании под официальными прикрытиями. Им по цивилизованным нормам дали три недели на сборы. Список включал шестерых дипломатов, семерых сотрудников торгпредства и пятерых журналистов. Это была самая большая операция такого рода после 1971 года, когда выслали 105 человек, и уступала такому же мероприятию по другую сторону Ла-Манша, когда по следам дела «Фэрвела» из Франции выдворили 47 советских шпионов^[63].

Это что касается краткосрочных профессиональных последствий побега Гордиевского в Великобританию – шага, который он сделал, по словам премьер-министра Маргарет Тэтчер, потому что «пожелал стать гражданином демократической страны и жить в свободном обществе». Его долгосрочное значение во многом раскрывается этими словами. Гордиевский повернул на Запад не из-за обиды, разбитых амбиций или домашних неурядиц, не в результате подкупа или шантажа или ради материального благополучия.

Его решение сотрудничать с британцами, как он подчеркивал вскоре после совершения последнего шага, было отнюдь не легким; этот шаг нельзя расценивать и как следствие его безответственности и неустойчивости. Он сделал его, по его словам, только после долгой душевной борьбы и пришел к выводу, что единственная надежда на прогресс для его страны лежит в демократии, а также в терпимости и гуманизме, которые несет демократия. Если человек действительно верит в это, по словам Гордиевского, он должен проявить смелость убеждений и действовать. Совершив свой шаг и помогая, как мог, сохранению безопасности и процветания Запада, он видел в этом залог того, что в один прекрасный день свобода может быть снова обретена и народами Советского Союза.

Как и «Фэрвел», Гордиевский отверг систему, в которой вырос и достиг высот, поскольку считал, что она предает русский и восточноевропейские народы. Он надеялся однажды увидеть глубокие реформы режима, озабоченного лишь сохранением власти правящей олигархии, власти расточительной и неэффективной, прикрывающей свои действия завесой террора и лжи. А пока таких реформ нет, считал

он, он рассматривает режим как преступный в отношении своих граждан и угрозу всеобщему миру из-за его параноических идей и врожденного экспансионизма. И пока коммунистический джаггернаут^[64] восстанавливает себя, его задача, считал Гордиевский, понятнее объяснить Западу устройство этой машины и её работу, чтобы Запад избегал ненужных столкновений с ней. Как и другие перебежчики, мотивы которых были чисто идеологические, Гордиевский стремился не разрушать мосты между Востоком и Западом, а строить их.

notes

Примечания

Олег Гордиевский – бывший полковник Первого главного управления КГБ СССР (внешняя разведка), заочно приговорённый к расстрелу за государственную измену. С 1974 года по 1985 год тайно работал на британскую разведку (псевдоним – OVATION). Британский историк спецслужб кембриджский профессор Кристофер Эндрю называет Гордиевского «самым крупным агентом британской разведки в рядах советских спецслужб после Олега Пеньковского» – прим. ред.

Акмолинский лагерь жён изменников Родины (А.Л.Ж.И.Р.) – разговорное название 17-го женского лагерного специального отделения Карагандинского ИТЛ в Акмолинской области, Казахстан (1938–1953). Название связано с составом заключённых, значительная часть которых была репрессирована в соответствии с оперативным приказом НКВД СССР № 00486 как ЧСИРы – «члены семей изменников Родины». В 1938 году в лагере находилось около 8 тыс. заключённых женщин, в том числе 4500 ЧСИР. Еще около 1500 ЧСИР находилось в других отделениях Карлага – прим. ред.

Носенко Юрий Иванович – сотрудник Второго главного управления (контрразведка) КГБ СССР, с 1962 года добровольный агент ЦРУ. Умер в августе 2008 года в США – прим. ред.

Иван Исидорович Носенко был министром судостроения СССР в 1939–1956 годах – прим. ред.

Офицер МІ6 (британская разведка), по собственным убеждениям перешёл на сторону советской разведки. После разоблачения приговорён в Великобритании к 42 годам тюремного заключения, бежал из тюрьмы – прим. ред.

Николай Евгеньевич Хохлов (7 июня 1922, Нижний Новгород – 2007, Сан-Бернардино (Калифорния), США) – капитан советской разведки, отказавшийся выполнять порученное ему убийство и оставшийся на Западе. Подробнее см. Хохлов Н. Ликвидатор с Лубянки. Выполняя приказы Павла Судоплатова. – М., 2017., – прим. ред.

Олег Пеньковский – полковник (лишён звания в 1963 году) Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба Вооружённых Сил СССР. В 1963 году обвинён в шпионаже (в пользу США и Великобритании) и в измене Родине, расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР – прим. ред.

Во время официального визита в Великобританию члена Политбюро ЦК КПСС Михаила Горбачёва в декабре 1984 года Гордиевский произвел на него весьма благоприятное впечатление. Следствием этого стало назначение Гордиевского в январе 1985 года исполняющим обязанности резидента вместо Никитенко с перспективой утвердиться в этой должности – прим. ред.

Владимир Ипполитович Ветров (19 октября 1932 – 23 февраля 1985) – подполковник Первого главного управления КГБ СССР (ПГУ), завербованный западной разведкой. Передал французской разведке чрезвычайно важную информацию о советской программе по хищению западных технологий – прим. ред.

Игорь Гузенко – перебежчик, шифровальщик советского посольства в Канаде – прим. ред.

Переводчик одной из английских подслушивающих станций, который начал работать на советскую разведку в 1968 году. В начале 80-х годов был осужден за шпионаж в пользу СССР на 38 лет тюремного заключения – прим. ред.

Аналитик Агентства национальной безопасности США, начал работать на советскую разведку в 1980 году. В 1985 году был арестован и приговорен к пожизненному заключению – прим. ред.

Бывший агент ЦРУ, работавший на советскую разведку. Сбежал в СССР – прим. ред.

Вероятно автор имел ввиду, что кроме двух легальных резидентур (НКВД и ГРУ), шифросвязь использовали еще и сотрудники МИДа. Правда, не ясно, какие еще две «отдельных сети» он имел ввиду – прим. ред.

Вымысел автора – прим. ред.

Борис Георгиевич Бажанов (9 августа 1900, Могилёв-Подольский, Винницкая область, Российская Империя – 30 декабря 1982, Париж[2]) – сотрудник аппарата ЦК ВКП(б), помощник (личный секретарь) И. В. Сталина (1923–1927). Получил широкую известность благодаря книге «Воспоминания бывшего секретаря Сталина», выпущенной им в Париже в 1930 году, после побега из СССР в 1928 году – прим. ред.

В британской политической практике, как и практике многих других стран, принята система несменяемых чиновников в ранге постоянных замминистров, которые остаются на своем месте и после поражения правящей партии и прихода нового министра. – Примеч. перев.

Кинг сформировал первое правительство ещё в 1922 году. –
Примеч. перев.

В странах Содружества главы дипломатических миссий других стран Содружества именуются не послами, а высокими – или верховными – комиссарами. – Примеч. перев.

Соответственно «Ворон» и «Примула»; для удобства мы будем далее использовать русский вариант. – Примеч. перев.

Он был найден мертвым в вашингтонском отеле – см. главу 7. –
Примеч. перев.

В связи со спорами насчет того, был ли Холлис советским агентом, следует заметить, что предложение его кандидатуры со стороны Филби вовсе не компрометирует Холлиса. Холлис был очевидным кандидатом по своему служебному положению, и исполнил он свою миссию достойно. – Прим. перев.

Так называют в странах Содружества посольства друг друга. –
Примеч. перев.

В качестве довода в пользу оттяжки арестов приводится один совсем смехотворный довод, мы приведем его и всё связанное с ним вкратце. Западу хотелось «раскрутить» связи Мэя в Лондоне, а по бумагам Гузенко выходило, что на 7 октября у Мэя была назначена встреча возле Британского музея. В книге подробно описаны условия встречи. Наружное наблюдение велось за квартирой Мэя и за местом встречи. Но Мэй не сдвинулся с места из своей квартиры, а у Британского музея, естественно, никто не появился. Неужели специалистам было неясно (и автору книги тоже), что, даже если Мэя не успели бы предупредить, он все равно никого не нашел бы на месте встречи? – Примеч. перев.

Элизабет Бентли с 1938 года по 1945 год была агентом советской внешней разведки (оперативный псевдоним «Умница»). В ноябре 1945 года, разочаровавшись в коммунистических идеалах, попала на встречу с главой ФБР Эдгаром Гувером. Рассказав о своем сотрудничестве с НКВД и выдав часть своих коллег, она согласилась работать двойным агентом. Далее для Бентли настала черед разбирательств – она предстала по настоянию Генерального прокурора США Тома Кларка перед Большим жюри, подробности её деятельности стали просачиваться в прессу, в июле 1948 года она встретила с корреспондентами газеты New York World-Telegram, которая написала от неё. 31 июля 1948 года она предстала перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности. Выяснение вины Бентли было долгим и сложным, так как своей деятельностью она задела достаточно высокопоставленных лиц – прим. ред.

Автор допустил грубую ошибку. Уайт давал показания и защищал свою репутацию перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности в августе 1948 года. Через три дня после дачи показаний Уайт умер от сердечного приступа в летнем доме в Фиц Уильям, штат Нью-Гэмпшир. Несколько источников информации, в частности архивные документы ФБР и СССР, указывают на то, что он передавал секретные данные Советскому Союзу. Хотя официально это не доказано – прим. ред.

В реальности полковник Заботин был осужден, но после смерти Сталина вышел на свободу и до своей смерти жил в Карелии – прим. ред.

В действительности Мэй принял в августе 1945 года 500 долларов (по тем временам внушительную сумму) от полковника Заботина. Жаль, что он не отстоял свой идеализм и не вернул деньги. — Прим. пер.

Во время Великой Отечественной войны Виктор Кравченко был членом советской закупочной комиссии в Вашингтоне. Там он познакомился с антисталинистами с левым прошлым – меньшевиком Давидом Юльевичем Далиным, его женой-троцкисткой Лилией Эстрин-Далин, бывшим троцкистом Максом Истменом, журналистами Исааком Дон Левиным и Юджином Лайонсом. Попросил политического убежища в США. С 1943 жил в США в Нью-Йорке под именем Питера Мартина. Написал книгу «Я выбираю свободу». – прим. ред.

Гузенко, выслуживаясь, падает все ниже, сдает всех подряд, даже случайно что-то сболтнувших ему – а может и нет; доведись эту строку из его показаний прочесть на советской стороне – а такая возможность, как мы увидим, была, – его бывшему приятелю лейтенанту Любимову в 1952 году, это легко могло бы стоить жизни. – Примеч. перев.

В конце 1926 – резидент ИНО ОГПУ в Иране. С апреля 1928 – снова на работе в центральном аппарате ОГПУ (начальник сектора по Среднему и Ближнему Востоку ИНО). С октября 1929 – резидент советской нелегальной разведки в Константинополе. В 1930 бежал из Константинополя во Францию. Своё бегство объяснял несогласием с методами работы советских спецслужб и политикой Кремля. По другим сведениям, причиной бегства стал роман с преподавательницей английского в Константинополе. Вскоре после бегства опубликовал книгу-разоблачение: «OGPU: The Russian Secret Terror». Публикация привела к арестам сотен советских агентов в Иране (Персии) и других странах Ближнего Востока, а также к резкому обострению отношений СССР с шахом Ирана Резой Пехлеви. В августе 1937 года ликвидирован спецгруппой ИНО НКВД во Франции. – прим. ред.

Имеется в виду морская битва в июне 1942 года и высадка союзников. – Примеч. перев.

Советский Союз отказался подписать Сан-францисский мирный договор с Японией (8 сентября 1951 года), по которому восстанавливался национальный суверенитет Японии, но Соединенным Штатам позволялось иметь в Японии свои войска и базы. В результате у Москвы не было нормальных дипотношений с Токио, а дипломатическая миссия имела неопределенный статус «представительства».

В реальности она выполняла задание американской военной контрразведки. Согласно данным из западных источников, звали ее Хоуп Макартни Саймонс. Она выполнила до конца предписанное ей руководством – проводила беглеца до Америки, вышла за него замуж, родила двух дочерей. Правда, потом бросила надоевшего ей русского и вышла замуж вторично – за сотрудника ЦРУ. – прим. ред.

В своих показаниях и интервью Растворов сообщил, что в Токио у него на связи было 36 агентов-японцев. И назвал их имена. К счастью, большинство из выданных им людей отделались легким испугом – защите удалось доказать их невиновность. У Японии в те годы не было и быть не могло государственных секретов, в каком же шпионаже их обвинять?! Не повезло самому ценному агенту Растворова – Хигараси Нобунори. На допросе он выбросился из окна четвертого этажа и разбился насмерть. – прим. ред.

Сомнительное утверждение автора. В силу своего служебного положения перебежчик не мог знать подробности работы советской разведки в США. Возможно, что сделано это, чтобы скрыть другие источники информации. – прим. ред.

Сомнительное утверждение автора. Перебежчик начал службу в МГБ в 1947 году. Сначала в Управлении охраны руководства страны, а затем в немецко-австрийском отделе центрального аппарата внешней разведки. В этом самом отделе он занимал должность секретаря парторганизации. В 1953 г. Дерябин был направлен в Вену начальником группы контрразведки. – прим. ред.

Согласно документам на награждения во время Великой Отечественной войны – в 1919 году. – прим. ред.

В результате недоработок египетской службы безопасности в октябре 1981 года был убит заговорщиками – участниками военного парада президент Садат, наблюдавший за парадом. – Прим.авт.

У автора эта организация почему-то расшифровывается как «Национальный союз русских солидаристов». – Примеч. перев.

Временные удостоверения личности, введенные Лигой Наций по инициативе Фритьофа Нансена и выдававшиеся апатридам и беженцам в 20-х годах. – Примеч. перев.

В реальности Карл Кляйнюнг использовал документы оформленные на имя полевого жандарма унтер-офицера Отто Шульца – прим. ред.

Год её рождения не согласуется с утверждением в тексте (оно опущено) о том, что 12-летней девочкой она увидела на Лубянке пионеров (в 1912 году?), и другими фактами биографии. Возможно, она родилась семью годами позже. – Примеч. перев. На самом деле родилась она 5 сентября 1915 года. – прим. ред.

Непонятно, правда, в чем была опасность литературной деятельности – прим. ред.

В реальности его отец Владимир Иванович Кривош родился 1 июля 1865 года в Словакии, в городе Липтовск-Микулаш, и после окончания гимназии перебрался в Российскую империю. Чуть позже он принял православие. Его первой женой (согласно данным из ЦА ФСБ РФ) была сотрудница Главного управления госбезопасности НКВД Евдокия Алексеевна Петрова. Приговорен он был к 8 годам заключение, но в октябре 1941 года решением Особого совещания НКВД был освобожден. – прим. ред.

Всесоюзного общества культурных связей с заграницей,
предшественника ССОДа. – Примеч. перев.

Напомним строки: при жизни его подозревали, а после смерти открыто обвиняли в том, что он был агентом Кремля. – Примеч. перев.

Вот его военная биография. 1941–1942 – старший инструктор по комсомольской работе Политуправления Московского военного округа. 1942–1943 – офицер по особым поручениям Военного совета Московского военного округа. 1943–1944 – начальник учебного отряда и позднее командир артиллерийского батальона 27-го артиллерийского полка 1-го Украинского фронта. 1944–1945 – адъютант командующего артиллерией 1-го Украинского фронта С. С. Варенцова. Пеньковского и Варенцова связывали многолетние служебные и личные отношения, в том числе в послевоенные годы. 1945 – командир 51-го гвардейского артиллерийского полка 1-го Украинского фронта. На фронте был дважды ранен (тяжёлое и лёгкое ранения). – прим. ред.

Французский государственный служащий, работавший с 1962 года в аппарате военно-политического союза НАТО; известен как завербованный в 1943 году советскими разведывательными органами источник секретных сведений. Был арестован в 1963 году, осуждён к пожизненному сроку за шпионаж, помилован в 1970 году – прим. ред.

В реальности был арестован на год позже – в августе 1963 года – прим. ред.

В реальности этот «молодой офицер советской военной разведки» никакого прямого отношения к спецназу не имел. – прим. ред.

В реальности перебежчик в силу своего невысокого служебного положения (сотрудник резидентуры в нейтральной западноевропейской стране) располагал очень скудным набором сведений. Достаточно указать, что с 1961 года по 1986 год на американскую разведку работал генерал-майор ГРУ Дмитрий Поляков. – прим. ред.

Откуда у рядового сотрудника резидентуры могли быть такие документы? – прим. ред.

Фантазия перебежчика. В реальности группы спецназа должны были выявлять и уничтожать различными способами командные пункты противника, пусковые установки ракет с ядерными боеголовками и т. п. В случае возникновения вооруженного конфликта между СССР и США победитель, хотя сомнительно, что такой был бы, определился бы в течение нескольких часов. Кто меньше пострадал от последствий оружия массового поражения, тот и «выиграл». Ну а политики, религиозные деятели, профсоюзные боссы в любом случае оказались бы не у дел. Странами, а точнее тем, что от них осталось, управляли бы военные или бандиты. – прим. ред.

После прочтения этого абзаца сразу понятно, что человек никогда не служил в советском спецназе. В реальности все было с точностью до наоборот. – прим. ред.

Классический пример пропаганды эпохи холодной войны. Чем безумнее идея, тем больше вероятность того, что в нее поверят. — прим. ред.

На самом деле офицером ГРУ Резун стал на несколько лет позже, после окончания Военно-дипломатической академии, а тогда он был танкистом. – прим. ред.

В реальности в Советской армии в семидесятые годы не существовало методов подготовки офицеров спецназа, которые так красочно описал перебежчик в своих книгах. – прим. ред.

В реальности захват Праги осуществляли части ВДВ, а не мотострелковой дивизии. – прим. ред.

В реальности операцию «Дунай» начали разрабатывать в апреле 1968 года. – прим. ред.

Предположения, что ему был навсегда закрыт выезд из Советского Союза в силу его знаний, неверен. Были возможности встретиться с ним за границей, даже в Париже, но именно «Фэрвел» выступал против.

Юрченко бежал обратно в Советский Союз в ноябре 1985 года. В этом поступке усматривается множество причин, и все личные. Роман, который у него был в Оттаве с одной русской женщиной, работавшей в советском посольстве, рухнул, так как она отказалась просить вместе с ним политическое убежище. Более того, это редкий случай среди перебежчиков: жизнь в Соединенных Штатах при ближайшем рассмотрении показалась ему менее привлекательной, чем ему казалось. Он был также рассержен на то, что ЦРУ поторопилось дать в прессу некоторую информацию, которую он успел рассказать. В целом созданные вокруг него условия в немалой степени способствовали его побегу обратно. Этот побег облегчался ещё и тем, что его «попечители» пошли с ним обедать в ресторан, расположенный вблизи советского посольства. Так что ему и нужно-то было извиниться на несколько минут и быть таковым. Бытует мнение, что это был тоже «импульсивный побег». Нет никаких логических или профессиональных оснований считать, что его с самого начала подкинули американцам для пропагандистского шума.

По итогам всех упомянутых выдворений следует заметить, что, по незнанию или с другими целями, «за компанию» высылали и отнюдь не сотрудников спецслужб. – Примеч. перев.

В индийской мифологии Джаггернаут – название бога Вишну, всеокрушающая зловещая сила. – Примеч. перев.